

Международный фонд правовых исследований
«Аспекты права»

Ежемесячный научный журнал
№ 1(19) / 2016

Редактор — д.ю.н. Милютин Эдуард Сергеевич Ученый
секретарь — д.ю.н. Пигалова Елена Викторовна

Бушков Дмитрий Романович
Костюк Александр Валерьевич
Мартынов Константин Андреевич
Минчук Денис Геннадьевич
Миролимжонов Мирсаид Мирзохид угли
Терехина Ирина Юрьевна
Тотрашвили Давид Ивериевич
Тукфатуллина Мадина Фаритовна
Тян Вероника Сергеевна
Хакимов Артем Сергеевич
Черкасова Мария Викторовна

Ответственный редактор
д.ю.н. Милютин Эдуард Сергеевич

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: почтовый индекс 115432, Россия, г. Москва, улица Трофимова, 26, 13

Адрес электронной почты: info@aspect-law.ru

Адрес веб-сайта: <http://aspect-law.ru/>

Международные индексы:

Редактор — д.ю.н. Милютин Эдуард Сергеевич
Ученый секретарь — д.ю.н. Пигалова Елена Викторовна

Бушков Дмитрий Романович
Костюк Александр Валерьевич
Мартынов Константин Андреевич
Минчук Денис Геннадьевич
Миролимжонов Мирсаид Мирзохид угли
Терехина Ирина Юрьевна
Тотрашвили Давид Ивериевич
Тукфатуллина Мадина Фаритовна
Тян Вероника Сергеевна
Хакимов Артем Сергеевич
Черкасова Мария Викторовна

Художник: Бахрушева Антонина Васильевна
Верстка: Семенко Антон Владимирович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель и издатель Международный фонд правовых исследований «Аспекты права»

Тираж 1000 экз.
Отпечатано в типографии 115432, Россия, г. Москва, улица Трофимова, 26, 13

СОДЕРЖАНИЕ

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Кардашова И.Б.
ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА В МЕХАНИЗМЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ5

Синицина С.В., Карпова Д.Н.
СОСТАВ АДМИНИСТРАТИВНОГО
ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ..... 8

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Джумагулов О.Е.
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ПО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ.....14

Кинзябулатов Р.С.
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: ПОНЯТИЕ
ЗАКОННОСТИ, ПРАВОПОРЯДКА В СФЕРЕ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ. 17

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Байсангурова О.А.
МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ.....21

Нестеров А.Ю.
ОСОБЕННОСТИ И СУЩНОСТЬ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОВОГО
СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ-
ОСУЖДЁННЫХ, СИСТЕМА РЕАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ И
СВОБОД (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА) 24

КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Антонович Е.К., Антонович Б.А.
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ
СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О
ПРЕСТУПЛЕНИИ29

Уварова И.А., Ница О.С.
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
КРИМИНАЛИСТИКИ..... 33

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Бронникова Т.Б.
ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ ГЕНОЦИДА В
МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ36

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Сидоров И.В.
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНОВ,
ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ, КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА
ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ.....39

Упоров И.В.
ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКИЙ НАСЕЛЕННЫЕ
ПУНКТЫ, ГОРОД И ПОСЕЛОК: КРИТЕРИИ
РАЗГРАНИЧЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНО-
ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ 43

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Азамиров К.В.
СПОСОБЫ ПОЛУЧЕНИЯ ДОСТОВЕРНЫХ И
КАЧЕСТВЕННЫХ ПРОГНОЗОВ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ
СИСТЕМЫ47

Шныров А.Е.
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОНЯТИЕ И
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ..... 52

Паращевина Е.А., Титаренко А.В.
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
СУБЪЕКТОВ КООРДИНАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....50

ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Глухов А.В.

РАСТОРЖЕНИЕ СЛУЖЕБНОГО КОНТРАКТА
ПО СОГЛАШЕНИЮ СТОРОН.....55

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Адилов А.Н., Досумов С.Т.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ,
СОВЕРШАЕМЫХ УБИЙСТВ С ОСОБОЙ
ЖЕСТОКОСТЬЮ58

Буранов Г.К.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ..... 64

Бокуц Е.Ю.

АТМОСФЕРНЫЙ ВОЗДУХ КАК ПРЕДМЕТ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ.
251 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ «ЗАГРЯЗНЕНИЕ АТМОСФЕРЫ».61

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Егорова А.И.

ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПУТЁМ
УПРОЩЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ68

Шабунина О.В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕРКИ И
ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ
АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ 71

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Троекуров П.С.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕСТА ХОВЕЙ В ПРАВОВОМ
РЕГУЛИРОВАНИИ США74

Шевелько Д.А.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ
ПРОЦЕДУР УТВЕРЖДЕНИЯ РАСХОДНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ 78

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Петров В.Е., Кокурин А.В., Кокурина И.В.

ДИАГНОСТИКА ПРОКРАСТИНАЦИИ У
СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ82

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кардашова Ирина Борисовна

доктор юридических наук, профессор
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
г. Москва

LEGAL MEANS IN THE MECHANISM OF NATIONAL SECURITY

Kardashova Irina Borisovna

doctor of legal Sciences, professor
Russian state University of justice
(The Republican party of justice of Russia)
Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается место и роль правовых средств в механизме обеспечения национальной безопасности. Ядром системы правовых средств выступают правовые нормы, содержащиеся в нормативных правовых актах в области национальной безопасности. Особое внимание автор уделяет характеристике положений Федерального закона «О безопасности» и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

ABSTRACT

The article considers the place and role of legal means in the mechanism of national security. The core of the system of legal means are the legal norms contained in regulatory legal acts in the field of national security. Special attention is paid to the characteristic of provisions of the Federal law "On security" and national security Strategy of Russian Federation until 2020.

Ключевые слова: национальная безопасность; механизм обеспечения национальной безопасности; правовые средства; правовые нормы.

Keywords: national security; the mechanism of ensuring national security; legal tool; legal norms.

В настоящее время актуальным является решение правовых, организационных, правоприменительных и других проблем в области обеспечения национальной безопасности, в основе которых лежит исследование механизма обеспечения национальной безопасности.

Этимологически понятие механизма, как правило, отождествляется с понятием системы или устройства, определяющего порядок какого-нибудь вида деятельности [6, с.352]. Система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации (далее - СОНБ) представлена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации как совокупность «сил и средств обеспечения национальной безопасности» [7], осуществляющая защищенность национальных интересов от внутренних и внешних угроз. При этом к силам обеспечения национальной безопасности относятся «Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации» [7].

Однако, на наш взгляд, нельзя отождествлять механизм обеспечения национальной безопасности

СОНБ, поскольку первый представляет сложную конструкцию обеспечения национальной безопасности в динамике, а вторая – в статике. Под механизмом обеспечения национальной безопасности можно понимать единство организационно оформленного государством специальных органов, которые в соответствии с интересами человека, общества и государства решают задачи обеспечения безопасности страны и в этих целях осуществляют в строго определенных формах государственное руководство и практически реализуют в своей деятельности функции обеспечения национальной безопасности [3, с.176]. Механизм обеспечения национальной безопасности представляет собой многообразную организацию не только государственных, но и негосударственных институтов, взаимосвязанных единой целью сбережения национальных ценностей и обеспечивающих защиту прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства. Разумеется, в этом механизме государство является основным субъектом обеспечения национальной безопасности, но граждане, общественные, иные организации и объединения также участвуют в обеспечении национальной безопасности в соответствии с российским законодательством [9].

Исходными предпосылками существования негосударственной (общественной) составляющей

СОНБ могут быть тезисы о наличии общественного управления, о разграничении государства и гражданского общества, о необходимости баланса интересов личности, общества и государства. Механизм обеспечения национальной безопасности представляет собой устройство, позволяющее преобразовать принятую государством стратегию в области обеспечения национальной безопасности в скоординированную деятельность государственных органов, общественных объединений и граждан на основе действующего законодательства. Эффективность этого механизма напрямую зависит от того, насколько квалифицированно определены цели его функционирования, оптимально определены средства для их достижения. Средствами обеспечения национальной безопасности являются «технологии, а также технические программные, лингвистические, правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи и приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению» [7]. На наш взгляд, подобное перечисление не отражает приоритетного значения правовых средств, являющихся стержнем механизма обеспечения национальной безопасности, организованных последовательным образом в целях удовлетворения интересов личности, общества и государства.

Как известно, правовыми средствами являются институциональные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную силу права, его энергию, которым принадлежит роль ее активных центров [2, с.14]. В целом правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей [5, с.66-77]. Система правовых средств, состоящая из таких элементов, как правовые нормы, субъективные права и юридические обязанности, юридическая ответственность, правовые ограничения, правовые стимулы и т.д., осуществляет регламентацию общественных отношений и удовлетворение интересов субъектов права. Ядром системы правовых средств выступает правовая норма, определяющая модель правомерного поведения и являющаяся эффективнейшим инструментом решения задач в сфере обеспечения национальной безопасности.

Учитывая, что в сфере национальной безопасности не может быть исчерпывающего законодательства, поскольку его правовые нормы распределены по огромному множеству правовых актов различных отраслей права, можно утверждать, что сегодня в Российской Федерации в целом сформировалась правовой фундамент обеспечения национальной безопасности. Он представляет собой совокупность взаимосвязанных, внутренних согласованных основополагающих нормативных правовых актов, содержащих юридические принципы и нормы, регулирующие общественные отношения в сфере обеспечения национальной безопасности с целью их упорядочения и развития.

Основополагающее значение в правовом регулировании обеспечения национальной безопасности

принадлежит Конституции Российской Федерации как нормативному правовому акту высшей юридической силы страны. В основу конституционного строя России положена принципиально новая концепция «человек-общество-государство» в отличие от советского конституционного законодательства, которое при закреплении устоев общественного строя исходило из постулата «государство-общество-личность». В Конституции Российской Федерации используется термин «безопасность», которую можно понимать как национальную безопасность, поскольку именно она является источником, основой других видов безопасности, затрагивающих конституционно-правовые отношения. Несмотря на то, что категорию «национальная безопасность» нельзя отнести к конкретной отрасли права, это не является препятствием для придания ей конституционного статуса.

Решение вопросов национальной безопасности Российской Федерации тесно взаимосвязано с обеспечением международной безопасности, представляющей собой мировой порядок, в котором реализуются благоприятные условия для свободного развития всех государств и иных субъектов международного права. В Уставе Организации Объединенных Наций в качестве основной цели закреплено поддержание международного мира и безопасности и с этой целью принятие эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проведение мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира. Поэтому одной из важнейших составляющих деятельности по обеспечению национальной безопасности России является международное сотрудничество на основе общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров [9]. В Стратегии национальной безопасности в качестве долгосрочной перспективы определено стремление выстраивать международные отношения на принципах международного права, обеспечения надежной и равной безопасности государств. Стратегию дополняет Концепция внешней политики Российской Федерации, провозгласившая высшим приоритетом национальной безопасности - обеспечение защищенности личности, общества и государства [8].

Нельзя забывать, что правовые нормы в сфере обеспечения национальной безопасности впервые были представлены в прогрессивном для того исторического периода Законе Российской Федерации «О безопасности» [4], предусматривающем «систему всеобуча безопасности в России» [10, с.37]. Понятно, что в современных реалиях этот закон не мог решать в полном объеме всех поставленных задач, поскольку существенно изменился характер реальных внешних и внутренних опасностей и угроз, возникли принципиально иные проблемы во взаимоотношениях с иностранными государствами и альянсами. Поэтому в 2010 г. был принят Федеральный закон «О безопасности», определивший основные принципы обеспечения безопасности, полномочия Президента Российской Федерации,

Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, функции органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области безопасности, а также правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации.

Вместе с тем, на наш взгляд, федеральный закон имеет существенные недостатки. Так, в ст.1 этого закона отождествляются понятия «безопасность» и «национальная безопасность», что недопустимо, т.к. национальная безопасность выступает частью общего явления безопасности как обязательное условие существования личности, общества и государства, позволяющего сохранять национальные ценности в рамках всей совокупности входящих в многонациональное государство наций и национальных групп. Также в этом законе отсутствуют определения таких основных категорий, как «национальная безопасность», «национальные интересы», «угрозы национальной безопасности», «система обеспечения национальной безопасности» и др., представленные в подзаконном правовом акте - Стратегии национальной безопасности. К сожалению, в ст. 2 этого закона среди основных принципов обеспечения национальной безопасности потерян важнейший принцип баланса интересов личности, общества и государства, а также норма, посвященная прокурорскому надзору за законностью деятельности субъектов обеспечения национальной безопасности.

Большую методологическую роль в правовом регулировании имеет дифференциация национальной безопасности по объектам национальной безопасности (безопасность личности, безопасность общества, безопасность государства), по источникам нахождения опасностей (внутренняя и внешняя безопасность), по сферам жизнедеятельности (экономическая, экологическая, информационная и т.п.). Вместе с тем, в ст.1 федерального закона виды национальной безопасности представлены иначе: «безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности, иные виды безопасности». Национальная безопасность выступает как целостная категория, определенная в федеральном законе, а ее виды как составляющие элементы должны раскрываться в единообразном пакете нормативных правовых актов в форме стратегий, концепций, доктрин и т.п.

Правовые средства в механизме обеспечения национальной безопасности несут чрезвычайно важ-

ную нагрузку, поскольку их недооценка или ошибочное представление неизбежно приводит к нарушениям в реализации права. С.С. Алексеев, справедливо отмечал, что главной чертой правовых средств является возможность их использования субъектами, которая характеризует глубокое взаимодействие с социальной деятельностью [1, с.216-222]. Правовые средства предназначены для достижения нужного социального эффекта от их использования. Поэтому субъектам обеспечения национальной безопасности необходимо использовать в деятельности такие правовые акты, которые позволяют достичь результативной защиты национальных интересов в условиях происходящих экономических и социально-политических изменений. Не отрицая огромной роли Стратегии национальной безопасности в развитии российской стратегической культуры, на наш взгляд, шагом вперед является разработка Федерального закона «О национальной безопасности Российской Федерации», содержащего весь спектр понятийного аппарата в этой области.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995.
2. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация// Советское государство и право.1987. №6.
3. Бабаев В.К., Баранов В.М. Общая теория права: Краткая энциклопедия. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997.
4. Закон РФ от 5 марта 1992 г. №2446-1 «О безопасности». Ст.8 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. №15. Ст.769.
5. Малько Л.В. Правовые средства: вопросы теории и практики// Журнал российского права. 1998. №8.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22 изд., стер. М., 1990.
7. Указ Президента РФ от 12 мая 2009г.№537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»// СЗ РФ. 2009, N 20. Ст. 2444.
8. Указ Президента Российской Федерации 12 февраля 2013 г. «Концепция внешней политики Российской Федерации»// www.kremlin.ru
9. Федеральный закон от 28 декабря 2010г. № 3990-ФЗ «О безопасности». Ст.4// Российская газета. 29 декабря 2010г.
10. Шершнева Л.И. Экспертная оценка закона Российской Федерации «О безопасности»// Безопасность, 2002. №11-12.

СОСТАВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Синицина Светлана Владимировна

Старший преподаватель; магистр юриспруденции
Астраханский Государственный Технический Университет
г. Астрахань

Карпова Диана Наилевна

Студентка 4 курса
Астраханский Государственный Технический Университет
г. Астрахань

THE ADMINISTRATIVE OFFENSE IN THE SPHERE OF TURNOVER OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES.

Sinicina Svetlana Vladimirovna

Senior lecturer; master of law
Astrakhan State Technical University
Astrakhan

Karpova Diana Nailevna

The 4th year student
Astrakhan State Technical University
Astrakhan

Аннотация: административные правонарушения в сфере оборота наркотиков обладают общественной вредностью граничащая с общественной опасностью, в силу влекущих наименее вреднейшие последствия, посягающие на здоровье населения, общественный порядок и установленный государством порядок оборота наркотических средств и психотропных веществ.

ABSTRACT: administrative offences in the field of drug trafficking have public viciousness bordering on public danger, leading to force and draw of harmful consequences, impinging on public health, public order and established government order traffic in narcotic drugs and psychotropic substances.

Ключевые слова: основание; административная ответственность; дефиниция; конструкция; правонарушение; наркотические средства; психотропные вещества; прекурсоры; деяние.

Keywords: reason; administrative responsibility; definition; design; delinquency; narcotic drugs; psychotropic substances; precursor; act, deed, action.

Фактическим основанием административной ответственности служит административное правонарушение [1, с.111]. Правонарушение представляет собой одну из разновидностей противоправного поведения.

В юридической науке большое внимание уделяется дефиниции правонарушения, и соответственно конструкции юридического состава правонарушения.

Так, например, В.Л. Кулапов представил следующее определение правонарушения «правонарушение представляет собой виновное противоправное действие или бездействие лица, причиняющее определенный вред отдельным лицам, обществу, государству» [17, с.246].

По мнению В.Н. Хропанюка, под правонарушением понимается виновное поведение праводеспособного индивида, которое находится в противоречии с предписаниями норм права, а также причиняет вред другим лицам и влечет за собой юридическую ответственность [19, с.239].

В свою очередь Л.И. Спиридонов рассматривает правонарушение, как социально и общественно значимое деяние, покушающегося на сложившийся в государстве порядок общественных отношений, и выделяет следующие характерные черты правонарушения: 1) представляет собой посягательство на правопорядок (объектом выступают общественные отношения, совокупность которых образует социальный организм); 2)

наличие специфического способа посягательства на существующий правопорядок (такой способ охватывает действия и бездействия, которые объективно нарушают, а также могут нарушить существующие социальные связи); 3) характеристика субъекта правонарушения (правонарушитель должен существовать автономно, а также быть персонифицирован как целостность и обладать способностью выражать свою волю); 4) общественная опасность правонарушения (в качестве деяния (действие, бездействие) зависит от вида общественных отношений, на которые покушается правонарушитель (специфические особенности личности правонарушителя)) [15, с.216].

Понятие административного правонарушения законодательно закреплено в ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ.

Так, административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъекта РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Из данного определения следует, что всем административным правонарушениям присущи формальные и материальные признаки, к которым относятся: 1) противоправность (формальный признак); 2) виновность (материальный признак); 3) административная наказуемость (формальный признак).

Необходимо, по нашему мнению акцентировать внимание на тот факт, что выделение такого материального признака административного правонарушения, как общественная вредность или общественная опасность в науке административного права является дискуссионным.

Так, например по мнению Зыкиной Е.В. «общественно опасным деянием является только преступление, а административное правонарушение - лишь вредоносным» [5, с. 74-83]. Но большинство ученых признают общественную опасность административных правонарушений, характеризуя ее как меньшую по сравнению с общественной опасностью преступлений, но в качестве признака административного правонарушения именно общественную опасность [4, с.23]

Однако, такие ученые административисты, как: В.М. Манохин, Ю.С. Адушкин, И.С. Самощенко, В.Е. Севрюгин определяют общественную вредность, как признак административного правонарушения через критерий общественной опасности [14, с.167].

Выше изложенное, свидетельствует об отсутствии единого понимания у ученых о характере данного признака административного правонарушения.

Интересной, на наш взгляд представляется точка зрения Кониной Н.М. о необходимости выделять «еще один материальный признак административного правонарушения — его общественную вредность, которую надлежит рассматривать как меньшую по своей степени в сравнении с преступлениями общественную опасность деяния» [1, с. 25]. Данный вывод следует из анализа ст.ст. 2.2 и ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ, в которых говорится о «вредных последствиях» административных правонарушений, а также из наличия целого ряда смежных составов административных правонарушений и преступлений, разграничиваемых по оценочным, количественным или стоимостным критериям и, безусловно, наличию наступивших последствий.

На наш взгляд следует обратить внимание на тот факт, что в сфере оборота наркотиков имеются смежные составы: ст. 228 УК РФ и 6.8 КоАП РФ; в определенной мере - ст. 230 УК РФ и 6.13 КоАП РФ, ст. 228.2 УК РФ и 6.15 КоАП РФ.

Свойственной спецификой признака противоправности административного правонарушения в сфере оборота наркотических средств (далее НС) и психотропных веществ (далее ПВ) является нарушение соответствующим действием (бездействием) законодательства России о наркотиках, содержащего регулятивные нормы (запреты, правила), за нарушение которых установлена административная ответственность.

Однако, признаки административного правонарушения позволяют лишь отграничить его от иных противоправных деяний различного характера и соответственно преступлений.

Необходимо отметить, что существуют три тесно взаимосвязанных и интегрированных в триединство основания административной ответственности: нормативное (юридическое), фактическое и процессуальное. Отсутствие любого из них, соответственно исключает постановку вопроса о привлечении того или иного субъекта к административной ответственности [10].

То, что касается нормативного (юридическое) основания административной ответственности то это предусмотренность ее за конкретные правонарушения в действующем законодательстве.

Фактическим же основанием административной ответственности является состав административного правонарушения.

Состав административного правонарушения представляет собой совокупность элементов, характеризующих общественную опасность проступка, к ним относятся: содержание деликта (объективная сторона), психозмоциональный статус участников (субъективная сторона и субъект состава), а также объект противоправного посягательства. Безусловно, отсутствие любого из них исключает как наличие *corpus delicti* в целом, так и, соответственно, применение государственных санкций [2, 62-63].

В свою очередь, в практике, при фиксации совершенных правонарушений постепенно были выявлены, как уже выше было указано эмпирические признаки правонарушения (обобщение правонарушений, их эмпирических признаков позволило сформулировать общетеоретическую конструкцию состава правонарушений).

Таким образом, юридический состав правонарушения представляет собой научную абстракцию, которая отражает систему наиболее общих, существенных и типичных признаков отдельных видов правонарушений.

Верными представляется мнение В.Д. Симухина, который совершенно справедливо отмечает, что состав административного правонарушения представляет собой информационную предпосылку административного правонарушения определенного вида. В практической деятельности правоприменительных органов информационная модель административного правонарушения указывает на требование закона, а также разъясняет свойства совершенного конкретного деяния [16, с. 93].

Но учеными административистами, неоднократно указывалось, на то что в законодательстве отсутствует понятие «состав административного правонарушения», и с этим на наш взгляд недостатком следует согласиться. Считаем необходимым законодательно закрепить понятие «состав административного правонарушения»

Составы административных правонарушений в сфере оборота наркотиков закреплены в следующих статьях КоАП РФ: 6.8, 6.9, 6.13, 6.15, 10.4, 10.5, 20.20 (часть 3), 20.22.

Классически составы административных правонарушений включают в себя четыре конструирующих элемента: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону.

Различают общие, родовые, видовые и непосредственные объекты административных правонарушений [2, с.410]. Некоторые ученые выделяют только общий, родовые и непосредственные объекты, отождествляя непосредственный и видовой объекты [14, с.319].

Под общим объектом административных правонарушений в сфере оборота НС и ПВ понимаются охраняемые законодательством России о наркотиках

общественные отношения. Эти отношения возникают в связи с осуществлением государственного регулирования в сфере оборота наркотиков и в области противодействия их незаконному обороту. С учетом родовых объектов, которыми являются однородные по своему содержанию общественные отношения [15, с. 167], указанные административные правонарушения согласно КоАП РФ можно классифицировать следующим образом: 1) посягающие на здоровье населения и общественную нравственность (ст. 6.8, 6.9, 6.13 и 6.15); 2) посягающие на правила ведения сельского хозяйства (ст. 10.4 и 10.5); 3) посягающие на общественный порядок и общественную безопасность (ч. 3 ст. 20.20, 20.22).

Непосредственный объект является индивидуальным для каждого состава противоправного деяния (т.е. конкретные общественные отношения, охраняемые нормой права, на которые посягает каждое правонарушение).

Общим предметом для всех составов, административных правонарушений в рассматриваемой сфере являются наркотические средства, психотропные вещества, который, но стоит отметить, что для отдельных составов существуют некоторые особенности в определении предмета правонарушения (например, кроме НС и ПВ для состава правонарушения в ст. 6.8 КоАП РФ предметом правонарушения являются аналоги наркотических средств и психотропных веществ такие например, как: гашиш, героин, каннабис (марижуана), кодеин, кокаин, концентрат из маковой соломки, препараты из эфедрина (эфедрон), лизергиновая кислота и ее препараты (напр., галлюциноген ЛСД.), мескалин, метадон, морфин (морфий), оксирон, омнопон, опий (опиум), прекурсоры НС и ПВ (ст. 6.13, включая слайсы); [11] и др.

В ст. 6.15 КоАП РФ предметом правонарушения, являются вещества, которые используются для изготовления НС или ПВ (т.е. прекурсоры НС, ПВ) инструменты или оборудование, используемые для изготовления НС или ПВ).

Предметом правонарушения ст. 10.4 являются не все НС, а только растения (конопля, а также пожнивные остатки и отходы производства, содержащие НС, ПВ или их прекурсоры), а предметом правонарушения ст. 10.5 составляют дикорастущие растения, и соответственно дикорастущая конопля, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ, закрепленных в Постановлении Правительства РФ от 30 июня 1998 г. N 681 "Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации" (в ред. с изм. и доп. от 12 октября 2015 г. N 1097) в раздел «Наркотические средства».

Некоторые ученые, с мнением, которых следует согласиться с кроме перечисленных выше, административных правонарушений, в области незаконного потребления и незаконного оборота НС и ПВ относят ряд иных. [8, с. 457]

Так, например, управление транспортным средством (далее ТС) водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления ТС лицу, находяще-

муся в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ), невыполнение водителем требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 12.26 КоАП РФ), допуск к управлению ТС водителя, находящегося в состоянии опьянения (ст. 12.32 КоАП РФ) и некоторые другие правонарушения [6].

Заслуживает внимание, точка зрения Уильям Э. Батлера, который относит к административным правонарушениям в сфере оборота НС и ПВ: сокрытие источника заражения ВИЧ-инфекцией, венерической болезнью и контактов, создающих опасность заражения (ст. 6.1 КоАП РФ); нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (ст. 6.3 КоАП РФ); вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ (статья 6.10 КоАП РФ); провоз в ручной клади, багаже или грузобагаже веществ и предметов, запрещенных к перевозке (ч. 3 ст. 11.19 КоАП РФ); незаконная продажа товаров (иных вещей), свободная реализация которых запрещена или ограничена (ст. 14.2 КоАП РФ); нарушение законодательства о рекламе (ст. 14.3 КоАП РФ); обман потребителей (ст. 14.7 КоАП РФ); нарушение законодательства об экспортном контроле (ст. 14.20 КоАП РФ); нарушение законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ст. 15.27 КоАП РФ); незаконное перемещение товаров через таможенную границу РФ (ст. 16.1 КоАП РФ) и некоторые другие правонарушения [18, с. 138]

Также необходимо акцентировать внимание на том факте, что в КоАП РФ, существуют в составе административных правонарушений не связанные с оборотом НС и ПВ ни по объектам посягаемости, ни по предмету, ни по определенным в диспозиции данных статей признакам объективной стороны правонарушения, а именно ст. 6.10 и ст. 15.27.

Вместе с тем, административные правонарушения, ответственность за которые предусмотрена ст. 12.8, 12.32, 6.1, 6.3, 6.10, 11.13, 14.7, 14.20 КоАП РФ, не нарушают законодательство России о наркотиках и не посягают на общественные отношения в сфере оборота НС и ПВ. Объектами указанных правонарушений являются иные общественные отношения.

Помимо того, при обнаружении административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена ст. 11.13, 12.8 и 12.32 КоАП РФ, могут одновременно выявляться и такие правонарушения в сфере оборота наркотиков, как потребление НС или ПВ без назначения врача (ст. 6.9 КоАП РФ), о которых составляется самостоятельный процессуальный документ в качестве протокола.

Административная ответственность по ст. 6.13 КоАП РФ будет наступать только в том случае, если объектом рекламирования, а значит и предметом правонарушения, являются НС, ПВ или их прекурсоры.

Административная ответственность по ст. 14.3 КоАП РФ возможна только тогда, когда объектом рекламирования выступают любые иные товары.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, о том, что непосредственно к сфере оборота НС или ПВ относятся только такие административные правонарушения, которые посягают на общественные отношения

в сфере оборота НС и ПВ и вследствие этого нарушают законодательство России о наркотиках, которое охраняет указанные общественные отношения, а именно правонарушения, ответственность за которые установлена ст. 6.8, 6.9, 6.13, 6.15, 10.4, 10.5, 20.20 (часть 3) и 20.22 КоАП РФ.

Объективная сторона составов административных правонарушений в сфере оборота наркотиков является многообразной и характеризуется содержанием противоправного деяния (действия, бездействия), предметы правонарушения, по некоторым составам (ч. 3 ст. 20.20 и ст. 20.22) — место совершения правонарушения, а также иные существенные обстоятельства (например, размеры НС, ПВ или их аналогов для состава ст. 6.8). Чаще административные правонарушения в рассматриваемой сфере совершаются путем действия (ст. 6.8, 6.9, 6.13, 20.20 (часть 3), 20.22). Объективная сторона состава правонарушения ст. 10.4 и 10.5 характеризуется бездействием. Правонарушения, предусмотренные ст. 6.15, могут совершаться как путем действия, так и бездействия.

По нашему мнению, все составы административных правонарушений в сфере оборота наркотиков предусмотренные административным законодательством Российской Федерации являются формальными, их объективная сторона не содержит указания на последствия правонарушения в виде причинения вреда. Для наступления ответственности не имеет значения наступили или нет негативные последствия таких нарушений. Объективная сторона всех составов правонарушений характеризуется нарушением установленных законом запретов, соответствующих правил или непринятием определенных мер. Различные составы административных правонарушений в рассматриваемой сфере являются длящимися, обычными и продолжаемыми. Составы правонарушений ст. 6.9, 20.20 (ч. 3) и 20.22 являются обычными и оканчиваются самим фактом совершения противоправного действия. Составы ст. 10.4 и 10.5 являются длящимися и оканчиваются с момента их обнаружения и фиксации в протоколе об административном правонарушении, акте проверки и т.д. В ст. 6.8 имеются и обычные составы, (действия по приобретению, изготовлению и переработке), и длящиеся (действия по хранению и перевозке). Составы правонарушений ст. 6.13 могут быть обычными или длящимися в зависимости от того, каким способом осуществлялась пропаганда или незаконная реклама НС, ПВ или их прекурсоров. Составы правонарушений ст. 6.15 аналогично могут являться обычными или длящимися исходя из того, какие конкретно правила нарушены и в чем выразилось нарушение правил.

Согласно нормам ст. 1.5 КоАП РФ принцип презумпции невиновности распространяется и на юридических лиц. Отличительным же признаком объективной стороны составов административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами (ст. 6.13, 6.15 и 10.5), является объективная вина. КоАП РФ устанавливает вину как обязательное условие для привлечения к административной ответственности не только физических, но и юридических лиц. В свою очередь, фактор виновности юридического лица в совершении административного правонарушения в соот-

ветствии со ст. 26.1, 26.2 КоАП РФ подлежит обязательному выяснению и доказыванию наряду с другими обстоятельствами, имеющими значение для разрешения дела по существу и вынесения соответствующего мотивированного и обоснованного решения.

В теории административного права существует два основных подхода к пониманию вины юридического лица: субъективный и объективный. В зависимости от этого одни ученые административисты рассматривают вину юридического лица как субъективную сторону правонарушения (Ю.М. Козлов", И. Викторов, С. Пыхтин, М. П. Петров), а другие - как обязательный признак объективной стороны состава административного правонарушения (И.В. Максимов, Е. В. Овчарова [9, с.13], Ю. С. Адушкин, Л. О. Иванов, и Г. А. Шевчук)

Представляет интерес точка зрения ученых административистов А. С. Дугенца и Л.Л. Попова, которые считают, что в административном праве может существовать комплексное понимание вины юридического лица, включающее объективный и субъективный критерии [4,с.348].

В КоАП РФ не раскрывается содержание таких примененных в ч. 2 ст. 2.1 понятий, как «имелась возможность для соблюдения правил и норм» и «не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению».

Думается, что «раскрытие обстоятельств, обусловливающих объективную вину в деяниях юридических лиц, следует ожидать на уровне официальных разъяснений высших судебных инстанций, а также методических материалов соответствующих федеральных органов исполнительной власти» [7,с.348].

Гораздо сложнее, оказалось, сформулировать понятие и признаки вины юридического лица, поскольку речь идет о коллективном субъекте и его органе управления. В ч. 2 комментируемой статьи намечены контуры понятия "вина юридического лица". В качестве основания для признания юридического лица виновным в совершении административного правонарушения выдвигается следующее положение: если у юридического лица имелась возможность для соблюдения норм и правил, за нарушение которых установлена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению, то оно признается виновным. При этом учитываются признаки вины умышленной и неосторожной. В комментируемой статье установлено правило, согласно которому разделяется административная ответственность юридического лица и физического лица за одно и то же правонарушение, если законом предусмотрены санкции за аналогичный состав правонарушения, применяемые одновременно к физическому и юридическому лицам. Равным образом привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности юридическое лицо. Вина юридических лиц в совершении административного правонарушения будет отсутствовать и в тех случаях, когда нарушение установленных правил и норм произошло вследствие действия непреодолимой силы, т.е. вызвано чрезвычайными, объективно непредотврат-

тимыми обстоятельствами и другими непредвиденными (непреодолимыми) препятствиями, находящимися вне их контроля, при соблюдении ими той степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась от них в целях надлежащего исполнения обязанностей [9, с.13].

Субъектами административного правонарушения в сфере оборота наркотиков являются лица, непосредственно совершившие правонарушение в сфере оборота НС и ПВ и подлежащие в связи с этим административному наказанию. Субъектами административной ответственности по ст. 6.8, 6.9, 10.4, 20.20 (ч. 3) и 20.22 являются только физические лица, по ст. 6.15 - только юридические лица. Субъектами ответственности по ст. 6.13 и 10.5 могут быть и физические, и юридические лица. Субъекты административной ответственности по статьям 6.8, 6.9, 6.15, и 20.20 (ч. 3) КоАП РФ обладают признаками общего субъекта административной ответственности. Ответственность по ст. 10.4 и 20.22 несут только специальные субъекты — физические лица, а именно должностные лица по ст. 10.4, и родители или иные законные представители несовершеннолетних по ст. 20.22. К ответственности по ст. 10.5 могут быть привлечены также только специальные субъекты: землевладельцы или землепользователи, которыми могут являться граждане и юридические лица, которые в свою очередь должны обладать признаками общих субъектов административной ответственности, а также должностные лица указанных юридических лиц и лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (несут административную ответственность как должностные лица). Субъектами ответственности по ст. 6.13 могут быть как физические и юридические лица, обладающие признаками общих субъектов ответственности, так и специальные субъекты - физические лица, а именно должностные лица и лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Субъективная сторона административных правонарушений определяет вину физического лица, как его сознательно волевое, психическое отношение к совершению административно-наказуемому действию или бездействию [5, с.167] и может быть согласно ст. 2.2 КоАП РФ в форме умысла и неосторожности. Только правонарушение по ст. 20.22 может быть совершено умышленно или неосторожно. Все остальные составы административных правонарушений, совершаемых физическими лицами в сфере оборота наркотиков, характеризуются умышленной формой вины. В этом также проявляется высокая общественная вредность административных правонарушений в рассматриваемой сфере.

Учитывая приведенные выше доводы, следует согласиться с мнением ученых административистов о том, что «состав административного правонарушения, совершенного физическим лицом, является четырехэлементным, а совершенного юридическим лицом - трехэлементным» [12, с. 264], т. к. субъективная сторона в таком составе отсутствует.

Интегрируя изложенное выше, и подводя итог выше сказанному, следует сделать следующие выводы:

➤ административные правонарушения в сфере оборота наркотиков обладают общественной вредностью через критерий общественной опасности, в силу влекущих вреднейших последствий, посягают на здоровье населения, общественный порядок и установленный государством порядок оборота НС и ПВ.

➤ своевременное и правильное (законодательно обоснованное) определение всех элементов состава административного правонарушения способствует реализации задач законодательства об административных правонарушениях по защите общественных отношений, а также способствует предупреждению административных правонарушений.

➤ научное учение и, соответственно, осмысление о составе административного правонарушения способствует выявлению существенных признаков административных правонарушений, разграничению их и установлению справедливых санкций за правонарушения в области оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также помогает правоприменителям правильно квалифицировать правонарушения в данной области и избирать соответствующие меры воздействия.

Список литературы

1. Административное право России: учебное пособие / Н. М. Конин – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. С. 256.

2. Административное право России: учебник для вузов / Бахрах Д. Н. – М.: Норма, 2009. С. 410.

3. Гув А.Н. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М.: Юр. Фирма «КОНТРАКТ». Изд. Дом «ИНФРА-М». 2002. С. 22.

4. Дугенец А.С. Административное право: Учебник / Под ред. Л.Л. Попова. – С. 348 .

5. Зыкина Е.В. Проблемы законодательства об административных правонарушениях. // Сборник науч. трудов. Вып.3 / Академия права и управления. – М.: Проспект, 2003. С. 75 .

6. « Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001. №195-ФЗ (ред. от 31.12.2014) (с изм. и доп., вступ. В силу с 11.01.2015). // Официальный интернет- портал правовой информации [электронный ресурс]<http://www.pravo.gov.ru>. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 29.01.2016).

7. Колесниченко Ю.Ю. Некоторые аспекты вины юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности // Журнал российского права. 2003. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Наркомания и незаконный оборот наркотиков. Вопросы теории и практики противодействия: Учебное пособие/ Ю. М. Ермаков, С. А. Исаков, А. В. Симоненко, В. П. Новиков / Под ред. С. Я. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2008. С. 58;

9. Овчарова Е.В. Административная ответственность юридических лиц: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М. 2001. С. 13 .

10. Постановление Конституционного суда РФ от 27 апреля 2001г. № 7-П // СЗ РФ 2001. № 23. Ст. (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ

от 11.11.2008 N 23, от 09.02.2012 N 2) // Официальный интернет- портал правовой информации [электронный ресурс] <http://www.pravo.gov.ru>. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 29.01.2016).

11. Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. N 681 – ФЗ (в ред. от 12.10.2015г.) ФЗ "Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации" // Официальный интернет- портал правовой информации [электронный ресурс]<http://www.pravo.gov.ru> // СПС «Гарант» (Дата обращения 29.01.2016).

12. Панкова О.В. Настольная книга судьи по делам об административных правонарушениях: Научно-практическое пособие / под ред. Н. Г. Салищевой. -М.: «Статут» 2008. С. 627.

13. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие. Под ред. В.А. Галкова. С. 138

14. Российское административное право Учебник. / Манохин В. М., Адушкин Ю.С. 4-е изд., испр. и доп. Саратов, 2012. С. 167.

15. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. – М., 2009. С. 260.

16. Симухин В. Д. Состав административного правонарушения как юридическое основание квалификации административной ответственности за нарушения избирательного законодательства // Современное право. 2008. № 6. С. 93.

17. Теория государства и права / под ред. В. Л. Кулапов – М.: Омега-Л, 2015.

С. 246.

18. Уильям Э. Батлер. Наркотики и ВИЧ/СПИД в России: правовое положение программ снижения вреда в России. М.: «Центр ЮрИнфоР», 2006. С. 110.

19. Хрюпанюк В. Н. Теория государства и права. Ред.: Е. А. Журко Изд. Омега-ЛМ., 2015. С. 239.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Джумагулов Оркен Ергазиевич

Магистрант

Современная Гуманитарная Академия

г. Москва

BASIC LINES OF CONTRACT OF TENANCY ON THE LEGISLATION OF RUSSIAN FEDERATION

Dzhumagulov Orken Ergazievich

Magistrant

Modern Humanitarian Academy

Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются общая характеристика гражданско-правового обязательства - договора аренды по законодательству Российской Федерации.

ABSTRACT

In the article examined general description of civil legal obligation is contracts of tenancy on the legislation of Russian Federation.

Ключевые слова: *договор аренды; взаимный; консенсуальный; возмездный; преимущественное право.*

Keywords: *contract of tenancy; mutual; consensus; retribution; prerogative right.*

Традиционный и хорошо известный законодательству Российской Федерации договор аренды, модифицированный в современных условиях рыночной экономики, играет важную роль в перестройке и совершенствовании хозяйственного механизма страны.

Арендные отношения урегулированы в первую очередь главой 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в содержании которой есть как общие положения об аренде, так и нормы, посвященные отдельным видам договора аренды. Общие положения об аренде применяются в случае, если специальных норм, регулирующих конкретный вид договора аренды, недостаточно. Кроме того, общие положения могут быть применены и к договору аренды, который не может быть отнесен ни к одному из видов, урегулированных ГК РФ [3].

Также имеется ряд кодексов, специальных законов и подзаконных актов, которые регламентируют отдельные виды аренды или частные вопросы, касающиеся договора аренды. В перечне такого рода кодифицированных актов: Земельный кодекс Российской Федерации, регулирующий договор аренды земельных участков [2]; Лесной кодекс Российской Федерации, устанавливающий требования к порядку заключения и содержанию договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности [8] и др. Среди специальных законов необходимо упомянуть Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» [10], Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [11].

Легальное определение договора аренды содержится в ст. 606 ГК РФ и звучит следующим образом: «По договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное

владение и пользование или во временное пользование» [3].

С точки зрения общей характеристики гражданско-правовых обязательств договор аренды относится к двусторонним, консенсуальным, возмездным, взаимным договорам [2, с.434].

Договор аренды является двусторонним, поскольку каждая из сторон этого договора (арендодатель и арендатор) несет обязанности в пользу другой стороны и считается должником другой стороны в том, что обязана сделать в ее пользу, и одновременно ее кредитором в том, что имеет право от нее требовать. Более того, в договоре аренды имеют место две встречные обязанности, одинаково существенные и важные: обязанность арендодателя передать арендатору имущество во владение и пользование и обязанность арендатора вносить арендную плату, которые взаимно обуславливают друг друга и являются в принципе экономически эквивалентными. Учитывая, что договор аренды всегда является двусторонним, в литературе высказывается мнение о неудачности легального определения. Так, по мнению некоторых авторов, формулируя понятие договора, необходимо указывать также и обязанности арендатора: по договору аренды арендодатель обязуется предоставить арендатору имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование, а арендатор обязуется принять это имущество и возратить его по истечении срока договора аренды в состоянии, учитывающем нормальный износ. [5, с.34-38].

Представляется обоснованным указание в определении корреспондирующих прав и обязанностей арендатора.

Договор аренды является консенсуальным, поскольку считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по его существенным усло-

виям, а момент вступления договора в силу не связывается с передачей арендованного имущества арендатору. Собственно передача сданного в аренду имущества арендатору представляет собой исполнение заключенного и вступившего в силу договора аренды со стороны арендодателя. Поэтому в тех случаях, когда момент вступления договора в силу совпадает с фактической передачей арендованного имущества, можно говорить об особом порядке заключения договора аренды и о том, что он исполняется в момент заключения, но не о реальном характере договора [2, с. 434.].

Договор аренды является возмездным, поскольку арендодатель за исполнение своих обязанностей по передаче имущества во владение и пользование арендатору должен получить от последнего встречное предоставление в виде внесения арендной платы.

ГК РФ предусматривает разнообразные варианты способов оплаты цены договора. Это может быть как твердая денежная сумма, так и встречное предоставление услуг, передача арендодателю какой-либо вещи и т. п. Список форм арендной платы не является исчерпывающим, стороны могут предусмотреть в договоре сочетание установленных законом форм оплаты или использование собственной.

Пункт 2 ст. 614 ГК РФ расширяет традиционное понимание «арендной платы» и включает в рамки данного понятия и такие встречные предоставления, как передача некой вещи в собственность, аренду или даже оказание услуг [6, с.129].

В силу п. 3 ст. 614 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором, размер арендной платы может изменяться по соглашению сторон в сроки, предусмотренные договором, но не чаще одного раза в год.

Повышение арендодателем размера арендной платы путем ее индексации с учетом инфляции, изменение курса иностранной валюты при установлении ставки арендной платы в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте, не означают изменения размера арендной платы в соответствии с п. 3 ст. 614 ГК РФ.

Что касается существенных условий договора аренды, то прежде всего следует обратить внимание на его предмет. То имущество, по поводу которого заключается договор, именуется в законе объектом аренды, что представляется не вполне обоснованным. Есть мнение о том, что объект и предмет являются синонимами с юридической точки зрения [9, с.207].

В ГК РФ последовательности в применении этих терминов нет: в ст. 607 ГК говорится об объекте аренды, в ст. 666 - о предмете договора лизинга, в ст. 673 - об объекте договора найма жилого помещения, и этот список можно продолжить.

Очевидно, происходит смешение таких понятий, как предмет договора, объект гражданских прав, объект гражданского правоотношения.

Пункт 1 ст. 432 ГК РФ предусматривает, что существенным условием каждого договора является условие о предмете. С утилитарной точки зрения необходимо, чтобы закон указывал именно на предмет договора. Учитывая сложившуюся терминологию в теории и практике гражданского права, отождествлять по-

нятия «объект» и «предмет» не следует. Полагаем правильным говорить о предмете договора в тех случаях, когда речь идет об имуществе, по поводу которого возникают права и обязанности сторон договора аренды.

Предметом договора аренды выступает индивидуально-определенная непотребляемая вещь, в силу того что по окончании действия договора арендодателю должна быть возвращена та же самая вещь с учетом нормального износа. Очевидно, что это правило невыполнимо по отношению к родовой и потребляемой вещи.

По общему правилу не могут передаваться в аренду вещи, изъятые из оборота. Федеральными законами могут предусматриваться ограничения и запреты в отношении заключения договора аренды отдельных видов имущества. Установлены особенности договоров аренды в отношении земельных участков, лесных участков, водных объектов.

Передача вещи в аренду всегда влечет временное отчуждение собственником права пользования этой вещью. По поводу одного и того же имущества может быть заключено несколько договоров аренды - арендаторы могут использовать разные части имущества или пользоваться ими в разное время.

Гражданский кодекс требует указания в договоре аренды данных, индивидуализирующих имущество, подлежащее передаче. Если в договоре предмет описан недостаточным образом, то имеются основания для признания его незаключенным.

Закон не запрещает заключать договор аренды по поводу будущих вещей. Однако право собственности должно существовать у арендодателя к моменту передачи вещи по договору аренды.

Значимы для существования договора аренды и вопросы его формы, а также необходимость его государственной регистрации. В том случае, если договор аренды заключен на срок более года, а также, если хотя бы одним из контрагентов является юридическое лицо, закон предписывает использовать письменную форму.

Договор аренды недвижимого имущества подлежит государственной регистрации, если заключен на срок более одного года.

Срок в договоре аренды может быть как определенным, так и неопределенным. Если срок договора не указан, то каждая из сторон имеет право отказаться от него в любое время, предупредив об этом другую сторону за один месяц. При аренде недвижимого имущества срок предупреждения составляет три месяца. Иной срок может быть предусмотрен как соглашением сторон, так и законом.

Особенностью гражданско-правового регулирования арендных отношений является возможность установления предельного срока аренды - например, срок договора проката ограничен одним годом, договор аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается по общему правилу на срок от десяти до сорока девяти лет.

Важным правилом, характерным для регулирования арендных отношений, является установление преимущественного права арендатора на возобновление договора по истечении срока его действия. Если

фактические отношения сторон продолжаются, то договор считается возобновленным на неопределенный срок на тех же условиях. В частности статьей 621 ГК РФ указано, что арендатор, добросовестно исполнявший свои обязанности по договору аренды, по истечении срока договора имеет при прочих равных условиях преимущественное право перед другими лицами на заключение договора аренды на новый срок. Необходимой предпосылкой осуществления преимущественного права на заключение договора аренды на новый срок, является письменное уведомление арендатором арендодателя о возникшем желании заключить новый договор [8, с. 45 - 50].

Необходимо отметить, что правило о преимущественном праве арендатора на заключение договора аренды на новый срок носит диспозитивный характер, то есть стороны в договоре могут исключить такое право. Это правило не применяется к отдельным видам договора - например, оно не действует в отношении проката, договора аренды транспортных средств.

Содержание договора представляет собой совокупность всех его условий. В свою очередь, условия договора устанавливают или конкретизируют права и обязанности сторон. Однако во всяком договоре аренды выделяются группы условий, определяющих обязанности соответственно арендодателя и арендатора.

Например, к условиям, предусматривающим обязанности арендодателя, обычно относят условия: об арендованном имуществе, о порядке и сроках предоставления его арендатору. Условиями договора, регламентирующими порядок пользования арендованным имуществом, размеры арендных платежей, порядок и сроки их внесения, обычно определяются обязанности арендатора.

Однако такая дифференциация условий договора сама по себе относительна, так как их выполнение зачастую требует совершения определенных действий одновременно как от арендодателя, так и от арендатора [1, с. 20-24].

Итак, конструкция договора аренды предполагает удовлетворение встречных интересов контрагентов. С одной стороны, собственник, не теряя контроля над своим имуществом, получает доход от его использования, а с другой - арендатор, не имея возможности приобрести необходимое ему имущество в собственность, может его использовать. Таким образом, достигается наибольшая результативность применения имущества в гражданском обороте.

По общему правилу договор аренды является двусторонним, консенсуальным, возмездным, взаимным договором. Договор аренды относится к разряду обязательств, направленных на передачу имущества, причем такая передача не сопровождается изменением субъекта права собственности. Арендодатель сохраняет за собой статус собственника, однако он передает арендатору правомочия владения и пользования или только пользования.

Литература

1. Абесалашвили М.З. Права и обязанности сторон по договору аренды // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2011. - №2.

2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М., 2000, 800 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Принята Государственной Думой 22 декабря 1995 г. от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015). // СПС КонсультантПлюс www.consultant.ru

4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. №136-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // СПС КонсультантПлюс www.consultant.ru

5. Иншакова А.О., Козлова М.Ю. Конструкция договора аренды на страже результативности гражданского оборота имущества // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. - 2013-№5

6. Карапетов, А. Г. Свобода договора и ее пределы. В 2 т. Т. 2. Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. - М. : Статут, 2012. - 453 с.

7. Кокоева Л. Т. Проблемы законодательной регламентации вопросов о финансовой аренде // Власть закона. - 2012. - № 2.

8. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СПС КонсультантПлюс www.consultant.ru

9. Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике : сб. ст., посвящ. 70-летию С. А. Хохлова / С. С. Алексеев, В. С. Белых, В. В. Витрянский [и др.] ; под ред. С. С. Алексеева. - М. : Статут, 2011. - 368 с.

10. Федеральный закон от 29.10.1998 N 164-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О финансовой аренде (лизинге)» // СПС КонсультантПлюс www.consultant.ru

11. Федеральный закон от 21.07.1997 N 122-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // СПС КонсультантПлюс www.consultant.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: ПОНЯТИЕ ЗАКОННОСТИ, ПРАВОПОРЯДКА В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.

Кинзябулатов Руслан Салимович
Студент группы № ЗПО-1

Государственное бюджетное образовательное учреждение «уфимский колледж статистики информатики и вычислительной техники»
г. Уфа

АННОТАЦИЯ

Законность. Единство законности. Правопорядок.

ABSTRACT

Law. The unity of the rule of law. Order.

Ключевые слова: "идеальный" правопорядок, воинский правопорядок

Keywords: "perfect" law, military law

1.1 Понятие и основные принципы законности

Формирование гражданского общества требует качественно нового уровня законности. Законность – фундаментальная категория всей юридической науки и практики. Даже самый совершенный закон жив только тогда, когда он выполняется, воздействует на общественные отношения, на сознание и поведение людей, т.е. действительность права характеризуется понятием "законность".

Можно сказать, что законность – это соблюдение всеми субъектами права законов и подзаконных актов.

Законность выражает общий принцип отношения общества к праву в целом. Сущность законности заключается в неуклонном и точном, строгом соблюдении, исполнении и применении законов и подзаконных актов, действующих на территории государства, всеми субъектами права: гражданами, должностными лицами, государственными и общественными организациями. Под принципами законности понимают принципиальные положения правовой жизни общества, которые выражают содержание законности. К принципам законности относятся: единство законности, верховенство, связь законности с культурой, целесообразностью, всеобщность законности, гарантированность прав свобод личности.

Рассмотрим несколько подробнее эти основные принципы законности. Единство законности – понимание и применение нормативных актов должно быть одинаковым на территории всей страны.

Всеобщность законности означает равенство всех перед законом, независимо от социального положения, благосостояния, национальности и других признаков. Последовательное проведение в жизнь этого принципа обеспечивает и гарантирует права и свободы личности, а также равную ответственность всех перед законом.

Связь законности с целесообразностью – недопустимость отступлений от предписаний закона по соображениям мнимой целесообразности. Гарантированность прав и свобод личности выражается в конституционной обязанности государства защитить права и свободы человека и гражданина.

Конституции и закона означает, что законы обладают высшей юридической силой и выступают основным регулятором общественных отношений.

Все другие нормативно-правовые акты являются подзаконными и принимаются на основе и во исполнение законов.

Неотвратимость наказания за нарушение закона заключается в том, что любое правонарушение должно быть раскрыто, а виновные в его совершении – понести адекватное содеянному наказание.

Гарантиями законности являются средства и условия, которые создают прочную основу точной и неуклонной реализации законов всеми субъектами права. В систему гарантий законности входят социально-экономические, политические, идеологические, юридические и общественные гарантии.

Непосредственная защита интересов субъектов права, любого гражданина, проживающего на территории государства, осуществляется специальными правоохранительными органами: судом, прокуратурой, арбитражем, полицией. Обеспечивая законное функционирование общественных отношений, эти органы в необходимых случаях применяют к правонарушителям различные меры государственного принуждения.

Центральное место в системе правоохранительных органов, призванных поддерживать режим законности, принадлежит судам, которые осуществляют свою власть в формах конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства. Любые решения и действия государственных органов, учреждений, должностных лиц, частных предпринимателей, нарушающих права и свободы, могут быть обжалованы в суд. Высший надзор за законностью осуществляет конституционный суд. В целях защиты конституционного строя, основных прав и свобод человека, поддержания верховенства и непосредственного действия конституции на всей территории страны конституционный суд рассматривает дела о конституционности нормативно-правовых актов представительных органов государства, высших и местных органов исполнительной власти, правоприменительной практики по жалобам граждан и другие. Акты, признанные неконституционными, утрачивают силу со дня официального опубликования конституционным судом соответствующего решения. Решения конституционного суда являются окончательными, опротестованию и обжалованию не подлежат. Таким образом, требования законности в единстве и взаимодействии обеспечивают стабильность и гармоничность общественной жизни, способствуют развитию граждан-

ского общества в соответствии с объективными законами исторического прогресса. Мы установили, что законность представляет собой процесс осуществления законов. Режим законности означает такое состояние общественной жизни, при котором участники правоотношений свободно реализуют принадлежащие им юридические права и обязанности. Законность есть предпосылка такого порядка в общественной жизни, который соответствует предписаниям правовых норм. Другими словами, в результате действия законности в обществе складывается правовой порядок, являющийся целью правового регулирования общественных отношений.

1.2 Понятие и признаки правопорядка.

Правопорядок – это система общественных отношений, которая устанавливается в результате точного и полного осуществления предписаний правовых норм всеми субъектами права. Правопорядок составляет реальную основу современной цивилизованной жизни общества. Качество и степень правоупорядоченности общественной жизни во многом определяет общее "здоровье" всего общественного организма и его индивидов. В условиях стабильного правопорядка эффективно функционирует экономика, достигается гармония в действиях законодательной, исполнительной и судебной властей, активно осуществляется деятельность различных общественных и частных организаций, реально гарантируется свободное развитие человека, максимально удовлетворяются его материальные и духовные потребности.

В формировании правового порядка участвуют все элементы механизма правового регулирования общественных отношений. Их причинно-следственная связь составляет основу правовой жизни общества, которая и приводит в конечном счете к установлению правового порядка. Нормы права – это нормативная предпосылка правопорядка, первичное звено механизма правового регулирования, моделирующее "идеальный" правопорядок.

Правоотношения – элемент механизма правового регулирования, обеспечивающий переход от идеального, предполагаемого законодателем правопорядка к установлению конкретного возможного или должного поведения участников общественных отношений, предусмотренного правовыми нормами. На этом этапе к механизму правового регулирования подключается законность, призванная гарантировать возможное и должное поведение субъектов правоотношений.

Акты реализации юридических прав и обязанностей являются завершающей предпосылкой правопорядка. В условиях режима законности права и обязанности участников правоотношений реально воплощаются в их поведении, достигают своей цели и, таким образом, переходят в такую систему общественных отношений, которая и образует правовой порядок.

Содержание правопорядка составляет правомерное поведение субъектов, то есть такое поведение, которое урегулировано нормами права и достигло целей правового регулирования. Структура правопорядка – это единство и одновременное разделение уре-

гулированной правом системы общественных отношений в соответствии с особенностями их отраслевого содержания.

Правопорядок есть реализованная система права. Он включает конституционные, административные, финансовые, земельные, семейные и другие виды общественных отношений, урегулированные нормами соответствующих отраслей права. В структурном отношении правопорядок отражает реализованные элементы системы права. В этой связи в структуре правопорядка выделяются не только отраслевые, но и более мелкие группы отношений, которые урегулированы под отраслями и институтами права.

Особенность правопорядка как специфической системы общественных отношений выражается в том, что складывается он только на основе правовых норм и в силу этого охраняется государством. Поэтому правопорядком охватываются далеко не все отношения, имеющие место в обществе. Определенная часть общественной жизни не нуждается в правовой регламентации. Она находится в сфере действия норм морали, норм различных общественных организаций и других неправовых нормативных регуляторов. В этом смысле правопорядок является лишь элементом общей системы общественных отношений, складывающейся под воздействием нормативного регулирования. Это часть общественного порядка.

Общественный порядок представляет собой всю совокупную систему общественных отношений, которая складывается в результате реализации социальных норм: норм права, норм морали, норм общественных организаций, норм неправовых обычаев, традиций и ритуалов.

В правовом государстве все элементы общественного порядка взаимодействуют между собой и находятся под его защитой. Однако только правопорядок охраняется специальными государственно-правовыми мерами. Другие элементы общественного порядка обеспечиваются своими средствами воздействия: моральными, собственно общественными, естественными навыками и привычками, силой традиции.

Поскольку вооруженные силы – это специфическая государственная организация, специально предназначенная для ведения вооруженной борьбы, то содержание ее деятельности значительно отличается от поведения других участников общественных отношений, не входящих в состав данной организации. Этим объясняются особенности и специфические черты воинского правопорядка.

Воинский правопорядок – это такая система отношений, которая складывается между субъектами военного права в результате строгого и точного осуществления ими предписаний военно-правовых норм.

Особенности воинского правопорядка выражаются в следующем:

Во-первых, воинский правопорядок формируется на основе таких правовых норм, которые специально предназначены для регулирования специфических общественных отношений, возникающих в области строительства, жизни и деятельности вооруженных сил. Эти нормы содержатся в различных актах военного законодательства.

Во-вторых, воинский правопорядок имеет специфическое содержание. Он включает только те общественные отношения, которые возникают в процессе боевой подготовки войск, при несении военнослужащими внутренней и караульной службы, в ходе выполнения боевых задач в военное время. Такие общественные отношения по своему содержанию характерны только для военной организации и не имеют распространения в условиях гражданской жизни.

Воинский правопорядок складывается на основе законности, в результате точной реализации правовых норм всеми военнослужащими, воинскими должностными лицами и воинскими организациями. Он воплощает в себе социальную справедливость, равенство всех перед законом, демократизм и другие принципиальные правовые положения. Отношения между военнослужащими в процессе их служебной деятельности строятся на началах гуманизма, товарищеской взаимопомощи и ответственности за свои действия. К материальным гарантиям относится такая экономическая структура общества, в рамках которой устанавливаются эквивалентные отношения между производителями и потребителями материальных благ. При эквивалентных рыночных товарных отношениях создается реальная материальная основа для нормального функционирования гражданского общества. В этих условиях любой субъект права становится экономически свободным и самостоятельным. Поддерживаемый и охраняемый законом, он в полной мере реализует свои возможности в сфере материального производства, что является важнейшей гарантией законности и правопорядка в обществе. Материально обеспеченный и социально защищенный индивид, как правило, соблюдает свое поведение с правом, поскольку его интересы гарантируются режимом законности и получают объективное воплощение в правопорядке. Политическими гарантиями законности и правопорядка являются все элементы политической системы общества, которые поддерживают и воспроизводят общественную жизнь на основе юридических законов, отражающих объективные закономерности общественного развития. Государство, его органы, разнообразные общественные объединения и частные организации, трудовые коллективы, то есть все звенья современной политической системы общества, в интересах своего жизнеобеспечения всемерно поддерживают необходимый режим законности и стабильность правопорядка. Те политические организации или отдельные политические деятели, которые противопоставляют себя порядку, установленному законом, лишаются защиты со стороны государства.

К юридическим гарантиям относится деятельность государственных органов и учреждений, специально направленная на предотвращение и пресечение нарушений законности и правопорядка. Ее осуществляют законодательные, исполнительные и судебные органы государственной власти. Основные направления борьбы с правонарушениями формируют законодательные органы, издавая соответствующие нормативно-правовые акты, предусматривающие юридическую ответственность за противоправные действия. Непосредственную же работу по профилактике и пре-

сечению правонарушений осуществляют правоохранительные государственные органы. При наличии достаточно прочных экономических и политических гарантий правоохранительная деятельность государства эффективно обеспечивает оптимальный режим законности и устойчивость правопорядка.

Нравственными гарантиями законности и правопорядка являются благоприятная морально-психологическая обстановка, в которой реализуются юридические права и обязанности участников правоотношений; уровень их духовности и культуры; чуткость и внимание государственных органов и должностных лиц к человеку, его интересам и потребностям. В создании здоровой нравственной обстановки в сфере правового регулирования участвуют все звенья политической системы общества, в том числе благотворительные организации, учреждения культуры и искусства, школа, высшие учебные заведения, церковь. Нравственно здоровое общество – это общество, функционирующее на основе законов, в условиях стабильного правопорядка. Законность и правопорядок в обществе обеспечиваются всей системой гарантий, которые органически взаимодействуют между собой, взаимообуславливают и дополняют друг друга.

1.3 Соотношение общественного и правового порядка

Правапорядок – внутреннее дело каждой страны. Однако его значение нередко выходит за рамки национальных интересов данного государства, ибо беспорядок, нестабильность, нарушение прав человека и т.д. затрагивают также интересы мирового сообщества, мирового порядка. Не случайно Россия в связи с вступлением в Совет Европы дала "Пояснения к состоянию и плану совершенствования правового порядка", заверила, что усилит борьбу с коррупцией, преступностью. Да и сейчас западные страны бдительно следят за положением дел в нашей стране, в частности за наведением порядка в Чечне и других регионах, за ликвидацией криминальной ситуации. Они видят для себя угрозу в российской организованной преступности, коррупции. Следует различать понятия "правовой порядок" и "общественный порядок". Они соотносятся как часть и целое, последнее понятие несколько шире первого. Если правопорядок, как сказано выше, основывается на праве и является конечным итогом его реализации, то общественный порядок предполагает соблюдение не только правовых, но и всех иных социальных норм, действующих в обществе (моральных, корпоративных, обычаев, традиций и т.д.). Это – результат обще социальной регуляции, которая, конечно, включает в себя и правовую.

Литература:

1. Лазарев В.В. Общая теория права и государства – М.: Юрист, 2010. – 520с.
2. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. – М.: Юрист, 2009. –240с
3. Смоленский М.Б. Теория государства и права – Ростов – на – Дону 2007 282с.
4. Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений /Под редакцией профессора В.

- Г. Стрекозова – М.: Издательство "Интерстиль", 2008. – 384 с
5. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Первалова. – М.: НОРМА 2002. – 616 с..
6. Кодекс РФ об административных правонарушениях. - М.: "Спартак", 2005. – 93с.
7. Конституция РФ. - М.: Новая школа, 2006. – 138с.
8. Лучин В. Ответственность в механизме реализации Конституции // Право и жизнь. -2007, № 1. - С. 30-49.
9. Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М.: "Юрист", 2002. - 364с.
Сергеев А.П. 2010.
10. Мальков В.П. Состав преступления в теории и практике //Государство и право, - 2006, № 7. – С. 9-13.
11. Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) от 14.11.2002 № 138 ФЗ.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ)
13. Гражданское право: В 2 т. Том I Учебник / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство БЕК, 1998. -816с.
14. Гражданское право. Под ред. Алексеева С.С. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: 2011. — 536 с.
15. Гражданское право - том 1. Учебник.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Байсангурова Ольга Асланбековна

Студентка V курса Юридического факультета им. М.М. Сперанского ФГУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ г. Москва

LOCAL GOVERNMENT AS A SUBJECT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION

АННОТАЦИЯ

Автор рассматривает институт судебной защиты местного самоуправления в рамках конституционного судопроизводства, анализирует практику Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам, связанным с местным самоуправлением.

ABSTRACT

The author considers the institution of judicial protection of local self-government within the constitutional jurisdiction, analyzes the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on issues related to local government.

Ключевые слова: *местное самоуправление, предмет конституционно-правового регулирования.*

Keywords: *local government, a subject of constitutional and legal regulation.*

Прежде чем приступить к рассмотрению местного самоуправления в качестве предмета конституционно-правового регулирования Конституционного Суда Российской Федерации уместным представляется дать определение и проанализировать понятие предмета конституционно правового регулирования. Следует отметить, что в современной науке отсутствует единый подход к пониманию рассматриваемой дефиниции.

Так, И.Т. Беспалый под предметом конституционно-правового регулирования понимает основополагающие общественные отношения наиболее важные в развитии государства[4,с.126].

Указанная позиция представляется обоснованной, действительно, Конституция Российской Федерации и нормы конституционного права в целом регулируют и закрепляют наиболее важные общественные отношения.

По мнению Д.Б. Каткова предметом конституционно-правового регулирования являются общественные отношения, характеризующиеся следующими признаками: способность поддаваться нормативно-правовому регулированию, наличие объективной необходимости, регулирование общественных отношений в интересах общества и государства[5,с.88].

Приведенное суждение справедливо, так как указанные ученым признаки присутствуют у общественных отношений, являющихся предметом конституционно-правового регулирования, однако, исходя из наличия только указанных признаков нельзя сделать однозначный вывод об отнесении тех или иных отношений к предмету конституционно-правового регулирования. На наш взгляд, определяющей в подобной ситуации является социальная значимость общественных отношений.

Г.И. Иванец под предметом конституционно-правового регулирования понимает круг общественных отношений, регулируемых основным законом государства.

Подобное мнение представляется не вполне обоснованным, так как критерий отнесения общественных отношений к предмету конституционно-правового регулирования не выдерживает критики в связи с тем, что Основной закон не является единственным источником конституционного права.

Таким образом, обобщив мнения указанных ученых, можно дать такое определение предмета конституционно-правового регулирования: предмет конституционно-правового регулирования - это наиболее важные основополагающие общественные отношения, урегулированные или подлежащие урегулированию нормами конституционного права в интересах личности, общества и государства.

Перед тем как начать рассматривать местное самоуправление как предмет конституционно-правового контроля важно отметить, что одной из важнейших гарантий местного самоуправления выступает судебная защита. Между тем, вопросы, связанные с реализацией права органов местного самоуправления на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации несколько раз становилось предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации. Представляется интересным, что позиция самого Конституционного Суда Российской Федерации менялась коренным образом.

Первоначально Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 19 марта 1997 г. № 20-О указал, что по смыслу Конституции Российской Федерации объединения граждан являются создаваемые ими на добровольной основе по собственной инициативе формирования для защиты своих интересов и достижения общих целей. Органы местного самоуправления являются формой осуществления власти народом, образуются на основе реализации избирательных прав граждан, закрепленных в ст. 32 Конституции Российской Федерации, т.е. имеют иные, чем объединения граждан, признаки. Конституция Российской Федерации (часть 2 статьи 15) различает органы

местного самоуправления и объединения граждан в качестве самостоятельных субъектов права. Иными словами, органы местного самоуправления, их должностные лица не рассматривались как субъект обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

Тем не менее, уже к 2002 году Конституционный Суд Российской Федерации в другом решении существенно скорректировал свою позицию. Согласно Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2002 г. № 7-П отмечается, что не исключается защита средствами конституционного правосудия прав муниципальных образований как территориальных объединений граждан, коллективно реализующих на основании Конституции Российской Федерации право на осуществление местного самоуправления. Следует особо подчеркнуть, что в приведенном Постановлении прямо не говорится, что у органов местного самоуправления и/или их должностных лиц есть право на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации, но это следует из содержания указанного правового акта.

С 2003 года с принятием Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» категория рассматриваемых в судах дел в целом стала соответствовать основным этапам реформирования местного самоуправления: суды стали массово рассматривать дела о реформировании территориальных основ местного самоуправления, потом по формированию органов местного самоуправления, разграничению компетенции, позже по формированию финансово-экономических основ местного самоуправления. На сегодняшний день рассматриваются дела, связанные с объемом полномочий органов местного самоуправления и их должностных лиц, ответственностью за их неисполнение[3].

Вместе с тем, стали появляться и новые категории дел, не урегулированные действующим процессуальным законодательством. Примерами таких дел стали споры, связанные с межбюджетными отношениями, дела об оспаривании межмуниципальных соглашений, заключаемых в порядке ч. 4 ст. 15 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3].

Следует отметить, что в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» отсутствует отдельная статья, посвященная судебной защите местного самоуправления. Видимо законодатель посчитал достаточным включение в текст закона ст. 78, предусматривающей возможность обжалования в суд решений, принятых путем прямого волеизъявления граждан, решений и действий (бездействия) органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления. Однако, анализ текста Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» свидетельствует о фактическом возрастании роли суда. Огромное количество процедур может быть реализовано только при наличии судебного решения[3]. А в некоторых случаях предусмотрено прямое обращение в суд.

Между тем, говоря об институте судебной защиты местного самоуправления в рамках конституционного судопроизводства и применительно к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, следует отметить, что вопросы местного самоуправления в практике Конституционного Суда Российской Федерации возникают в основном в ходе осуществления конституционного судопроизводства в рамках:

- проверки Конституционным Судом Российской Федерации конституционности нормативных актов, определенных ст. 125 Конституции Российской Федерации, по запросам органов государственной власти Российской Федерации;

- по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверки Конституционным Судом Российской Федерации конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле;

- толкования Конституционным Судом Российской Федерации Конституции Российской Федерации.

При рассмотрении вопросов судебной защиты местного самоуправления, важно отметить, что предметом рассмотрения является судебная защита местного самоуправления, которая выступает целостным, самостоятельным институтом конституционного права и включает в себя попытку в более широком аспекте представить все судебные проблемы, связанные с местным самоуправлением, в том числе включая и право граждан на осуществление местного самоуправления, а следовательно, и право граждан на осуществление судебной защиты права на местное самоуправление.

Перечень нормативных правовых актов, попадающих в сферу проверки по индивидуальным жалобам граждан или запросам судов, носит ограничительный характер. В том числе в соотношении с актами, обжалуемыми в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации, где в перечислении: «...конституций республик, уставов...» речь идет о проверке уставов субъектов Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации не уполномочен проверять конституционность уставов муниципальных образований, в связи с чем при поступлении обращений об оспаривании положений соответствующих нормативных актов Конституционный Суд Российской Федерации отказывает в принятии обращений.

Так, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2009 г. № 59-О Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии обращения гражданина, считавшего, что нарушены его права на осуществление местного самоуправления, закрепленные в ст. 15 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, и подавшего жалобу в Конституционный Суд Российской Федерации об оспаривании конституционности Устава муниципального образования «Каргопольский район» Архангельской области по порядку опубликования и введения в действие.

В своем Определении Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «согласно ст. 125

Конституции Российской Федерации и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод правомочен проверять конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле. Проверка муниципальных правовых актов не отнесена к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации. Следовательно, проверка актов местного самоуправления Конституционному Суду Российской Федерации неподведомственна».

Рассматривая вопрос толкования Конституционным Судом Российской Федерации Конституции Российской Федерации, в сфере судебной защиты местного самоуправления первоначально необходимо отметить, что место и роль Конституционного Суда Российской Федерации в системе разделения властей, его основные функции и полномочия как судебного органа конституционного контроля определяются, прежде всего, тем обстоятельством, что Конституционный Суд Российской Федерации – «орган охраны Конституции Российской Федерации». В этом плане обеспечение стабильности Конституции Российской Федерации, незыблемости конституционного строя, охрана признаваемых Российской Федерацией прав и свобод человека и гражданина – важнейшая задача Конституционного Суда Российской Федерации.

Из анализа практики Конституционного Суда Российской Федерации следует, что с запросами об официальном толковании положений Конституции Российской Федерации, касающихся местного самоуправления, Конституционный Суд Российской Федерации за время своей деятельности сталкивался дважды, однако, оба раза отказывал в принятии обращений к рассмотрению как не отвечающих установленным критериям допустимости соответствующего конституционного запроса.

Так, в 1997 году Конституционный Суд Российской Федерации вынес решение по запросу Законодательного Собрания Владимирской области о толковании п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. В обращении заявителя содержалась просьба о разъяснении, в частности, что следует понимать под общими принципами организации системы органов; могут ли в организацию системы органов государственной власти и местного самоуправления входить: порядок формирования органов местного самоуправления, порядок организации их деятельности и полномочия, административно-территориальное устройство субъекта Российской Федерации, муниципальную службу на его территории.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что рассмотрение запроса о толковании указанного конституционного положения по существу будет означать проверку на соответствие Конституции Российской Федерации принятого на основании п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-

ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в ненадлежащей процедуре. Между тем, в случае если запрос о толковании тех или иных положений Конституции Российской Федерации фактически влечет проверку конституционности какого-либо действующего закона, в то время как его конституционность ни по форме, ни по содержанию непосредственно не оспаривается, такой запрос не допустим.

Двумя годами позже Конституционный Суд Российской Федерации вынес Определение об отказе в принятии обращения Законодательного Собрания Тверской области о толковании положений ст. 12 Конституции Российской Федерации.

Однако причиной рассмотрения вопросов судебной защиты местного самоуправления, в рамках конституционного производства, могут быть и запросы государственных органов Российской Федерации.

Так, примером может служить Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-П.

Поводом к рассмотрению данного дела явились запросы Президента Российской Федерации и группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания, а также жалоба группы граждан, проживающих в городе Ижевске, где содержалось указание на то, что их конституционное право на осуществление местного самоуправления нарушается. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе соответствия Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» Конституции Российской Федерации.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. содержались положения, согласно которым признавалось право республик на создание государственных органов власти (представительной и исполнительной) в республиках на уровне городов и районов, что фактически предоставляло им возможность легализации органов местной государственной власти. Однако, то же решение признавало обязательным избрание как государственных местных органов власти, так и органов местного самоуправления и не допускало решения государственными местными органами власти вопросов местного значения. Таким образом, рассматривалась возможность юридически, через взаимное делегирование полномочий, согласовать имеющую место практику с действующим тогда федеральным законодательством.

В контексте сказанного вполне корректно предположить, что, осуществляя свои полномочия в сфере правовой защиты местного самоуправления, Конституционному Суду Российской Федерации в первую очередь приходится рассматривать вопросы конституционности нормативных актов, оказывающие непосредственное влияние на институт судебной защиты местного самоуправления. Следовательно, можно сделать вывод, что для судебной защиты местного самоуправления в рамках осуществления данного полномочия Конституционного Суда Российской Федерации – проверки конституционности нормативных актов,

определенных ст. 125 Конституции Российской Федерации, большое значение имеет трактовка понятия «неконституционность». Это обусловлено тем, что на практике Конституционному Суду Российской Федерации чаще приходится сталкиваться со случаями противоречия нормативных актов субъектов Российской Федерации федеральному законодательству о местном самоуправлении и нормативных актов органов государственной власти федеральным законам.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портале правовой информации (ГСПИ) <http://www.pravo.gov.ru>, (дат. обр. 01.10.2014).
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 04.06.2014) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2014. № 11. Ст. 1088.
3. Федеральный закон от 6.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 30.03.2015) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2015. № 10. Ст. 1393.
4. Беспалый И.Т., Полянский В.В. Государственное право Российской Федерации. Самара, 2008. С. 126-135
5. Катков Д.Б., Корчиго Е.В. Конституционное право России: Учебное пособие. М.: Юриспруденция, 1999. С.88-89

ОСОБЕННОСТИ И СУЩНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ-ОСУЖДЕННЫХ, СИСТЕМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ И СВОБОД (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА)

Нестеров Артём Юрьевич

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры «Управления персоналом» МГУТУ им К.Г. Разумовского (г. Москва).

THE FEATURES AND NATURE OF THE CONSTITUTIONAL LEGAL STATUS OF THE JUVENILE, CONVICTED, SYSTEM CONSTITUTIONAL GUARANTEES RIGHTS AND FREEDOMS (THEORY AND PRACTICE)

Аннотация: в статье анализируются понятия «правовое положение» и «правовой статус» в теории права и доктрине уголовно-исполнительного права рассматриваются как равнозначные. В самом общем виде правовой статус несовершеннолетних-осужденных – это урегулированное нормами различных отраслей права положение осужденных во время отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы. Автор вводит в научный оборот такое понятие, как «Воспитательный центр».

Abstract: The article examines the concept of "legal status" and "legal status" in the theory of law and the doctrine of penal enforcement law are considered as equivalent. In the most general form of the legal status of minors, convicted - is regulated by the norms of various branches of law status of convicts during the serving of criminal punishment in the form of imprisonment. The author introduces the scientific revolution is such a thing as an "educational center".

Ключевые слова: Нормативно-правовые акты, международные соглашения, Конституция РФ, Правовое положение (статус) несовершеннолетних-осужденных, пенитенциарная система, воспитательная колония, воспитательный центр, основные права и свободы осужденных, принципы гуманизма в системе пенитенциарных учреждений страны.

Keywords: Normative-legal acts, international conventions, The Constitution of the Russian Federation, Legal status (status), convicted minors, the penitentiary system, Educational colony, educational center, fundamental rights and freedoms of convicts, the principles of humanism in the prison system of the country.

Существенным фактором демократизации российского общества служит конституционное закрепление прав и свобод человека и гражданина в качестве высшей ценности, а также приверженность им согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

Понятия «правовое положение» и «правовой статус» в теории права и доктрине уголовно-исполнительного права рассматриваются как равнозначные. В самом общем виде правовой статус несовершеннолетних-осужденных – это урегулированное нормами различных отраслей права положение осужденных во

время отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

Основы правового статуса несовершеннолетних-осужденных закреплены в международных правовых актах: Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и др.

Правовое положение (статус) несовершеннолетних-осужденных базируется на общем правовом статусе граждан России, поскольку в ст. 6 Конституции РФ¹ прямо указывается на то, что гражданин России не

¹ См.: Конституция РФ, 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30

декабря 2008 г. N 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. N 7-ФКЗ).

может быть лишен своего гражданства. Более того, согласно ст. 20 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»², отбывание уголовного наказания служит препятствием для выхода из гражданства Российской Федерации по желанию осуждённого. Сохранение за осуждёнными гражданства государства и правового статуса гражданина Российской Федерации имеет большое международное, социально-политическое и воспитательное значение, так как характеризует подход государства к преступнику с гуманистическими позициями. Кроме того, это означает, что правовое положение осуждённых закрепляют и иные федеральные законы, которые устанавливают реализацию конституционного права, свободы и обязанности для всех граждан российского государства.

Система реализации конституционных гарантий прав и свобод несовершеннолетних-осуждённых, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ФКУ ВК (ВЦ) УФСИН России Минюста РФ, **включают:**

1) На получение информации о своих правах и обязанностях, о порядке и об условиях отбывания назначенного судом вида наказания. Администрация пенитенциарного учреждения или органа, исполняющего наказание, обязана предоставить несовершеннолетним-осуждённым указанную информацию, а также знакомить их с изменениями порядка и условий отбывания наказаний;

2) На вежливое обращение со стороны персонала пенитенциарного учреждения, исполняющего наказания. Они не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию. Меры принуждения к несовершеннолетним-осуждённым могут быть применены не иначе, как на основании закона;

3) На жизнь и здоровье. Несовершеннолетние-осуждённые независимо от их согласия не могут быть подвергнуты медицинским и иным опытам, которые ставят под угрозу их жизнь и здоровье;

4) На обращение с предложениями, заявлениями и жалобами к администрации пенитенциарного учреждения или органа, исполняющего наказания, в вышестоящие органы управления над пенитенциарными учреждениями (ФСИН России Минюста России, Уполномоченному при Президенте РФ по правам ребёнка в Российской Федерации, Администрацию Президента РФ, органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения, а также в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека и гражданина);

5) На охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения;

6) На психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы пенитенциарного учреждения и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи;

7) На социальное обеспечение, в том числе на получение пенсий и социальных пособий, в соответствии с законодательством РФ;

8) На оказание юридической помощи. Несовершеннолетние-осуждённые могут пользоваться услугами адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи.

Структуру механизма реализации прав и свобод составляют: наличие нормативно-правовой базы:

1) правомерная деятельность рассматриваемых осуждённых, направленная на их реализацию;

2) корреспондирующая правом этих лиц деятельность обязанных субъектов (администрации ФКУ воспитательной колонии УФСИН России Минюста РФ) по её осуществлению.

К числу гарантий реализации прав несовершеннолетних осуждённых к лишению свободы относится и правоприменительная деятельность государственных органов, в том числе и администрации ФКУ воспитательных колоний УФСИН России Минюста РФ.

Понятие и виды конституционных гарантий защиты прав и свобод несовершеннолетних-осуждённых, отбывающих наказание в ФКУ воспитательных колониях УФСИН России:

1) Гарантии защиты прав и свобод данных лиц проявляются на двух уровнях, включающих государственные и общественные защиты и средства международно-правовой защиты;

2) Гарантии государственной защиты прав и свобод несовершеннолетних-осуждённых к лишению свободы:

а. ведомственный контроль;

б. контроль государственных органов и органов местного самоуправления;

с. прокурорский надзор и судебная защита.

Ведомственный контроль обладает наибольшими, по сравнению с другими видами контроля, возможностями по непосредственному воздействию на реализацию конституционных прав человека и гражданина.

Конкретные формы ведомственного контроля, а также соответствующие им методы и формы избираются с учетом его целей, задач, субъектов и объектов.

Под гарантией конституционной и международной защиты прав и свобод несовершеннолетних-осуждённых, отбывающих наказание в ФКУ воспитательных колониях УФСИН России Минюста РФ, понимается предусмотренная Конституцией РФ, законодательством РФ и международными нормативно-правовыми актами. Служащая обеспечению режима законности юридическая гарантия в виде возможности данных лиц на обращение в органы правосудия в случаях, когда они считают, что их права и свободы были нарушены или ущемлены в какой-либо из сфер жизнедеятельности³.

² См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

³ См.: Конституция РФ, 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30

Право несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, на личную безопасность:

1) Под правом рассматриваемой категории лиц на личную безопасность понимается обусловленная наличием угрозы его жизни и здоровью возможность перевода в безопасное место или принятие иных мер, в том числе организационно-правового характера, устраняющих указанную угрозу, реализация которых осуществляется по заявлению лица либо по инициативе начальника ФКУ воспитательной колонии (ВЦ) УФСИН России Минюста РФ.

Значение этого права состоит в том, что законодатель не только раскрывает его, но и устанавливает конституционную реализацию этого права несовершеннолетним-осужденным – они имеют право на личную безопасность при возникновении угрозы их личной безопасности со стороны других осужденных или иных лиц.

Специфичность этого права обусловлена как спецификой уголовно-исполнительной системы, так и особенностями форм обеспечения права данными осужденными на безопасность, которые отличаются разнообразием и находят закрепление в нормах уголовно-исполнительного права⁴.

Под правовым положением (статусом) осужденных мы, понимаем совокупность юридических элементов (обязанностей и прав, законных интересов и правовых ограничений), выражающих специфику и определяющих содержание положения несовершеннолетних осужденных во время отбывания наказания в виде лишения свободы в ФКУ ВК (ВЦ) УФСИН России Минюста РФ.

Различают следующие виды правового статуса осужденного:

- 1) общий, или конституционный, статус гражданина Российской Федерации;
- 2) специальный, или родовой, статус осужденных как определенной категории граждан;
- 3) особенный, или видовой, статус лиц, отбывающих различные виды уголовных наказаний;
- 4) индивидуальный статус. Структуру статуса несовершеннолетнего-осужденного образует совокупность четырех элементов, взятых попарно: обязанности и права, законные интересы и правовые ограничения. Соотношение этих элементов образует юридиче-

ское содержание статуса, как конкретного осужденного, так и лиц, отбывающих одинаковый вид уголовного наказания.

Создание единого вида режима позволит оградить несовершеннолетних осужденных к отбыванию наказания в ФКУ ВК (ВЦ) УФСИН России усиленного режима от негативного влияния взрослых преступников, даст возможность включить в систему воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными общественные объединения и родителей, облегчит решение вопросов трудового и бытового устройства освобождающихся, позволит полнее воспользоваться предоставленными законом правами. Кроме того, это даст возможность сократить расходы, предусмотренные бюджетом, на перевозки осужденных по территории Российской Федерации.

Воспитательный центр – вид исправительного учреждения, обеспечивающий заверченный цикл работы с лицами, совершившими преступление в несовершеннолетнем возрасте⁵.

Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации устанавливают принцип дифференциации назначения и исполнения наказания. Ст. 80 УИК РФ устанавливает раздельное содержание мужчин и женщин, несовершеннолетних и взрослых.

Это требование предусмотрено и в международных стандартах обращения с заключенными (п. 29 Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы).

Таким образом, данный принцип определяет инфраструктуру уголовно-исполнительной системы, обязанной обеспечить изоляцию несовершеннолетних и взрослых путем их размещения в различных видах воспитательных учреждений. Согласно ст. 87 УК РФ «Несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось восемнадцати лет». Это понятие соответствует определению несовершеннолетнего, данному в Правилах Организации Объединенных Наций, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, и «Конвенции о правах ребенка», где указывается, что несовершеннолетним «является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста» (ст.1)⁶.

Вместе с тем как УК РФ (в ст. 96), так и УИК РФ (в ст. 139) допускают отбывание наказания в воспитательных колониях лиц старше 18 лет до достижения

декабря 2008 г. N 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. N 7-ФКЗ).

⁴ См.: Алексеев С.Б. Обеспечение несовершеннолетним осужденным к лишению свободы личной безопасности / С . Б . Алексеев // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Деятельность правоохранительных органов и государственной противопожарной службы в современных условиях: проблемы и перспективы (Иркутск, 21–22 апреля 2005 г.). – Иркутск: Вост. - Сиб. ин-т МВД России, 2005; Алексеев С.Б. О некоторых особенностях реализации права несовершеннолетних осужденных , содержащихся в воспитательных колониях, на образование / С.Б. Алексеев // Материалы Международной научно-

практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Дальневосточном регионе» (Хабаровск, 18–19 мая 2005 г.). – Хабаровск: Дальневост. ин-т МВД России, 2005.

⁵ См.: Нестеров А.Ю. Системный анализ проблемы отбывания наказания несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях. [Текст] / А.Ю. Нестеров. // Человеческий капитал № 5 (77), 2015. С.146-156.

⁶ См.: Конвенцию ООН "О правах ребенка" (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).

ими 21 года, то есть совместное содержание несовершеннолетних и лиц, вышедших из этого возраста.

Такое решение в целом позитивно, поскольку позволяет закрепить результаты воспитательной работы с воспитанниками, а также привлечь 18–19-летних к хозяйственным работам, необходимым учреждению, на которых нельзя использовать подростков. Но, и при установлении предельного возраста в 19-го возраста не все осужденные успевают отбыть назначенный срок наказания.

Вместе с тем продление возможности отбывания наказания в воспитательной колонии для лиц, преодолевших восемнадцатилетний возрастной барьер несовершеннолетнего, заметно меняет возрастное соотношение несовершеннолетних и взрослых, с преобладанием последних, влечет рост численности контингента в целом, ставит новые проблемы перед персоналом ФКУ ВК УФСИН России, который вынужден перестраивать свою работу с учетом увеличивающегося возрастного диапазона осужденных. Это, возлагает и дополнительные финансовые нагрузки на воспитательные колонии, которые вынуждены обеспечивать взрослых осужденных нормами питания и материально-технического обеспечения, установленными для несовершеннолетних.

Предлагается создание при воспитательных колониях участков, работающих в режиме исправительной колонии общего режима, для воспитанников ФКУ ВК УФСИН России, достигших 18-летнего возраста, до завершения отбывания ими наказания без возрастных ограничений. Для реализации предложения требуется внести соответствующие изменения в УК РФ и УИК РФ. С учетом указанных проблем и путей их решения предлагается создание воспитательного центра.

По нашему мнению, «Воспитательный центр» – это, прежде всего один из видов воспитательного учреждения для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, аккумулирующий направления работы различных видов учреждений уголовно-исполнительной системой (ФКУ «СИЗО-ВК-ИК» УФСИН России). Цель создания такого комплекса – поставить барьер на пути дальнейшей криминализации несовершеннолетних-осужденных. Создание комплекса осуществляется на базе воспитательной колонии и ориентировано на административные центры, что позволит организовать функционирование всех его структурных подразделений.

При организации учебно-воспитательного процесса воспитательная работа направлена на подготовку более социализированной личности несовершеннолетнего-осужденного. Перегруженность несовершеннолетних-осужденных негативным опытом не являлась до сих пор предметом коррекции. Напротив, объективные условия воспитания в искусственно созданном замкнутом мире мест лишения свободы создают дополнительные условия для криминализации среды обитания и самих осужденных.

Требования, которые ранее предъявлялись к подростку в местах лишения свободы, были направлены на формирование послушного несовершеннолетнего-осужденного. Соблюдение режимных требований, посещение вечерней школы, трудовая занятость

оценивались, прежде всего, с точки зрения организации жизни и деятельности мест лишения свободы и того, насколько подросток «вписался» в эту структуру (не нарушает режим содержания, посещает школу, не отказывается от работы, не противостоит администрации). Именно это определяло степень его исправления.

В настоящий период, подросток-осужденный, прибывший в ФКУ «Воспитательную колонию» УФСИН России, обнаруживает признаки социальной дезадаптации. Он, как и все осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы в ВК, не умеют правильно строить отношения со сверстниками, определять линию поведения в социуме, обеспечивать свои физические и духовные потребности, соблюдая общепринятые правовые и нравственные /аморальные/ нормы.

Основная задача, которую должен решать воспитательный центр при проведении воспитательной работы – это, прежде всего, обнаружить причины социальной дезадаптации личности несовершеннолетнего-осужденного, исправить те личностные качества, которые мешали ему приспособиться к требованиям правопослушного современного российского общества, подготовить социализированную личность.

Литература:

1. Конвенция ООН «О правах ребенка» (ратифицирована в СССР 1990 г.) / Принята резолюцией 44/55 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. Вступила в силу 2 сентября 1990 г. // Институт "Открытое общество". М., 2001. – 44 с.
2. Руководящие принципы ООН для соответствующего использования и условий альтернативного ухода за детьми (2009).
3. Руководство к сведению Генерального секретаря Организации Объединенных Наций: Подход ООН к детскому правосудию (2008).
4. Конвенция Совета Европы по защите Детей от Сексуальной Эксплуатации и Сексуального Насилия (2007 CETS No 201).
5. Правила ООН по правосудию с участием детей- жертв или свидетелей преступлений (ECOSOC Res 2005/20, 2005).
6. Конвенция Совета Европы о Личных Kontakтах с Детьми (2003 ETS No 192).
7. Европейская Конвенция по Соблюдению Прав Ребёнка (1996 ETS No 160).
8. Отредактированная Европейская Социальная Хартия (1996 ETS No 163).
9. Правила ООН по защите несовершеннолетних, лишенных Свободы ("Гаванские Правила", 1990).
10. Рекомендации ООН по Профилактике Преступности Несовершеннолетних ("Эр-Риядские руководящие принципы", 1990).
11. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних ("Пекинские правила") // Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года.
12. Конвенция о защите Прав Человека и Основных Свобод (1950 ETS No 5, далее ЕСПЧ).
13. Уголовный кодекс РФ, 1996 г. // Глава 14. «Особенности уголовной ответственности и наказания

несовершеннолетних» // Федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

14. Уголовный процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ // (с изменениями на 13 июля 2015 года, редакция, действующая с 15 сентября 2015 года).

15. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. N 1-ФЗ.

16. Распоряжение Правительства РФ от 15.10.2012 N 1916-р (ред. от 19.12.2014) «Об утверждении плана первоочередных мероприятий до 2014 года по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы».

17. Закон РСФСР «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР» от 5 декабря 1991 г. // ВВС РСФСР. № 52. Ст. 1867.

18. Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. // Российская газета. 1993. 24 августа.

19. Указ Президента РФ «О реформировании уголовно-исполнительной системы МВД РФ» от 8 октября 1997 г. // Российская газета. 1997. 15 октября.

20. Указ Президента РФ от 28 июля 1998 г. «О передаче УИС МВД РФ в ведение Министерства юстиции РФ» // Российская газета. 1998. 4 августа.

21. Распоряжение Правительства РФ от 15.10.2012 N 1916-р (ред. от 19.12.2014) «Об утверждении плана первоочередных мероприятий до 2014 года по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы».

22. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д.Зорькина, В.Е. Крутских. — М.: ИНФРА-М, 1998. — 790 с.

23. Нестеров А.Ю. Основные принципы исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях (теория, методология, практика). [Текст] // А.Ю. Нестеров. – Человеческий капитал № 6 (78). – М., 2015. С. 90-100.

24. Пудовочкин Ю.Е. Ювенальное уголовное право: теоретико-методологические и историко-правовые аспекты - М.: Глобус, 2001. С. 20–25.

КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Антонович Елена Константиновна

*Кандидат юридических наук, полковник внутренней службы в отставке, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
г. Москва*

Антонович Богдан Александрович
Студент

*Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации»
г. Москва*

THE QUESTION ABOUT POSSIBILITY OF APPOINTING A FORENSIC PSYCHIATRIC EXAMINATION WHEN CHECKING REPORTS OF CRIME

Antonovich Elena

*Teacher of Criminal Procedure Law Department of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education Kutafin Moscow State Law University Phd (Law)
Moscow*

Antonovich Bogdan

*Student State budget educational institution of higher professional education "First Moscow State Medical University named after IM Sechenov Ministry of Health of the Russian Federation"
Moscow*

АННОТАЦИЯ

В работе анализируются практика и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, касающиеся назначения судебно-психиатрической экспертизы.

ANNOTATION

The paper analyzes the practice and criminal procedure legislation of the Russian Federation concerning the appointment of the forensic psychiatric examination.

Ключевые слова: *судебно-психиатрическая экспертиза, уголовное судопроизводство, психическое заболевание*

Key words: *forensic psychiatric examination, criminal proceeding, psychic disease*

Психическое расстройство может не только изменять отношение человека к жизни, к самому себе и обществу, но и менять отношение общества к такому человеку. Сказанное приобретает особое значение в уголовном судопроизводстве: ведь, уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо либо лицо с психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Хотя, современное отношение к проблеме психического здоровья в уголовном судопроизводстве исходит из принципа «презумпции психического здоровья», т.е. человек считается психически здоровым, пока не будет установлено обратное [4,с.5], лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство, могут страдать любой из форм психического расстройства [7].

Если психическое расстройство лица не исключает его вменяемости, а также возможности назначения и исполнения наказания за совершенное преступление, на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы и иных доказательств суд, рассматривающий уголовное дело по существу, в соответствии с п. 16 ч. 1 ст. 299 УПК РФ разрешает вопрос о

возможности и необходимости применения к подсудимому наряду с наказанием принудительных мер медицинского характера.

Обычно судебно-психиатрические экспертизы назначаются и производятся на стадии предварительного расследования. Проведение экспертизы возможно и в ходе судебного разбирательства, как по ходатайству сторон процесса, так и по собственной инициативе суда. Иногда, при рассмотрении уголовного дела в апелляционной инстанции, судом назначается судебно-психиатрическая экспертиза, в т.ч. и как первоначальная.

Таким образом восполняется пробел и ошибка, допущенные еще на стадии предварительного расследования [1].

Вопрос о назначении судебно-психиатрической экспертизы - в числе вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора (п.4.2 ст. 397 УПК РФ). Проведение судебно-психиатрической экспертизы на стадии исполнения приговора предусмотрено и ч. 2.1 ст. 102 УК РФ.

Среди новелл законодательства, касающихся назначения и производства судебных экспертиз, особого внимания заслуживают положения Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [6], направленные на расширение перечня способов проверки сообщений о преступлениях в связи с включением в него наряду с иными средствами возможность назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок.

Указанные изменения в законодательство вызвали ряд дискуссий, включая обсуждение вопроса о возможности назначения и производства судебно-психиатрических экспертиз при проверке сообщения о преступлении.

На наш взгляд, назначение и производство судебно-психиатрических экспертиз при проверке сообщений о преступлении невозможно по следующим основаниям.

Первое. Стадии возбуждения уголовного дела, как и любой иной стадии процесса, свойственны определенные признаки.

Целью этой стадии является установление процессуальных условий, необходимых для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела, т.е. установление законности повода и достаточности основания для возбуждения уголовного дела или установление процессуальных оснований для отказа в возбуждении уголовного дела [3, с.451].

То есть требуется установить перечень значимых обстоятельств, необходимых для возбуждения уголовного дела и закрепленных в статье 146 УПК РФ [21], обычно это объект и объективная сторона преступления. К устанавливаемому объему данных следует отнести выяснение, прежде всего, фактических обстоятельств, события преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), содержащего признаки преступления.

Следует учитывать также, что признаки состава преступления являются более широким понятием, чем признаки преступления [19].

Положения ст. 146 УПК РФ не ставят реализацию полномочия следователя на возбуждение уголовного дела в зависимость от факта установления лица, причастного к преступлению. В устанавливаемый объем данных включены лишь данные, позволяющие дать *уголовно-правовую квалификацию деяния*, о котором идет речь в сообщении о преступлении.

Конечно же, нельзя исключать, что при проверке сообщения о преступлении могут быть установлены также *субъект и субъективная сторона преступления, поэтому уголовное дело может быть возбуждено как по факту совершения преступления, так и в отношении конкретных лиц, если они к моменту принятия такого решения известны органам расследования* [16,18]. Однако для принятия решения о возбуждении уголовного дела не требуется установления состава преступления в полном объеме, поскольку такая задача поставлена для последующих стадий уголовного судопроизводства. Вывод лица, принимающего решения при проверке сообщения о преступлении, носит предварительный, вероятностный характер и не может предрешать последующие решения по уголовному делу.

Таким образом, на стадии возбуждения уголовного дела разрешается лишь вопрос *о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления* (ч. 2 ст. 140, ч. 1 ст. 145, ч.1 и ч. 2 ст.146 УПК РФ), но не *о наличии самого преступления и не о виновности лица в его совершении* [13,15]. *Принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого (обвиняемого) в том смысле, как это предусмотрено ст. 49 Конституции РФ* [9, 11, 17].

Сказанное вовсе не означает, что производство других видов экспертиз невозможно на стадии возбуждения уголовного дела. Иногда без предварительного экспертного исследования сложно принять решение о наличии или отсутствии признаков преступления. Например, если речь идет о незаконном обороте наркотических средств и незаконном обороте оружия. Ведь, при производстве таких исследований может быть полностью израсходовано вещество или поврежден предмет исследования и в этой связи не всегда возможно провести судебную экспертизу после возбуждения уголовного дела.

То есть назначение и производство экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела – это средство проверки сообщения о преступлении для установления наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела, что не соответствует целям назначения и производства судебно-психиатрических экспертиз.

Второе. Внесение рассматриваемых изменений в УПК РФ создало правовую основу уже в рамках проверки сообщения о преступлении не только назначать судебную экспертизу, но и принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок. Однако это вряд ли будет возможно в сроки, предусмотренные для принятия решения о возбуждении уголовного дела, в случае назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы, учитывая длительность их производства. Это противоречило бы и положениям Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [5], согласно ч. 1 ст. 30 которого лицо может быть помещено в медицинский стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы на срок до 30 дней, с возможным продлением еще на 30 дней.

Третье. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [5] выделяет производство экспертиз в отношении живых лиц, разграничивая в ст. 28 добровольный и принудительный порядок, указывая, что круг лиц, направляемых в принудительном порядке, определяется процессуальным законодательством. В зависимости от статуса лица порядок назначения и производства различен: он может быть в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством как принудительным, так и добровольным. Но подозреваемый, обвиняемый, свидетель и потерпевший являются участниками следующей стадии уголовного судопроизводства – стадии предварительного расследования. И, хотя, Конституционный Суд

РФ неоднократно отмечал, что в целях реализации конституционных прав необходимо учитывать *не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица*, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование [21,22], в данном случае речь шла о правах, а не об обязанностях лица.

Таким образом, отсутствует законодательная процедура назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела. В свою очередь, нарушение процессуального порядка получения доказательств вызывает естественное сомнение в достоверности полученных сведений, так как установленная процессуальная форма служит одной из гарантий получения достоверных данных.

Четвертое. Производство судебно-психиатрической экспертизы до возбуждения уголовного дела привело бы к нарушению прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Законодатель к числу промежуточных решений, затрагивающих конституционные права участников уголовного судопроизводства или нарушающих их права на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки, а также препятствующих дальнейшему движению дела, подлежащих самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке до вынесения итогового решения по делу отнес и судебные постановления или определения о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы (ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ).

В силу п.3 ч. 1 ст. 51 и ст. 438 УПК РФ в производстве о применении принудительных мер медицинского характера участие защитника является обязательным с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы, если защитник ранее не участвовал в данном уголовном деле. Отказ от защитника по этим делам не может быть принят судом. В случае нарушения указанных требований в ходе предварительного расследования уголовное дело подлежит возвращению прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ [14].

Если же органам предварительного расследования конкретное лицо, причастное к преступлению, известно, этому лицу должна быть во всяком случае предоставлена возможность реализовать весь комплекс прав, в том числе при производстве судебных экспертиз. Иными словами, ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника с постановлением о назначении экспертизы до начала ее производства - при отсутствии объективной невозможности это сделать - является обязательным [23]. Суд не имеет права принимать решение по ходатайству следователя о помещении лица в психиатрический стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы без предоставления ему и (или) его защитнику возможности ознакомиться с таким ходатайством и изложить свою позицию по данному вопросу [10]. Исключением является случай, когда физическое и (или) психическое состояние лица не позволяет ему предстать перед судом [12].

И, хотя законодатель в ч.1.2 ст. 144 УПК РФ наделил сторону защиты и потерпевшего правом заявить ходатайство о производстве дополнительной либо повторной экспертизы, которое будет безоговорочно удовлетворено, вопрос о том, когда и в какой срок указанные лица смогут реализовать право на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта, остался неурегулированным.

Пятое. В зависимости от статуса лица различаются цели назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы, и, следовательно, формулируются вопросы, которые ставятся перед экспертом.

В случае экспертной диагностики обязательно являются два этапа оценки психического состояния пациента (подэкспертного).

Первый этап - установление психического расстройства и его нозологической принадлежности (диагноз и психический статус), а второй - сопоставление выявленных у подэкспертного расстройств с юридическими критериями правовой нормы, в соответствии с которой была назначена экспертиза (судебно-психиатрическая экспертная оценка [8].

Конечно, не стоит смешивать медицинскую и юридическую оценки психического состояния подозреваемого и обвиняемого. Но, какие же вопросы должны быть поставлены перед экспертом на стадии возбуждения уголовного дела, исходя из целей этой стадии?

Шестое. Решение о назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы, как и любое иное решение в уголовном судопроизводстве, должно быть законным, обоснованным и мотивированным (ст. 7 УПК РФ).

Принятию решения о назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы присущи два этапа.

Первый этап – это сбор информации и оценка информации, которая приводит к выводу о наличии (отсутствии) определенных обстоятельств и признаков, необходимых для решения (этот этап называют информационным), второй этап – это собственно принятие решения о действии на основе полученной информации [2,36].

В соответствии с ч. 1 ст. 199 УПК РФ при производстве судебной экспертизы в экспертном учреждении следователь направляет руководителю соответствующего экспертного учреждения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства. Однако остается неясным вопрос о том, каким же образом следователь может направить соответствующие медицинские документы, в частности, амбулаторную карту лица, без производства ее выемки, которая возможна только после возбуждения уголовного дела.

Таким образом, назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела направлено на установление признаков преступления, необходимых и достаточных для принятия итогового решения этой стадии. Назначение и производство судебно-психиатрических экспертиз на стадии

возбуждения уголовного дела не соответствует ни целям самой стадии возбуждения уголовного дела, ни целям производства таких экспертиз.

В этой связи возникает вопрос о необходимости внесения изменений в законодательство в целях избежания двусмысленного толкования положений ст. 144 УПК РФ. На наш взгляд, вносить изменения в ст. 144 УПК РФ не требуется. Следует привести имеющуюся точку зрения о том, что принятие незаконных или необоснованных решений обусловлено не столько недостатками законодательства, сколько «правовым нигилизмом, выражающимся в несоблюдении требований закона, в пренебрежении требованием выполнить двуединое назначение уголовного судопроизводства» [2,9].

Литература:

1. А.В. Кудрявцева. Исследование доказательств в суде апелляционной инстанции в свете теории следственных (судебных) действий познавательного характера/ «Законы России: опыт, анализ, практика». 2015. № 2// СПС КонсультантПлюс
2. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика (2-е издание, переработанное и дополненное)/ П.А. Лупинская. Норма. Инфра-М. 2010. С.10, 37.
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник// Отв. ред. П.А. Лупинская. М., Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 451.
4. Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... д.ю.н. М., 2004. С. 5.
5. Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»
6. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении дополнений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»// СПС КонсультантПлюс
7. МКБ-10 Краткий вариант, основанный на Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра, принятой 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения// СПС КонсультантПлюс
8. Протокол ведения больных. Судебно-психиатрическая экспертиза (утв. Министерством здравоохранения и социального развития РФ 23.05.2005)// СПС КонсультантПлюс
9. Постановления Конституционного Суда РФ от 28.10.1996 N 18-П// СПС КонсультантПлюс
10. Определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 № 206-О// СПС КонсультантПлюс
11. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 292-О-О// СПС КонсультантПлюс
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28// СПС КонсультантПлюс
13. Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2011 № 353-О-О// СПС КонсультантПлюс
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6// СПС КонсультантПлюс
15. Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 675-О-О// СПС КонсультантПлюс
16. Определения Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 962-О-О// СПС КонсультантПлюс
17. Постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 N 16-П// СПС КонсультантПлюс
18. Определения Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 588-О-О// СПС КонсультантПлюс
19. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.06.2005 № 72-005-21// СПС КонсультантПлюс
20. Обзор надзорной практики СК по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2008 г.// СПС КонсультантПлюс
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года № 11-П // СПС КонсультантПлюс
22. Определение Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2010 г. № 1213-О-О // СПС КонсультантПлюс
23. Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 № 259-О // СПС КонсультантПлюс

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
КРИМИНАЛИСТИКИ**

Уварова Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Московского университета имени С.Ю. Витте
г. Москва

Ница Ольга Сергеевна
аспирант кафедры уголовного права и процесса
Московского университета имени С.Ю. Витте
г. Москва

Uvarova Irina

*Candidate of Law, associate professor?
Head of the Department of Criminal Law and Procedure
Moscow University S.Y. Witte
Moscow*

Nitsa Olga,

*postgraduate student
of the Department of criminal law and procedure
Moscow University named S. Y. Vitte ,
Moscow*

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится анализ исторического развития криминалистики как науки уголовно-правового цикла, определяется ее место в общей системе юридических наук. Рассматриваются современное состояние, проблемы криминалистики и перспективы дальнейшего развития и применения на практике.

ABSTRACT

This article analyzes the historical development of criminology as a science of criminal law cycle is determined by its place in the general system of jurisprudence. The modern state, problems of criminalistics and the prospects for further development and application in practice.

Ключевые слова: криминалистика, уголовно-правовые науки, система юридических наук, перспективы развития криминалистики.

Keywords : criminology, criminal law theory, the system of jurisprudence, the prospects for the development of forensic science.

Проблема классификации наук на разных этапах развития научного знания решалась по-разному. Историческое возникновение, становление и развитие криминалистики как науки складывалось на протяжении многих лет. Вначале она возникла и сформировалась как наука в ответ на потребность борьбы с преступностью и носила сугубо эмпирический характер. Достаточно было знаний и опыта сыщиков и даже преступников. На первых порах эти знания и опыт вполне удовлетворяли потребности расследования и суда. Однако исторические события и глубокие социально-экономические преобразования привели к существенным изменениям, сопровождающиеся криминализацией общества, ростом и видоизменением преступности. В результате, возросла криминальная обстановка.

Рост числа преступников и совершенствование ими способов совершения преступлений вскоре потребовали большего – нужны были научные разработки, приемы, способы и методы их расследования.

Основоположником криминалистики как науки, считается австрийский судебный следователь Ганс Гросс, который одним из первых заострил внимание на вещественных доказательствах в раскрытии преступлений, на использовании для их обнаружения и исследования научно-технических средств и методов естественных наук.

В предисловии своей работы «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» (1898 г.) Г. Гросс писал: «...Криминалистика по природе своей начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу: материальное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) заключает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать их, какие были мотивы в совершении такового, какие имелись в виду цели – обо всем этом нам не говорят ни уголовное право, ни процесс. Это составляет предмет криминалистики» [1].

Ганс Гросс определил криминалистику как «реальность уголовного права», при этом подчеркнув неразрывную связь этих наук. Ведь наука уголовного права является определяющим звеном в системе юридических наук, направленных на борьбу с преступностью. И именно уголовный закон составляет основу в борьбе с преступностью, определяет основания для привлечения и освобождения от уголовной ответственности, характер, размеры и виды уголовного наказания, а также определяет основные положения, цели и

задачи уголовного преследования и судебного разрешения дел.

Также нельзя не подчеркнуть и неразрывную связь криминалистики с уголовным процессом, который разрабатывает систему принципов, порядок и конкретные формы этой деятельности, то есть, определяет форму, а вот содержательную сторону преступлений – раскрывает криминалистика, включающая в себя конкретные способы и средства, приемы и методы, которыми руководствуется следователь по обнаружению, выявлению и достоверному установлению обстоятельств конкретных видов преступлений.

Как известно, криминалистика с момента своего зарождения формировалась как прикладная наука, обеспечивающая потребности норм уголовного права и процесса. Такой она была на протяжении многих лет. И до Великой отечественной войны криминалистика в нашей стране проходила период становления [2, с. 25]. В послевоенные годы был отмечен рост преступности и остро ощущалась нехватка квалифицированных работников правоохранительных органах. В этот период были открыты высшие юридические школы, увеличен набор в юридические институты и на факультеты, созданы научно-исследовательские институты, криминалистические службы, налажен выпуск сборников следственной практики. Естественно, все это создавало базу для дальнейшего развития криминалистики.

На тот период времени в нашей стране общепризнанным определением было определение С.П. Митричева: «...советская криминалистика, как специальная юридическая дисциплина, является наукой о технических средствах, тактических приемах и методах, применяемых для выполнения предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий судебных и следственных органов по обнаружению и собиранию, фиксации и исследованию доказательств в целях расследования преступлений, направленных против Советского государства и установленного им правопорядка» [3, с. 17].

В середине XX века произошел качественный скачок в науке и технике. Не прошла научно-техническая революция и мимо криминалистики, активизировались разработки частных криминалистических теорий. Прежде всего, это следует отнести к учению о следственных версиях, которая основывается на одной из категорий логики – гипотезе. В монографических исследованиях А.М. Ларина [4], Г.В. Арцишевского [5], Я. Пешака [6], В.Е. Коноваловой [7], и других авторов была создана теория следственной версии, значение которой весьма велико для расследования.

Московская школа криминалистов создает теорию криминалистической идентификации. Основы этой школы были заложены в послевоенные годы С.М. Потаповым, Н.В. Терзиевым и Б.И. Шевченко, а затем продолжены другими учеными, посвященными криминалистической диагностике.

Таким образом, в этот период закладывается теоретическая основа криминалистики, и она выступает как прикладная, достижения которой используются для практических целей других наук.

С конца 1950-х годов основной являлась концепция о правовой природе криминалистики, которая заключалась в следующем:

1) криминалистика – правовая наука, т.к. ее предмет и объекты познания находятся в сфере правовых явлений;

2) криминалистика – правовая наука, т.к. одна из основных ее функций относится к правовой сфере деятельности государственных органов (расследование преступлений и судебное разбирательство);

3) все рекомендации, разрабатываемые криминалистикой для практики, носят только правовой характер, основаны на законе;

4) исторически криминалистика зародилась в рамках правовой науки – в рамках уголовно-процессуального права.

Ситуация серьезно изменилась с появлением нового определения предмета криминалистики, которое было предложено Р.С. Белкиным в 1967 году [8]. В качестве предмета криминалистики указывались закономерности возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и выглядело оно следующим образом: «Криминалистика – это наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [9, с. 112].

Однако, не все ученые-криминалисты были согласны с данным определением, но практически каждый из них отметили, что криминалистика вышла на новый уровень развития и требует новых, собственных научных разработок.

Так, И.Н. Якимов, раскрывая понятие криминалистики, писал: «...криминалистика, не будучи самостоятельной научной дисциплиной...является прикладной наукой, преследующей прикладные цели» [10, с. 5].

Результатом развернувшихся дискуссий стало заметное оживление теоретических исследований в области криминалистики, при этом основная роль отводится Р.С. Белкину, который обобщил свои теоретические исследования в трехтомном труде, ставшем на многие годы настольной книгой российских криминалистов [11].

Рассматривая криминалистику как развивающуюся науку, исследователи и практические работники постоянно расширяют сферы ее влияния, разрабатывают новые учения, теории и направления. Современное общество и государство указывает на то, что настало время новых научных дискуссий относительно предмета криминалистики, ее терминологии, а также самой системы криминалистики. Все это свидетельствует о необходимости совершенствования криминалистического обеспечения выявления и расследования преступлений.

Однако, как нам представляется, традиционных мер для борьбы с современной преступностью уже недостаточно. В условиях глобализации, в рамках единой стратегии противодействия преступности, важна

разработка современных комплексных криминалистических технологий обеспечения этого противодействия.

Проанализировав мнения ученых на разных этапах развития науки, мы пришли к выводу, что криминалистику можно определить как науку, которая вооружает следователя, дознавателя, оперативного работника и эксперта-криминалиста современными средствами и методами выявления следов преступлений, помогает проникнуть в закономерности механизма, обстановки и всех обстоятельств совершения преступлений, выявить мотивы, цели и действия лиц, их совершивших [12, с. 5].

Таким образом, как и сто лет назад, сегодня криминалистика не стоит на месте, переживая очередной, и очень важный, этап в своем развитии: обновляется теория, разрабатываются рекомендации по внедрению информационных технологий и принципиально новых научно-технических средств, совершенствуются приемы криминалистической тактики, создаются частные методики расследования отдельных видов преступлений.

Литература:

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. / Предисл. Н.П. Яблокова. М.: ЛексЭст, 2002.

2. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М. 1999. С.25.

3. Митричев С.П. Предмет, метод и система советской криминалистики. М., 1956.

4. Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 1976.

5. Арцишевский Г.В. Выдвижение и проверка следственных версий. М., 1978.

6. Пещак Я. Следственные версии. М., 1976.

7. Коновалова В.Е. Версия: концепция и функция в судопроизводстве. Харьков, 2000.

8. Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете криминалистики // Правоведение. 1967. № 4. С. 31.

9. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Том первый. М. 1997.

10. Якимов И.Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924. С.5.

11. Белкин Р.С. Курс криминалистики в трех томах. М., 1997-1999.

12. Уварова И.А. Практические основы криминалистического исследования следов: учебное пособие. М., 2015.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ ГЕНОЦИДА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

*Бронникова Татьяна Борисовна,
магистрант Юридического института
Иркутского государственного университета*

GENESIS OF THE CONCEPT OF GENOCIDE IN INTERNATIONAL LAW

Bronnikova Tatiana

Magister of law. Law institute.

Irkutsk State University

Аннотация: В статье предпринимается попытка анализа изменения в современном международном праве подхода к пониманию геноцида. Автор отмечает постепенное расширение и формализацию понятийного аппарата. Высказывается предположение, что основной причиной такого изменения стало возникновение практики международно-правовой ответственности за геноцид в рамках работы международных трибуналов и иных форм международного правоприменения.

Abstract: The paper attempts to analyze the changes in contemporary international law approach to the understanding of genocide. The author notes the gradual expansion and formalization of the conceptual apparatus. It is suggested that the main reason for this change was the emergence of the practice of international legal responsibility for genocide in the work of international tribunals and other forms of international law enforcement.

Ключевые слова: геноцид, ответственность государства, ООН, генезис

Keywords: genocide, the responsibility of the state, the UN, the genesis

Одним из наиболее серьезных вызовов, вставших перед мировым сообществом, стало возникновение в XX веке случаев геноцида, выразившихся в попытках тотального уничтожения представителей отдельных национально-этнических групп правительствами государств. Массовые убийства армян в Османской Империи в 1915 году, холокост (уничтожение евреев), истребление цыган, гонения в отношении отдельных религиозных групп в национал-социалистической Германии в 1933-1945 годах, стали основанием возникновения в международном праве представления о необходимости внедрения механизмов международно-правовой ответственности за такие деяния и концептуального понимания таких деяний как особого явления, получившего название – геноцид.

Термин «геноцид» введен в оборот польским и американским юристом еврейского происхождения Рафаэлем Лемкиным в 1944 г., который для этого использовал греческое слово «genos» (раса, племя) и латинское слово «cide» (убийство). Данный термин он предложил с целью квалификации варварских действий нацистской Германии в отношении евреев [1, 36 с.].

Действительно, введение мировым сообществом юридической ответственности за геноцид, по признанию ООН, является «прямым следствием предпринятой попытки истребления евреев и представителей других национальностей в период Холокоста» [2].

Р. Лемкин писал: «Под «геноцидом» мы подразумеваем уничтожение нации или этнической группы... Геноцид направлен против национальной группы как целого, и предпринимаемые действия обращены против людей не как отдельных личностей, а именно как членов национальной группы» [1, 39 с.]. Между тем, по мнению Р.Лемкина, геноцид может проявляться не только в физическом, но «и в культурном уничтожении» [1, 42 с.]. Таким образом, уже автор

термина, в момент его создания предполагал, что геноцид является не только преступлением, связанным с физическим уничтожением отдельных национально-этнических групп, но в первую очередь с уничтожение культурных идентичностей, то есть соотношений человека с определенной социальной группой, ее традициями, обычаями, верованиями, языком и культурой. Такая трактовка, приводящая к расширению понятийного аппарата, станет одной из доминант в последующем развитии понятийного аппарата в отношении явления геноцида.

Р. Лемкин писал, что «геноцид не обязательно означает моментальное уничтожение нации... Он, скорее, предполагает координированный план действий, направленный на разрушение основ существования национальных групп с целью искоренения самих этих групп. Составные части такого плана - уничтожение политических и общественных институтов, культуры, языка, национального самосознания, религии, экономических основ существования национальных групп, а также лишение личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и самих жизнью людей, принадлежащих к этим группам» [1, 47 с.].

Такая дифференциация воздействия на национально-этнические группы, связанная как с физическим уничтожением представителей отдельной национально-этнической группы, так и с попытками искоренения традиционных языков, культур, верований в настоящее время дифференцируется в литературе. В частности, в литературе появляются термины «лингвоцид» и «этноцид» [3], как деяния, направленные на уничтожение языковой и этнической идентичности.

На наш взгляд, введение таких терминологических конструкций должно рассматриваться дифференцировано в зависимости от замысла лица осуществляющего преступное посягательство. В том случае, если

уничтожение языковых или этно-культурных достижений направлены на постепенное уничтожение национально-этнической идентичности и, впоследствии, самой этнической группы. Аргументом к такому представлению может быть то, что в рамках современного представления о геноциде в состав данного деяния входит в том числе и насильственная передача на воспитание третьим лицам детей, принадлежащих к отдельным этническим группам. В таком случае переданные дети как бы изымаются из этнической группы, что приводит к ее постепенному уничтожению. Между тем, такое прекращение идентичности мало чем отличается от попыток искоренить языковые и культурные особенности этнической группы и насадить новые культурно-языковые концепты. Так, например, политика руководства Турции, направленная на запрет в районах компактного проживания курдов использования курдского языка, распространения турецкого языка и идентификация курдов, как этнической группы, в качестве так называемых «горных турок» может рассматриваться как деятельность, направленная на геноцид курдов. При этом в том случае, если деятельность государства направлена на уничтожение отдельных языковых и культурных аспектов жизнедеятельности этнической группы, но не сопряжена с попытками полного уничтожения идентичности, такие деяния нельзя считать проявлением геноцида.

Следует отметить, что в международно-правовой и правоприменительной практике термин геноцид нашел свое место не сразу. Так, например, в Уставе Международного военного трибунала учрежденного Лондонским соглашением для привлечения к ответственности и наказания главных военных преступников стран «оси» в Европе (август 1945 г.) еще ничего не говорилось о геноциде. Собственно в приговоре Нюрнбергского трибунала также ничего не было сказано о геноциде, однако признается факт организованного и целенаправленного массового истребления расовых и национальных групп.

Лишь 11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию, заявив: «Геноцид означает отказ в признании права на существование целых человеческих групп подобно тому, как человекоубийство означает отказ в признании права на жизнь отдельных человеческих существ; такой отказ в признании права на существование оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества, которое лишается культурных и прочих ценностей, представляемых этими человеческими группами, и противоречит нравственному закону, духу и целям Объединенных Наций». [4]

Кроме того, следует отметить что именно на данной сессии Генеральной ассамблеи ООН было предложено Экономическому и Социальному Совету ООН заняться необходимым изучением вопроса для составления проекта конвенции по вопросу о преступлениях геноцида, подлежащего представлению на следующей очередной сессии Генеральной Ассамблеи. При этом, в проект резолюции предполагалось включить в качестве группы в отношении которой может быть осуществлен акт геноцида не только этническую группу, но и политические группы (принадлежность к

политическим партиям, или группам по политическому убеждению). Данная позиция была отвергнута и не нашла выражения в конвенциях.

Проект так же предлагал создание международного трибунала по делам о геноциде, который, стал бы «надгосударственным» органом, что в условиях середины XX века было практически невозможным, хотя, возможно и эффективным механизмом противодействия актам геноцида.

В рамках работы над формированием понятия геноцида в конвенции ООН, СССР предлагалось включить в данное понятие меры и действия, направленные против пользования национальным языком, или мероприятия и действия против национальной культуры (национально-культурный геноцид):

1) запрещение или ограничение пользования национальным языком как в общественной, так и в частной жизни; запрещение преподавания в школах на национальных языках;

2) уничтожение или запрещение печатания и распространения книг и иных печатных изданий на национальных языках;

3) уничтожение исторических или религиозных памятников, музеев, документов, библиотек и других памятников и предметов национальной культуры (или религиозного культа)» [5].

Организация объединенных наций приняла достаточно усеченную версию понятия геноцида, при этом значительно расширявший понятий, предложенное Р. Лемкиным. 9 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 260 (III) приняла Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. В ней геноцид был определен как преступление, нарушающее нормы международного права и противоречащее духу и целям Организации Объединенных Наций. С целью избавления человечества от этого преступления Генеральная Ассамблея, не только признала геноцид преступлением («независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время»), но также обязала государства, ее подписавшие, «принимать меры предупреждения и карать за его совершение».

Конвенция (статья II) предложила под геноцидом понимать: «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

При этом, Конвенция (статья III) объявила наказуемыми следующие деяния:

- a) геноцид;
- b) заговор с целью совершения геноцида;

с) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;

d) покушение на совершение геноцида;

e) соучастие в геноциде.

Такой подход позволил достаточно точно идентифицировать действия, направленные против этнических групп и стать основанием в будущем для понимания в качестве геноцида целой совокупности деяний, однако породил многочисленные споры, связанные с толкованием термина «геноцид». Между тем в дальнейшем при разработке проектов ряда важных международных документов использовалась дефиниция преступления геноцида, предложенная именно Конвенцией 1948 г.

Существенное изменение в понимании геноцида произошло лишь в середине 90-х годов XX века, когда в рамках разработки документов Римского Статута были уточнены параметры дефиниции геноцида.

В Римском Статуте Международного уголовного суда (1998 г.) содержится норма (ст. 9) об «элементах преступлений», которые помогают Суду в толковании и применении статьи о геноциде. Элементы преступлений касаются поведения, последствий и обстоятельств, связанных с каждым преступлением.

Согласно документам МУС, речь идет об элементах геноцида «посредством убийства»: 1. Исполнитель убил одно или нескольких лиц. 2. Такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе. 3. Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Согласно разъяснениям МУС, термин «убил» взаимозаменяем с термином «причинил смерть», таким образом под геноцид могут подпадать и деяния имеющие квазиправовой характер. То есть, если геноцид осуществляется даже посредством судебных решений о назначении смертной казни, это не означает, что в данном случае речь идет о законном действии, а не о рассматриваемом преступлении.

Элементы геноцида «посредством причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства» представлялись как: 1. Исполнитель причинил серьезные телесные повреждения или умственное расстройство одному или нескольким лицам. 2. Такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе. 3. Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. 4. Это деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению.

Элементы геноцида «посредством умышленного создания таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение»: 1. Исполнитель создал определенные жизненные условия для одного или нескольких лиц. 2. Такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе. 3. Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью

или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. 4. Жизненные условия были рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение такой группы. Такое поведение, согласно разъяснениям МУС, может включать в себя пытки, изнасилования, сексуальное насилие или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, но не ограничивается ими.

Элементы геноцида «посредством принятия мер, рассчитанных на предотвращение деторождения» представляются как: 1. Исполнитель принял определенные меры в отношении одного или нескольких человек. 2. Такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе. 3. Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. 4. Принятые меры были рассчитаны на предотвращение деторождения в рамках этой группы. 5. Это деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению.

Наконец, элементы геноцида «посредством насильственной передачи детей»: 1. Исполнитель осуществил насильственную передачу одного или нескольких человек. 2. Такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе. 3. Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. 4. Передача была осуществлена из одной человеческой группы в другую.

Таким образом можно констатировать факт, что посредством уточнений, данных Международным уголовным судом было осуществлено постепенное расширение понимания элементов геноцида. С другой стороны, можно констатировать факт направленной на рационализацию правоприменения детализации уже имеющейся совокупности признаков деяния. Очевидно, что основной причиной таких уточнений стала правоприменительная потребность возникшая в ходе рассмотрения актов геноцида на территории Бывшей Югославии, Руанды, ряда иных стран, то есть имел ярко выраженный правоприменительный характер.

Список литературы:

1. Lemkin Raphael. Axis Rule in Occupied Europe. Washington. Carnegie Endowment for International Peace. 1944, 326 p.
2. В ООН отметили 65-ю годовщину Конвенции о предупреждении преступления геноцида//www.un.org/russian/news/ru/print.asp?newsid=20731(последнее посещение – 20.02.2016 г.).
3. Израэль В. Чарни. Подход к более широкому определению геноцида. – М.: Инфра-М, 2001. 115 с.
4. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция 1-й сессии (1946 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ga/1/docs/1res.shtml> (дата обращения: 20.02.2016)
5. Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. Избранные произведения. – М.: Наука, 1969. С. 416.

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНОВ, ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Сидоров Иван Владимирович

магистрант Волгоградского Государственного Университета

RESPONSIBILITY OF LOCAL GOVERNMENT PERSONS IN RUSSIAN FEDERATION, CONTROL AND SUPERVISION OF ITS PRACTICE

Sidorov Ivan

master's student of Volgograd State University

Volgograd

АННОТАЦИЯ

Контроль. Право. Власть. Местное самоуправление. Надзор

ABSTRACT

Control. Law. Power. Local government. Extraordinary appeal.

Ключевые слова: *Прокурорский надзор, судебный контроль.*

Keywords: *procuracy supervision, judicial control.*

Осуществление контроля является важнейшей функцией любой системы власти и управления, в том числе и местного самоуправления. Она позволяет проверять эффективность исполнения законов, нормативных правовых актов, принимаемых решений, проверять состояние дел в различных сферах деятельности, в том числе и стиль работы органов и должностных лиц местного самоуправления.

В настоящее время на всех уровнях часто и верно говорится о праве местного самоуправления на осуществление самостоятельной деятельности. При этом не следует забывать, что местное самоуправление - это один из трех уровней власти, составляющая часть единой системы социального управления в России. Оно может быть результативным только в том случае, если будет функционировать в тесном взаимодействии с федеральными и региональными уровнями власти и управления, пользоваться всемерной государственной поддержкой, но одновременно будет находиться не только под контролем населения, но и под контролем органов государственной власти.

Любая власть не может быть эффективной без контроля. Необходимо отметить, что в настоящее время органы и должностные лица местного самоуправления нередко в условиях отсутствия действенного контроля как сверху, так и снизу, очень часто бесконтрольны, безответственны перед населением и безнаказанны. Предусмотренные Конституцией РФ гарантии свободы местного самоуправления порой рассматриваются как независимость от органов государственной власти, вседозволенность отдельных, чиновников местного уровня, строящих работу не на правовой основе, а исходя из собственных представлений о целесообразности тех или иных действий. Но порядок в стране обусловлен соблюдением законов не только гражданами, но и органами различных уровней власти, неотвратимостью ответственности за их нарушение. В последнее время в СМИ прокатились волна сообщений об отстранении от должности чиновников местных администраций, как не оправдавших доверие избирателей, а также о привлечении к правовой ответственности

сти высокопоставленных лиц органов местного самоуправления, злоупотреблявших своими служебными полномочиями, именно из-за отсутствия должного контроля. Прекратить беззаконие и злоупотребление правом можно, прежде всего на основе хорошо поставленного контроля над исполнением принятых законов и решений. Но ценность контроля состоит не столько в том, чтобы выявить факты беззакония и нарушения прав и законных интересов граждан, сколько в том, чтобы своевременно их предупредить, не дать им возможности осуществиться. Полагаем, что главным объектом контроля должны являться соблюдение законности в деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления как при принятии ими решений, так и при исполнении действующего законодательства и устава муниципального образования. Органы государственной власти должны обеспечивать контроль над тем, чтобы организация и деятельность местного самоуправления осуществлялась на основании закона и в рамках законодательных норм.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что успешное деятельность и развитие местного самоуправления в большой степени зависит от действенности контроля государственных органов за деятельностью его муниципальных органов.

В Российской Федерации, в соответствии со статьей 77, Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 19.06.2004) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (принят ГД ФС РФ 16.09.2003) // "Собрание законодательства РФ", 06.10.2003, N 40, ст. 3822 (далее - Федеральный закон), органы прокуратуры РФ и другие уполномоченные федеральным законом органы, осуществляют надзор за исполнением органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституций (уставов), законов субъектов РФ, уставов муниципальных образований, муниципальных правовых актов.

Федеральным законом от 28.08.1995 N 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» "Собрание законодательства РФ", 28.08.1995, N 35, ст. 3506 (далее по тексту - Закон от 28.08.1995 N 154-ФЗ), определено, что контроль над органами местного самоуправления и его выборными должностными лицами осуществляется органами государственной власти субъектов Федерации. Так, в соответствии с п. «е» ст. 21 Федерального закона от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, N 42, ст. 5005, высший исполнительный орган государственной власти вправе предложить органам местного самоуправления, выборному или должностному лицу местного самоуправления привести в соответствии с законодательством РФ изданные ими правовые акты в случае, если указанные акты противоречат Конституции РФ, федеральным законам и иным нормативным правовым актам РФ, конституции (уставу), законам и иным нормативным правовым актам субъекта Федерации, а также вправе обратиться в суд.

В пункте 3 статьи 49 Закона от 28.08.1995 N 154-ФЗ, предусматривается, что в случае установленных судом нарушений органами местного самоуправления и выборными должностными лицами местного самоуправления Конституции РФ, конституции, устава субъекта РФ, устава муниципального образования, законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта федерации вправе обратиться в суд за прекращением о признании действий органа местного самоуправления, должностного лица местного самоуправления не соответствующими закону. Подобное судебное заключение «является основанием для рассмотрения законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ вопроса о прекращении полномочий соответствующего органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления» и назначении новых выборов согласно законодательству данного субъекта федерации.

Согласно статьи 21 Федерального закона, уполномоченные федеральным законом органы государственной власти, осуществляют контроль за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, а также за использованием предоставленных на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств. В случае выявления нарушений требований законов по вопросам осуществления органами местного самоуправления или должностными лицами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, уполномоченные государственные органы вправе давать письменные предписания по устранению таких нарушений, обязательные для исполнения органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления. В соответствии с ч. 3 ст. 20 Федерального закона, органы местного самоуправления несут ответственность за осуществление отдельных государ-

ственных полномочий в пределах выделенных муниципальным образованиям на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств.

Общий же надзор за соблюдением законности в деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления осуществляется Прокуратурой РФ.

Прокурорский надзор осуществляется от имени Российской Федерации Прокуратурой РФ, и имеет своей целью обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Суть прокурорского надзора в области местного самоуправления состоит в действиях прокуроров по выявлению, пресечению, устранению и предупреждению нарушений законов и уставов муниципальных образований органами и должностными лицами местного самоуправления. Осуществляя указанный надзор, прокуроры не подменяют орган и должностных лиц МС и не вмешиваются в их оперативно-хозяйственную деятельность, т.к. не вправе судить о ее целесообразности, отменять или изменять принимаемые ими решения, приказывать поднадзорным им субъектам. Предметы прокурорского надзора за деятельностью органов и должностных лиц муниципальных образований определены Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» в редакции от 17 ноября 1995г Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 02.01.2000) «О прокуратуре Российской Федерации» // "Российская газета", N 229, 25.11.1995.. Это, во-первых, исполнение ими законов и уставов муниципальных образований, во-вторых, соответствие законам и уставам муниципальных образований издаваемых ими правовых актов, и, в-третьих, соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Практика прокурорского надзора свидетельствует, что правотворческий процесс органов местного самоуправления нередко сопровождается нарушениями применяемых законов, которые часто выражаются в превышении полномочий. В соответствии со ст. 7 Закона о прокуратуре прокурор района (города), его заместители либо по их поручению другие прокурорские работники вправе присутствовать на заседаниях представительных и исполнительных органов муниципальных образований и их комиссий, структурных подразделений. Если усматриваются какие-либо противоречия действующему законодательству, иные недостатки обсуждаемого проекта акта, на это следует обратить внимание представительного органа, главы муниципального образования, назвать конкретный закон, который может быть нарушен, напомнить о вредных последствиях, которые могут наступить, и объяснить, что в случае принятия акта в таком виде на него будет принесен протест, либо направлено в суд заявление о признании его недействительным.

Необходимо отметить, что, принимая незаконные акты, органы местного самоуправления нарушают права и свободы граждан, проживающих или находящихся на территориях соответствующих образований, права и законные интересы юридических лиц. Учитывая это, Генеральный прокурор РФ в отраслевом приказе "Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека

и гражданина" от 22 мая 1996 г. № 30 относит прокурорский надзор за законностью правовых актов органов МС к числу приоритетных направлений надзорной деятельности прокуратуры и нацеливает подчиненных прокуроров на периодические проверки независимо от наличия сведений о нарушении законов. В процессе проверок законности актов в любом представительном и исполнительном органе МС, прокурор обычно выясняет следующие вопросы:

- правомочен ли был проверяемый орган издавать акт по данному вопросу и не входит ли решение этого вопроса в компетенцию другого вышестоящего или нижестоящего представительного или исполнительного органа. Иными словами, не нарушена ли органом его законная компетенция, не вышел ли он за ее пределы.

- не допущено ли в акте нарушение материального права по существу, т.е. не противоречат ли его предписания нормам соответствующего закона - как федерального, так и субъекта РФ;

- не ограничивает ли акт права и свободы граждан, права и законные интересы предприятий, учреждений, организаций и других органов (государственных, негосударственных, предпринимателей и т.п.) и не содержит ли он запреты на разрешаемые законом действия (свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства и др.);

- не устанавливаются ли актом обязанности граждан и юридических лиц, не предусмотренные Конституцией и законами РФ, Конституцией (уставом) и законами субъекта Федерации, а также уставом муниципального образования;

- не содержит ли акт разрешения запрещаемых законом действий;

- нет ли в акте сведений о совершении преступлений и других правонарушений;

- содержат ли акты представительного органа, главы муниципального образования указание на финансовые, материально-технические и организационные средства, необходимые для обеспечения их выполнения;

- не противоречит ли правовой акт ранее принятым тем же органом актам А. Винокуров. Проверки законности правовых актов органов местного самоуправления. // "Законность" № 9, 1998 г.

В случае выявления несоответствия положений правового акта органов местного самоуправления или его должностного лица Конституции РФ, закону либо нарушениям закона в их деятельности, а также несоблюдения ими прав и свобод человека и гражданина прокурор использует предусмотренные законом правовые акты реагирования. Основными формами устранения незаконных решений и действий (бездействия) органов и должностных лиц местного самоуправления являются протесты и представления прокуроров.

Таким образом, особенности осуществления прокурорского надзора и надзорных полномочий позволяют прокуратуре, во-первых, по обращениям заинтересованных лиц и собственной инициативе самостоятельно устранять нарушения закона, прав и свобод граждан, интересов общества и государства во внесудебном, оперативном порядке, освобождая от данной

обязанности суды, а во-вторых, следить за соблюдением законности там, где объективно невозможен судебный контроль.

Судебный контроль осуществляется посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства судами общей юрисдикции при рассмотрении ими уголовных, гражданских и административных дел, а также арбитражными судами при разрешении возникающих в процессе предпринимательской деятельности споров, вытекающих из административных правоотношений. Обнаружив нарушение законности либо существенные недостатки в работе органов и должностных лиц местного самоуправления, суд выносит частное определение. Субъект, которому адресовано частное определение, обязан в месячный срок рассмотреть его и сообщить суду о принятых мерах. Если при рассмотрении гражданского дела, либо заявления на неправомерные действия и решения органов местного самоуправления, нарушающие права и свободы граждан или права и законные интересы юридических лиц, суд обнаружит в действиях должностного лица органа местного самоуправления признаки преступления, он сообщает об этом прокурору (ст. 226 ГПК РФ)

Контроль полномочного представителя Президента РФ. В соответствии с Положением о полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе, утвержденного Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 "Собрание законодательства РФ", 15.05.2000, N 20, ст. 2112, полномочный представитель Президента РФ организует контроль за исполнением решений федеральных органов государственной власти, в том числе и органами местного самоуправления, принимает участие в работе органов местного самоуправления. При организации проверок исполнения федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ он взаимодействует с Главным контрольным управлением Президента РФ и органами прокуратуры. Полномочный представитель вправе запрашивать и получать необходимые материалы от органов местного самоуправления, направлять своих заместителей и сотрудников своего аппарата для участия в работе органов местного самоуправления, при исполнении должностных обязанностей имеет право беспрепятственного доступа в любые организации.

Контроль уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. В соответствии с Федеральным конституционным законом «Об уполномоченном по правам человека в РФ» от 26 февраля 1997г., уполномоченный рассматривает жалобы на решения или действия (бездействие) органов и должностных лиц, если ранее заявитель обжаловал эти решения или действия (бездействия) в судебном, либо административном порядке, но не согласен с решениями, принятыми по его жалобе. Жалоба должна быть подана уполномоченному не позднее истечения года со дня нарушения прав и свобод заявителя или того дня, когда заявителю стало известно об их нарушении. При рассмотрении жалобы уполномоченный обязан предоставить органу местного самоуправления или должностному лицу, чьи решения или действия (бездействие) обжалуются, возможность дать свои объяснения по

любым вопросам, подлежащим выяснению в процессе проверки, а также мотивировать свою позицию в целом.

Уполномоченный обязан направить органу местного самоуправления или должностному лицу, в решениях или действиях (бездействии) которых он усматривает нарушение прав и свобод граждан, свое заключение, содержащее рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления указанных прав и свобод. По результатам рассмотрения жалоб уполномоченный вправе: обратиться в суд с заявлением в защиту прав и свобод, нарушенных решениями или действиями (бездействием) органа местного самоуправления или должностного лица, а также лично либо через своего представителя участвовать в процессе в установленных законом формах; обратиться в компетентные органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного или административного производства либо уголовного дела в отношении должностного лица, в решениях или действиях которого усматриваются нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Существует такая разновидность контроля над органами местного самоуправления как **административный надзор и мониторинг**. **Административный надзор** - представляет собой самостоятельный вид контрольно-надзорной деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти. Для него характерно наличие юрисдикционных полномочий, направленных на возможность оценки деятельности поднадзорных объектов только с точки зрения законности и по достаточно узкому кругу специальных вопросов, содержащихся в нормативных правовых актах (норм, правил, требований, стандартов), возможность самостоятельного применения мер административного принуждения в случаях обнаружения правонарушений или возникновения угрозы другим объектам. Административный надзор осуществляется как специальными федеральными службами, основной деятельностью которых является административный надзор (федеральные службы в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, по надзору в сфере образования и науки; по надзору в сфере экологии и природопользования, по финансовому и бюджетному контролю др.), так и различными инспекциями и надзорами в составе федеральных министерств и служб (пожарный, санитарно-эпидемиологический, геодезический надзор и др.).

Контроль государственных органов за финансово-бюджетной деятельностью ОМС регулируется Бюджетным кодексом РФ, Налоговым кодексом РФ. Так, органы государственной власти РФ и ее субъектов вправе осуществлять контроль за соблюдением органами МС налогового и бюджетного законодательства РФ и законодательства субъектов РФ, за расходованием средств, поступивших в местные бюджеты из федерального и регионального бюджетов, в том числе за эффективным и целевым использованием средств, выделяемых муниципальным образованиям для финансирования федеральных и региональных целевых программ и иных мероприятий. Финансовый контроль, осуществляемый органами исполнительной власти, проводят Федеральная служба финансово-бюджетного

контроля, Федеральное казначейство, финансовые органы субъектов Федерации, главные распорядители бюджетных средств в формах и порядке, установленных Бюджетным кодексом Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами РФ и ее субъектов.

Контроль над соблюдением органами местного самоуправления законодательства о налогах и сборах, а также за соответствием указанному законодательству принятых ими нормативных правовых актов осуществляют налоговые органы. В отношении органов местного самоуправления как налогоплательщиков проводится налоговый контроль в формах и порядке, установленных гл. 14 НК РФ.

Контроль над осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, а также за использованием предоставленных на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств осуществляют органы государственной власти.

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что правовых инструментов для осуществления контроля над деятельностью органов местного самоуправления существует достаточно. Контроль над законностью и эффективностью местного самоуправления осуществляют граждане, общественные объединения, депутаты, органы и должностные лица муниципальных образований, государственные органы, в числе которых федеральные и региональные органы законодательной (представительной) и исполнительной власти, государственные инспекции и надзоры, прокуратура, суды. Таким образом, контроль может и должен осуществляться «сверху», «снизу» и «по горизонтали». Цель контроля состоит в том, чтобы не только выявить недостатки, но и, главное, предотвратить и исправить их. Задачами контроля являются выработка и принятие мер, направленных на корректировку политики, планов и программ деятельности в целях преодоления негативных и поддержки позитивных тенденций; предупреждение и пресечение правонарушений, а в определенных случаях и привлечение к ответственности виновных лиц в соответствии с действующим законодательством.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // "Российская газета" - 1993 - № 237 - 25 дек.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 23.12.2003) // "Собрание законодательства РФ", 29.01.1996, N 5, ст. 410,
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 09.05.2004) // "Российская газета", N 256, 31.12.2001,
5. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 02.01.2000) «О прокуратуре Российской Федерации» // "Российская газета", N 229, 25.11.1995.
6. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 19.06.2004) "Об общих принципах организа-

ции местного самоуправления в Российской Федерации" (принят ГД ФС РФ 16.09.2003) // "Собрание законодательства РФ", 06.10.2003, N 40, ст. 3822.

ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКИЙ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, ГОРОД И ПОСЕЛОК: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Упоров Иван Владимирович

*Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор
Краснодарский университет МВД России
г. Краснодар*

URBAN AND RURAL SETTLEMENTS, CITY AND VILLAGE: CRITERIA FOR DISTINGUISHING IN MUNICIPAL LAW RELATIONS

Uporov Ivan

Doctor of Historical Sciences, PhD, professor

Krasnodar University of the MOI of Russia

Krasnodar city

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос о критериях, отграничивающих сельские и городские населенные пункты, а также поселки и города, применительно к муниципально-правовым отношениям. Отмечается, что данный аспект не находит отражения в действующем федеральном муниципальном законе, а в доктринальном плане и правовых актах субъектов РФ и муниципальных образований разброс довольно большой. Учитывая, что эта сфера была предметом правового регулирования на федеральном уровне более тридцати лет назад, когда отсутствовал институт местного самоуправления в современном его понимании, и соответственно не было понятия муниципального образования, доказывается необходимость законодательного закрепления рассматриваемых критериев, обосновываются авторские предложения.

ABSTRACT

The article discusses the issue of criteria for restricting rural and urban settlements, as well as towns and cities, with respect to municipal legal relations. It is noted that this aspect is not reflected in the existing federal municipal law, and in terms of doctrinal and legal acts of the RF subjects and municipalities spread fairly large. Given that this area has been the subject of legal regulation at the federal level over thirty years ago, when there was no institution of local government in its modern sense, and, accordingly, there was no concept of the municipality, proved the need for legislative consolidation of the criteria considered, justified the author's suggestions.

Ключевые слова: *город, городской населенный пункт, сельский населенный пункт, поселок, городское поселение, городской округ, критерий.*

Keywords: *city, urban areas, rural town, village, urban village, urban district, the criterion.*

В муниципально-правовых отношениях, связанных с территориальной организацией местного самоуправления, уже длительное время остается неотрегулированным вопрос о разделении городских населенных пунктов и сельских населенных пунктов, учитывая, что в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131 от 6 октября 2003 г. (далее ФЗ-131) [1] в этом также нет четкости, когда, например, используется термин «сельский населенный пункт» при отсутствии термина «городской населенный пункт», но при этом из дефиниции «городское поселение» (абз. 2 ч. 1 ст. 2 ФЗ-131) со всей очевидностью следует, что речь идет о городском населенном пункте. В ФЗ-131 термин «поселок» может означать как сельский населенный пункт, так и городской населенный пункт, но не всегда это очевидно в нормах данного закона.

При этом в различных регионах этот вопрос регулируется по-своему. Так, В.И. Васильев, описывая эту ситуацию, отмечает, в частности, что в ряде субъектов РФ есть нормы о том, что городское население должно, преимущественно, состоять из служащих, ра-

бочих и членов их семей. Кое-где эта норма распространена также на рабочие поселки. В одних субъектах РФ к городам районного значения относят города с населением не менее чем 15 тысяч человек, тогда как в других – не более 12 тысяч человек. В одних субъектах РФ поселки классифицируются на рабочие, дачные, курортные и т.д., а в других этого нет. К сельским населенным пунктам, как правило, относятся заселенные территории, не отнесенные к городским населенным пунктам, при этом отличие сельского населенного пункта от городского поселка нормативно не определяется. Так, в Свердловской области за относительно короткое время переменяли формулировку городского населенного пункта. Сначала таковым формулировался населенный пункт, где преобладающей категорией являлись жители, которые были заняты в промышленности, торговле, управлении в сфере финансов и услуг, науке, а позже городским населенным пунктом было сочтено нужным считать такой населенный пункт, где имеется сложившаяся социальная и экономическая инфраструктура [2, с. 13].

Как правило, в законах субъектах РФ сельскими населенными пунктами признаются те, которые не соответствуют критериям, присущим городским населенным пунктам. Развивая эту тему, заметим, что характерная черта городского населенного пункта заключается в том, что большинство его жителей проживают в многоквартирных домах, и данное обстоятельство позволяет профессору Р.А. Ромашову выделить еще один фактор, отличающий город от сельской местности, а именно отсутствие в городе для большинства жителей личного знакомства [3, с. 55]. Конечно, этот фактор нельзя отнести к юридическим критериям, но он помогает лучше охарактеризовать особенности городских и сельских населенных пунктов.

Что касается сугубо юридического аспекта, то нужно заметить, что ранее (1982 г.) в Указе ПВС РСФСР [4] устанавливалось, в частности, что населенные пункты, находящиеся на территории РСФСР, делились на городские населенные пункты и сельские населенные пункты. К первым относились города республиканского, краевого, областного, окружного и районного подчинения, а также рабочие, курортные и дачные поселки; к сельским - все остальные населенные пункты. С тех пор прошло более 30 лет. Однако пока аналогичного федерального закона не издано, хотя потребность в нем очевидная, в частности, А.Н. Максимов предлагает разработать и принять Федеральный закон «Об общих принципах территориального деления Российской Федерации» [5, с. 33-40]. Мы поддерживаем это предложение, однако реальность такова, что разработка закона потребует несколько лет, и то при условии, что если работа на нем начнется сейчас. Но пока этого нет, и поэтому мы полагаем возможным вносить необходимые изменения в ФЗ-131. В этом контексте мы полагаем закрепить в данном законе следующие понятия: городской населенный пункт - населенный пункт (город, поселок), где жители проживают преимущественно в многоквартирных домах, в сфере трудовой занятости преобладают промышленный труд, торговля, услуги; сельский населенный пункт - населенный пункт (село, станица, деревня, кишлак, аул, хутор), где жители проживают преимущественно в индивидуальных жилых домах, в сфере трудовой занятости преобладают сельскохозяйственный труд.

Итак, город является городским населенным пунктом. Однако этого недостаточно для того, чтобы показать его сущность и отграничить от поселка, который также является городским населенным пунктом. В литературе город характеризуется различным образом. Так, Л.А. Велихов таковым называл социальную систему, представляющую собой совокупность людей, объединенных производственным, распределительным и потребительным моментом, причем в самом широком смысле этого слова [6, с. 80]. Этот же автор справедливо отмечал, что город не может управляться так же, как село, поскольку у горожан совершенно другие интересы, чем у сельчан, а точнее, торговли и промыслы, в то время как на селе главным является земледелие» [6, с. 213]. В более поздних источниках город определяется как населенный пункт, в котором большинство жителей не занимаются сельским хозяйством [7, с.92]. Как отмечает В.П. Балезин, городами являются наиболее крупные населенные пункты, жители

которых заняты главным образом в промышленности, в сфере обслуживания, управления, науки, культуры. Для городов также характерны плотность заселения и компактность застройки [8, с. 13]. Как видно, в указанных определениях акцент делается на производственно-экономический аспект, характер трудовой деятельности.

По мнению В.В. Белозерова, город представляет собой исторически образованную территорию на базе социально-демографических, экономических, градостроительных и иных особенностей [9, с. 6]. Здесь, на наш взгляд, специфика города как населенного пункта не выделяется, и с этим определением трудно согласиться. По мнению В.В. Таболина [10, с. 93], который исследовал крупные города-мегаполисы, следует выделить следующие признаки города в муниципальном контексте: значительную численность и концентрацию жителей; значительную площадь территории города; наличие тенденций к развитию города; развитую инфраструктуру городского хозяйства; наличие правовой системы города; стимулирующие экономические условия; активную социально-культурную среду.

С таким подходом в целом можно согласиться, однако собственно дефиниция этим автором не приводится. Кроме того, вряд можно согласиться с таким признаком, как наличие тенденций к развитию – а если таких тенденций нет, значит ли это, что населенный пункт не может считаться городом? Кроме того, в указанных определениях, на наш взгляд, не хватает муниципально-правовой составляющей. Помимо доктринальных понятий, отдельные аспекты определения города содержатся также в ряде правовых актов и, прежде всего, в уставах городских округов. Так, устав г. Ростова-на-Дону (ст. 1) определяет понятие города как муниципального образования, в пределах которого осуществляется местное (городское) самоуправление и как государственно-политического центра области [11]. Однако это чисто формальное определение, в нем отсутствует социально-территориальная составляющая. Формальным представляется и указание в законе Алтайского края [12] на то, что, например, под городами республиканского (краевого, областного, окружного) значения (подчинения) понимаются административно-территориальные единицы, не входящие в состав территории района, здесь также нет социально-территориальной составляющей.

Мы полагаем, что город от поселка отличает прежде всего социальная значимость этого населенного пункта как для жителей самого этого населенного пункта, так и для жителей смежных территориальных образований и в целом для субъекта Российской Федерации. А это означает наличие также современной инфраструктуры, (медицинские и учебные заведения, банки, объекты культуры, общественный транспорт и др.).

Далее, имеет определенное значение численность населения городского населенного пункта. Представляется, что следует сохранить закрепленный в Указе ПВС РСФСР 1982 г. рубеж по этому признаку, отграничивающий город (районного значения) от поселка, а именно в городе должно быть более 12 тысяч жителей. Мы не выясняли вопрос о том, почему именно такая цифра была определена, но можно, во

всяком случае, предположить, что для этого были необходимые основания, учитывая, что в то время подобного рода управленческим решениям предшествовали основательные проработки. Но этого еще недостаточно. Как полагает Е.Н. Перцик, одним из критериев города является наличие структур, исполняющих административные функции [13, с. 48]. В развитие этого тезиса мы отметим, что в городе, в отличие от поселка, должны располагаться органы публичной власти общей компетенции, и прежде всего органы местного самоуправления городского поселения, то есть исходя из смысла ФЗ-131, город по определению является муниципальным образованием (городским поселением, которое, в свою очередь, может иметь статус городского округа) и, следовательно, на его территории формируются органы публичной власти (органы местного самоуправления) общей компетенции, функционирующие в границах данной территории.

Обобщая изложенное, мы полагаем, что под городом в муниципально-правовом смысле применительно к России следует понимать городской населенный пункт с современной инфраструктурой, (медицинские и учебные заведения, банки, объекты культуры, общественный транспорт и др.), являющийся муниципальным образованием (городским поселением) с численностью постоянных жителей как правило более 12 тысяч человек.

Соответственно поселком является городской населенный пункт, не отнесенный к городу. Далее, города могут быть разного масштаба – от районного значения до города-мегаполиса (более миллиона жителей) [10, с. 95]. Мегаполисы в силу, прежде всего, огромной численности населения и вытекающих из этого проблем могут приобретать особый статус, в частности, в федеративных государствах некоторые мегаполисы совмещают полномочия субъектов федерации и одновременно местного самоуправления (например, Москва, Санкт-Петербург, Берлин, Бремен, Вена и др.). В Индии наиболее крупные города (Агра, Бомбей, Калькутта, Канпур, Мадрас и др.) имеют статус муниципальной корпорации. Во многих государствах крупные города делятся на районы (округа), где создаются и действуют свои советы. В таких городах организуется обычно два уровня управления, а именно, общегородской и районный (Торонто, Париж, Брюссель и др.). Так, Париж разделен на 20 округов, при этом округа имеют «специальные сметы округа», что дает им некоторую автономию. Городов-мегаполисов в Российской Федерации в настоящее время тринадцать, и в них проживает значительная часть населения страны (почти одна треть). И есть основания выделить их в особый ряд и полагать городскими агломерациями, о которых речь пойдет ниже.

Столь подробное последовательное изложение и обоснование указанных выше категорий необходимо для того, чтобы показать территориальную и социально-правовую основу города как муниципального образования в виде городского поселения (городского округа), которая, на наш взгляд, должна иметь законодательное закрепление. Итак, территориальной основой городского поселения (городского округа) является территория города. Помимо этой территории в состав городского поселения (городского округа) могут

включаться в соответствии с генеральным планом территории, предназначенные для развития его социальной, транспортной и иной инфраструктуры города, включая территории поселков и сельских населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями (п. 5 ч. 1 ст. 11 ФЗ-131).

Социально-правовой основой городского поселения (городского округа) являются расположенные в городе органы местного самоуправления, а также наличие инфраструктуры, обеспечивающей уровень жизни в городе, соответствующий современным требованиям. Последний критерий очень важный – мы полагаем, что именно он является главным в отграничении поселка-городского поселения, города-городского поселения и города-городского округа. Исходя из этого, представляется, что статусом городского округа может быть наделен городской населенный пункт в виде города, но не может быть наделен городской населенный пункт в виде поселка. Дело в том, что согласно абз. 5 ч. 1 ст. 2 ФЗ-131 городской округ – это такое городское поселение, которое не входит в состав муниципального района и органы местного самоуправления которого осуществляют полномочия по решению установленных в ФЗ-131 вопросов местного значения поселения и вопросов местного значения муниципального района, а также могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов РФ. Совершенно очевидно, что в российских реалиях ни один поселок не может иметь потенциала, равного муниципальному району, соответственно поселок не может наделяться статусом городского округа. В этой связи законодательное положение, допускающее наделение поселка статусом городского округа, представляется некорректным – речь идет, в частности, о нормативном положении п. 10 ч. 1 ст. 11 ФЗ-131, согласно которому административным центром муниципального района может считаться город (поселок), имеющий статус городского округа и расположенный в границах муниципального района (ниже мы вернемся к этой формулировке, но по другой причине, связанной с тем, что, на наш взгляд, городской округ в силу своего статуса не может быть административным центром муниципального района).

Кроме того, город-городское поселение также не может быть наделен статусом городского округа, если в нем отсутствует соответствующая инфраструктура (предприятия, вузы, современные медицинские учреждения, банки и другие финансовые учреждения, учреждения культуры, спортивные сооружения и т.д.); разумеется, здесь не может быть конкретных общероссийских критериев, и их определение должно входить в компетенции субъектов РФ.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2015) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения – 25. 01. 2016 г.).

2. Васильев В.И. Административно-территориальное устройство региона и территориальное устройство местного самоуправления // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 13.

3. Ромашов Р.А. Феномен города в социокультурном и политико-правовом измерении // Журнал российского права. 2009. N 11. С. 55.
4. Указ ПВС РСФСР от 17.08.1982 г. «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1982. № 34. Ст. 1271.
5. Максимов А.Н. Проблемы правового регулирования административно-территориального устройства и территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. N 14. С. 34 - 40.
6. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. В 2-х частях. СПб.-М., 1928. С.80.
7. Основин В.С. Городской совет - орган социального управления. М.: Юридическая литература, 1983; Хорев Б.С. Городские поселения в СССР (проблемы роста и их изучения). М., 1968. С. 92.
8. Балезин В.П. Правовой режим земель населенных пунктов. М.: Юрид. лит., 1980. С. 13.
9. Белозеров В.В. Особенности правового статуса городского поселения в системе муниципально-правовых отношений в Российской Федерации (на примере Московской области). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 6.
10. Таболин В.В. Организационно-правовые основы деятельности органов местного самоуправления в крупных городах (урбанизированных регионах). Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 93.
11. Устав города Ростова-на-Дону (в ред. 11.04.2005 г.) // Официальный сайт городского округа города Ростов-на-Дону.
12. Закон Алтайского края от 01.03. 2008 г. N 28-ЗС (в ред. от 8 апреля 2013 г.) «Об административно-территориальном устройстве Алтайского края» // Сборник законодательства Алтайского края. 2008. N 143 (ч. 1).
13. Перцик Е.Н. Города мира: география мировой урбанизации: Учебное пособие. М.: Международные отношения, 1999. С. 48.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

СПОСОБЫ ПОЛУЧЕНИЯ ДОСТОВЕРНЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ПРОГНОЗОВ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Агамиров Карэн Владимирович
Кандидат юридических наук, доцент
Сетевое СМИ «Политика и право с
Карэном Агамировым», учредитель
г. Москва

WAYS OF OBTAINING AUTHENTIC AND QUALITATIVE FORECASTS OF IMPROVEMENT OF LEGAL SYSTEM

Agamirov Karen

Candidate of Science, assistant professor

Founder network mass media

«Policy and the right with Karen Agamirov», Moscow

АННОТАЦИЯ

При применении методов юридического прогнозирования надо всегда иметь в виду причинную связь и взаимозависимость отдельных сторон правовой материи с правовой системой в целом. Это ничуть не умаляет значения частных методов прогнозирования развития отдельных сторон правовых явлений. Наоборот, имея подобные прогнозы, в итоге как раз на этой основе и составляется прогноз развития всей правовой системы как взаимосвязанная комбинация отдельных прогнозов. Значение методов юридического прогнозирования трудно переоценить. Можно располагать содержательной и качественной прогнозной информацией и при этом не знать, как ее использовать для составления прогноза.

ABSTRACT

At application of methods of legal forecasting it is always necessary to mean a causal relationship and interdependence of the separate parties of a legal matter with legal system in general. It doesn't belittle value of private methods of forecasting of development of the separate parties of the legal phenomena at all. On the contrary, having similar forecasts, as a result just on this basis the forecast of development of all legal system as the interconnected combination of separate forecasts is also formed. It is difficult to overestimate value of methods of legal forecasting. It is possible to have substantial and qualitative expected information and thus not to know how to use it for drawing up the forecast.

Ключевые слова: методика прогнозирования в праве, методы юридического прогнозирования, предпрогнозная ориентация, продолжение текущих условий, ведущие ряды, модель отношений, доминирующие влияния, экономические модели, обзоры планов будущих действий, намечаемых производителями и потребителями продукции, казуальные методы предсказания, контент-анализ, очные и заочные опросы экспертов, метод Дельфи, метод «мозговой атаки», экстраполяционный метод.

Keywords: forecasting technique in the right, methods of legal forecasting, preexpected orientation, continuation of the current conditions, the leading ranks, model of the relations, the dominating influences, economic models, reviews of the plans of future actions which are drawn up by producers and consumers of production, casual methods of a prediction, the content analysis, internal and correspondence polls of experts, a method of Delfi, a method of "brainstorming", an extrapolation method.

Методика прогнозирования в праве предполагает наличие и разумное использование конкретных методов юридического прогнозирования. Значение методов юридического прогнозирования трудно переоценить. Можно располагать содержательной и качественной прогнозной информацией и при этом не знать, как ее использовать для составления прогноза.

Специалисты насчитывают порядка ста пятидесяти методов прогнозирования. Не все из них активно используются, многие не подходят для целей юридического прогнозирования. Задача состоит в том, чтобы определить наиболее приемлемые для специфических задач юридического прогнозирования методы, которые можно было бы активно применять как при исследовании стратегии развития законодательства в целом, так и при прогнозировании в отраслях права и правового поведения.

Проблема методики прогнозирования давно и активно разрабатывается зарубежными футурологами

[1]. Особый интерес представляет работа А. Абрамсона «Методы предсказания» [2, с. 40-77], в которой он анализирует около пятнадцати методов прогнозирования при исследовании экономического развития (в их числе продолжение текущих условий, ведущие ряды, модель отношений, доминирующие влияния, экономические модели и пр.) и распределяет их по четырем основным группам.

Первая группа - механические приемы: прямое проецирование текущей ситуации в будущее (продолжение текущих условий); «ведущие ряды», т. е. ориентир на прошлый опыт, показывающий, что изменение определенных статистических рядов-«лидеров» ведет к поворотным пунктам.

Вторая группа - обзоры планов будущих действий, намечаемых производителями и потребителями продукции.

Третья группа - суждения экспертов, мнения бизнесменов в отношении будущих законов и пр.

Четвертая группа - казуальные методы предсказания.

При этом сам Абрамсон вынужден признать неудовлетворительность многих используемых методов [3, с. 46, 64].

Критики подобного подхода утверждают, что социологи, разбирающие и оценивающие опыт прогнозирования в отдельных сферах жизни, руководствуются утилитаристским подходом, исследователи прикладных ориентаций вынуждены заниматься не «проблемами экстраполяции», а «принципами каузальности» [4, с. 133-139]. Поэтому анализ эмпирического материала, полученного в итоге узкоспециальных прогнозов и являющегося нередко весьма ценным, не имеет своим логическим завершением исследование серьезных проблем раскрытия причин юридических явлений [5, с. 139]. Принцип системности в правовом прогнозировании должен быть выдержан в течение всего процесса прогнозирования - от его начала и до конца [6, с. 62-63].

Это означает, что необходимо применять не один-два, а систему методов прогнозирования. Кроме того, принцип системности имеет и другую важную сторону. Он предполагает совокупность прогностических средств, где за основу берется, помимо поведения отдельных факторов и элементов, поведение и структура системы в целом. Подобный подход предоставляет возможность разработать с высокой степенью надежности системный метод прогноза комплексных процессов, на которые оказывает воздействие практически множество факторов [7, с. 368].

Таким образом, при применении методов юридического прогнозирования надо всегда иметь в виду причинную связь и взаимозависимость отдельных сторон правовой материи с правовой системой в целом. Это ничуть не умаляет значения частных методов прогнозирования развития отдельных сторон правовых явлений. Наоборот, имея подобные прогнозы, в итоге как раз на этой основе и составляется прогноз развития всей правовой системы как взаимосвязанная комбинация отдельных прогнозов. В литературе в качестве существенного элемента предпрогнозной ориентации выделяется выбор методов прогнозирования, адекватных объекту, предмету, проблеме, цели, задачам, гипотезам, основанию и упреждению [8, с. 54].

Многими авторами справедливо подчеркивается, что несмотря на наличие значительного количества методов прогнозирования, активно применяются лишь около десяти методов [9, с. 64-65].

Специфика методики юридического прогнозирования

В юридическом прогнозировании могут быть применены следующие методы.

- Контент-анализ (или изучение текстов специальной литературы).

- Опные и заочные опросы экспертов. Подобные экспертные оценки выражают мнение специалистов-экспертов относительно перспектив развития той или иной стороны правовой материи и имеют своей основой профессиональный опыт и интуицию экспертов.

- К методу Дельфи (индивидуальный опрос экспертов) прибегают, когда хотят выработать сближен-

ное мнение группы экспертов. Первоначально составляется программа в виде вопросников, анкет для постановки вопросов отдельным участникам. Затем анкеты статистически обрабатываются, определяются аргументы в пользу тех или иных оценок (суждений). После этого всех участников информируют о вариантах ответов. Они соотносят ответы, несовпадающие с их ответами, и пересматривают, если считают нужным, свои оценки после знакомства с мнением других участников. Эта процедура может повторяться несколько раз. В итоге сфера суждений сужается.

- Метод «мозговой атаки» (коллективные экспертные оценки) предполагает совместное действие группы экспертов при свободном обмене мнениями под руководством компетентного «генератора», следящего за соблюдением правил и побуждающего дискусию. Правила «мозговой атаки» следующие: конкретизировать внимание только на одной конкретно очерченной проблеме; обращать критическое внимание на все идеи вне зависимости от их попадания и нужности; не ограничивать и не отбрасывать ни одной идеи [10, с. 33].

- Экстраполяционный метод - метод качественной и количественной экстраполяции тенденций развития. Его иногда еще называют прямым методом в прогностике. Он предполагает перенос, как правило, количественного опыта прошлого на будущее и основан на определении цели, проблемы, переменных и входных (будущих) прогноза; выборе типа экстраполирующей функции; подгонке (приспособлении) данных к выбранному типу функции и определении ее постоянных параметров; определении критериев подгонки данных; нахождении области ошибок достоверности.

Всякий прогноз по существу всегда начинается с экстраполяции и всегда завершается прогностической моделью [11, с. 83].

- Метод сравнительного правоведения - решение той или иной правовой проблемы в других правовых системах.

- Опрос населения, анализ тенденций развития правосознания в той или иной правовой сфере.

- Метод аналогии - решение той или иной правовой проблемы в прошлой истории развития российского права.

- Метод анализа плановой и прогнозной информации с целью определить круг экономических и социальных проблем, требующих в будущем организационно-правового обеспечения.

- Метод выявления объективных потребностей в правовом регулировании с целью определения пробелов в нем.

- Моделирование, в частности прогнозные модели законодательных актов. В структуру модели могут быть включены следующие основные блоки: концепция данного акта (наиболее существенные черты соответствующего аспекта общественных отношений и самого нормативного акта с учетом достижений юридических и других наук в данной сфере); определенные разделы нормативного акта с указанием на социальные и юридические цели последнего, юридические и неюридические средства, призванные обеспечить достижение поставленных в законе целей и задач [12, с.

356-357]. Метод моделирования в качестве важнейшего инструмента обеспечения эффективности правовых норм и правомерного поведения получил освещение в литературе [13]. В одной из работ в этой области - исследовании В.А. Леванского [14] в системном виде рассмотрены теоретические и практические проблемы моделирования в правовой сфере, имеющие прямое отношение к юридическому прогнозированию и его основным уровням - прогнозированию стратегии развития законодательства (в данной работе простые статистические модели показывают влияние социальных факторов на законодательную деятельность), прогнозированию в отраслевом законодательстве (автор применяет простые динамические модели в отношении эффективности, например, хозяйственного законодательства), прогнозированию правового поведения (В.А. Леванский рассматривает сложные модели правового поведения индивидов методами распознавания образов).

В исследовании коллектива авторов ВНИИСЗ подчеркивается значимость таких методов прогнозирования эффективности действия норм права, как формально-логические методы толкования права для уяснения воли законодателя, выраженной в нормативном акте, а также для уяснения связей и зависимостей правовых норм с другими нормами и иными элементами системы права, анкетирование, интервьюирование, наблюдение, социально-психологические методы для изучения конкретно-исторических условий функционирования исследуемых норм права, выявления общественного мнения об этих нормах, правовой психологии и правосознания граждан, должностных лиц и иных субъектов права. В данной работе подробно рассматриваются эксперимент как метод прогнозирования эффективности законодательства и математико-статистические методы для прогнозирования эффективности правовых норм [15, с. 7, 143-165, 166-223].

Справедливо подчеркивается, что определение системы методов прогнозирования требует своей дальнейшей доработки, в частности, необходимо осуществить модификацию специальных методов прогнозирования применительно к специфике объекта исследования, обеспечить органическое сочетание методов прогнозирования с методами изучения эффективности действия норм права [16, с. 9].

Чем же определено применение того или иного метода?

Прав В.А. Чабровский, когда предлагает выразить метод прогнозирования функционалом $M = \text{искомый метод} = F \{Ц, З, О, В, М, \dots\}$, где в скобках обозначены соответственно: цель прогноза; задачи прогноза; области науки и техники; возможности разработчика; массив информации и т. д. - т. е. то, что предопределяет использование того или иного метода [17, с. 64-65].

В зависимости от методов, применяемых при юридическом прогнозировании, можно выделить следующие типы юридических прогнозов:

а) полученные общенаучными методами: по аналогии, дедуктивные, индуктивные и пр.;

б) полученные интернаучными методами: экстраполяционные и интерполяционные, прогнозы по моделям, на основе экспертных оценок и т. д.;

в) полученные специально-научными методами: по индексам, по патентам и т.п.

Литература:

1. Так, в США были опубликованы следующие работы: F. Newbury. *Business Forecasting*. New York, 1952; *Business and Economic Forecasting*. Washington, 1954; M. Spencer, C. Clark, P. Hoquet. *Business and Economic Forecasting*. Homewood (Illinois), 1961; *Studies in Long-term Economic Projections for World Economy*. New York, 1964. См. также Law and the American future. Ed. by Schwartz M.L.; Law in a changing America. Ed. by Hazard G.C., Dentsch S.G. Law, capitalism and the future. - Univ. of Florida Law Review, winter 1976; Gibson G.D. Law in the coming years. - Wash and Lee Law Review, Fall. 1974.

2. Adolph G. Abramson. *Techniques of Forecasting*, in *Business Forecasting in Practice*, New York, J. Wiley & Sons, 1956. P. 40-77; См. также C.A. Danten, L.M. Vultine. *Business Cycles and Forecasting*. New York, Chicago, 1968. Chapter 17.

3. *Business Forecasting in Practice*, p. 46, 64.

4. Галкина Н.А. Критический анализ современной теории права США. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С.133-139.

5. Галкина Н.А. Критический анализ современной теории права США. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 139.

6. Синюк А.И. Методологические аспекты прогнозирования сложно-динамических систем // Проблемы социального прогнозирования. Красноярск, 1975. Вып. 1. С. 62-63.

7. Бауэр А., Эйхгорн В., Кребер Г. и др. Философия и прогностика / Пер. с нем. К.Ф. Старцева и Г.В. Колшанского. М., 1971. С. 368.

8. Бестужев-Лада И.В. Некоторые вопросы методологии и методики выбора актуальной тематики прогнозных разработок // Методологические аспекты социального прогнозирования. Красноярск, 1981. Вып. 6. С. 54.

9. Чабровский В.А. О возможном пути поиска метода прогнозирования, адекватного объекту // Методологические аспекты социального прогнозирования. Красноярск, 1981. Вып. 6. С. 64-65.

10. Polska 2000. 1/1971. С.33.

11. Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее. М., 1970. С. 83.

12. Рабочая книга по прогнозированию / Отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М., 1982. С. 356-357.

13. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978; Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982; Ратинов А.Р. Методологические вопросы психологического изучения личности преступника // Психологическое изучение личности преступника. М., 1976. С. 5-22; Долгова А.И. Методика криминологического изучения личности несовершеннолетнего преступника. М., 1977. С. 3-99; Гаврилов О.А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М., 1980.

14. Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986.

15. Глазырин В.В., Лапаева В.В., Морщакова Т.Г. и др. *Методология и методика прогнозирования эффективности действия правовых норм*. М., депонирована в ИНИОН АН СССР, № 25756, 1986. С.7, 143-165, 166-223.

16. Глазырин В.В., Лапаева В.В., Морщакова Т.Г. и др. *Методология и методика прогнозирования*

эффективности действия правовых норм. М., депонирована в ИНИОН АН СССР, № 25756, 1986. С. 9.

17. Чабровский В.А. О возможном пути поиска метода прогнозирования, адекватного объекту // *Методологические аспекты социального прогнозирования*. Красноярск, 1981. Вып. 6. С. 64-65.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Паращевина Елена Анатольевна,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Крымский юридический институт (филиал)

Академии Генеральной прокуратуры, кандидат юридических наук

г. Симферополь

Титаренко Анатолий Валерьевич,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Крымский юридический институт (филиал)

Академии Генеральной прокуратуры кандидат политологических наук

г. Симферополь

TO THE QUESTION OF THE DEFINITION OF SUBJECTS OF COORDINATION ACTIVITIES

Paraschevina E.A.,

associate Professor of the Department of state and legal disciplines

Crimean juridical Institute (branch)

The Academy of the General Prosecutor's office,

candidate legal Sciences

Simferopol

Titarenko A.V.,

associate Professor of the Department of state and legal disciplines

Crimean juridical Institute (branch)

The Academy of the General Prosecutor's office

the candidate of political Sciences

Simferopol

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены проблемы определения субъектов координационной деятельности. Анализируя законодательство, регулирующее вопросы координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день отсутствует какой-либо исчерпывающий перечень правоохранительных органов, которые являются участниками координационной деятельности по борьбе с преступностью. Исходя из проведенного анализа, представляется возможным говорить только об одной группе участников координационной деятельности, а именно о правоохранительных органах, т.е. органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознание, предварительное следствие.

ABSTRACT

In this paper the problem of determination of subjects of coordination activities. Analyzing the legislation regulating the coordination of activity of law enforcement bodies in fighting crime, leads to the conclusion that to date there is no comprehensive list of law enforcement agencies, are coordinating activities to combat crime. Based on the analysis, it is possible to talk only about one group of participants in coordination activities, namely law enforcement bodies, ie bodies which carry out operational-search activity, inquiry, pre-trial investigation.

Ключевые слова: *Законодательство; правоохранительная деятельность; правоохранительные органы; координационная деятельность; субъект координационной деятельности.*

Keywords: *Legislation; law enforcement; law enforcement agencies; coordination activities; the subject of coordination activities.*

Анализ действующего законодательства, регулирующего вопросы координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день отсутствует какой-либо исчерпывающий перечень правоохранительных органов, которые являются участниками координационной деятельности по борьбе с преступностью.

В частности, проблема заключается в том, что непонятными являются критерии отнесения тех или иных органов к правоохранительным. Так, пунктом 1.3 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» прокурорам предписывается координировать работу органов, осуществляющих

оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Несколько иным образом решается вопрос в доктрине, в частности, указывается, что: «становится общепринятым в теории и на практике отнесение к числу участников этой деятельности тех государственных органов, которые наделены правом осуществления хотя бы одной из следующих функций: дознания, предварительного следствия, ОРД, прокурорского надзора, исполнения уголовных наказаний, охраны общественного порядка».

Отсутствие единого подхода к вопросу определения четкого перечня правоохранительных органов в известной степени затрудняет работу по осуществлению координационной деятельности, к примеру, в части определения состава членов координационных совещаний по борьбе с преступностью.

По нашему мнению, к правоохранительным органам в понимании ст. 8 Федерального закона №2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 (далее – Федеральный закон), а так же п.7 «Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 (далее – Положение) следует относить только те органы, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, дознание, предварительное следствие. Именно данные органы, во-первых, обладают обширной и объективной информацией о состоянии преступности, их раскрываемости, а также качестве расследования, результатов поддержания прокурором государственного обвинения и т.д. а, во-вторых, именно данные органы имеют реальные полномочия, с помощью которых они могут самым непосредственным образом влиять на ход расследования конкретных преступлений. Последнее, что необходимо отметить, это то, что именно данные участники могут быть членами координационных совещаний, как одной из форм координационной деятельности. Иные участники могут присутствовать на соответствующих совещаниях и на них не распространяются права, предусмотренные пунктом 10 Положения.

Следовательно, что касается всех иных органов, к примеру, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их подразделений, в том числе различных контрольно-надзорных органов, органов местного самоуправления, органов военного управления, а так же судов и судей, в силу их особого правового статуса, то они не являются правоохранительными применительно к вопросам координации. Однако, следует сказать, что данный факт не в коей мере не умаляет значения данных органов в защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина и с этой целью, применительно к координации, представляется возможным условно обозначить их как органы, которые осуществляют охрану прав в качестве непрофильной, дополнительной функции.

Также, в соответствии с пунктом 7 Постановления на координационные совещания могут быть также приглашены руководители общественных объединений, научные и педагогические работники, представители средств массовой информации. Согласованное решение об их участии принимается членами координационного совещания. Важным замечанием в данном случае является тот факт, что правовой статус указанных субъектов в процессе координации отличен от правового статуса правоохранительных органов как участников координационной деятельности. Данные субъекты могут быть, как привлечены, так и не привлечены к координационной деятельности, их участие носит периодический характер и не является обязательным, в том числе они не обладают правами и на них не распространяются обязанности участников, предусмотренными соответствующим Положением. Такое положение вещей вполне соответствует высказанному С.Г. Кехлеровым, О.С. Капинус тезису о том, что: «Фактически любая координационная деятельность строится на основе взаимодействия участников, однако не всякое взаимодействие носит строго упорядоченный, согласованный и регламентированный характер в соответствии с установленными условиями и принципами». Развивая эту мысль, авторы указывают, в частности, что: «При взаимодействии, в отличие от координации, у участников, как правило, отсутствуют какие-либо обязанности по выработке и применению согласованных мер, по распределению сил и средств, по установлению ответственности за исполнение согласованных мероприятий».

Таким образом, исходя из проведенного анализа, представляется возможным говорить только об одной группе участников координационной деятельности, а именно о правоохранительных органах, т.е. органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознание, предварительное следствие. Что касается всех остальных субъектов, которые привлекаются в рамках координационной деятельности, то они безусловно являются субъектами (участниками) взаимодействия, а не координационной деятельности по борьбе с преступностью.

Список литературы:

1. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус; науч. Ред. А.Ю. Виноградов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014 – 1165 с.;

2. «Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567.

3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности»;

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОНЯТИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Шныров Андрей Евгеньевич

*Адъюнкт Санкт-Петербургского военного института
внутренних войск министерства внутренних дел
Российской Федерации
г. Санкт-Петербург*

"THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE FIRST WORLD WAR": CONCEPT AND PRINCIPLES

Shnyrov Andrei

*post graduate St. Petersburg military Institute
internal troops of the Ministry of internal Affairs
Russian Federation, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история становления и развития правоохранительной системы страны в годы Первой мировой войны. Значимость деятельности правоохранительной системы Российской империи в условиях военного времени обусловлена событиями, происходившими внутри страны. Изучение деятельности правоохранительной системы в годы войны является актуальным и сегодня, в период реформирования правоохранительной системы.

ABSTRACT

The article deals with the history of formation and development of law enforcement system our country in period of the First world war. The significance of the law enforcement system activity of the Russian Empire in wartime was caused by the events occurring on its territory. The study of law enforcement system in the war, is topical nowadays, in the period of reforming of bodies of law on forcement.

Ключевые слова: *правоохранительная система, Российская империя, Первая мировая война, правоохранительные органы, полиция, реформирование.*

Key words: *the law enforcement, the russian empire, the first world war, law enforcement authorities, police, reformation.*

В процессе новых политических преобразований Российской Федерации продолжают дискуссии о путях развития правоохранительной системы страны как совокупности государственных органов, общественных объединений, должностных лиц, осуществляющих в соответствии со своей компетенцией и задачами правоохранительную, правозащитную и правообеспечительную деятельность, направленную на укрепление российского государства и общества, а также комплекс государственно-правовых средств, методов и гарантий, обеспечивающих защиту общественных отношений от противоправных посягательств [1, с.128].

Правоохранительная система является производной от правовой системы. Однако нельзя сводить правоохранительную систему только к охранительной функции правовой системы. В структурном и функциональном аспектах правоохранительная система предстает как органическая составляющая всех без исключения элементов правовой системы, потому что позитивное регулирование всегда предполагает правоохрану и немислимо без нее.

В период Первой мировой войны главной задачей правоохранительной системы Российской империи являлось регулирование всех сфер общественных отношений. Более того, правоохранительная система сама по себе являлась одним из самых мощных инструментов такого регулирования, призванная защищать порядок в обществе и в стране в целом.

В самом начале войны руководство страны, координируя действия правоохранительной системы, столкнулось с рядом проблем, среди которых: слабая

организация правоохранительных органов, неэффективность применяемых правовых норм и правовых явлений. Несмотря на то, что для их решения было приложено много усилий, но разрешить их централизованно так и не получилось. Это привело к усилению самостоятельности правоохранительных органов и полному переходу основной власти под контроль местных руководителей - градоначальников и губернаторов. В результате такой автономизации к началу 1917 года правоохранительная система как единое целое перестала существовать. Только чуть более половины правоохранительных органов до Февральской революции продолжали выполнять поставленные перед ними задачи [2, с.40]. При этом Департамент полиции всячески пытался координировать и направлять борьбу с противогосударственными выступлениями. Он сообщал на места о росте революционной активности, ставил задачи по усилению агентурного наблюдения за населением или партией, а также давал распоряжения по деятельности местных органов полиции в различных экстремальных ситуациях. Однако в Департаменте полиции господствовало мнение, что революционное движение будет представлять угрозу существующему строю только по окончании войны. Департамент считал, что у правительства есть время для подготовки к данному всплеску недовольства. В итоге был усилен лишь контроль за революционными партиями и их лидерами. Однако в этом политическая полиция вела успешную работу. Здесь будет актуальным утверждение о том, что Департамент полиции в целом был информирован о деятельности революционных партий в России и за рубежом.

Полиция предупреждала как организованные революционные выступления, так и массовые волнения. Во второй половине 1915-го и на протяжении 1916 года власти «засыпались» требованиями о подавлении возможных беспорядков в самом их начале. Однако из-за дороговизны, действия полиции имели слабое действие, поэтому беспорядки не прекращались. Найти пути их предупреждения полиции так и не получилось.

Несмотря на то, что в период первой мировой войны все правоохранительные органы вели серьезную, правда не всегда успешную работу по предупреждению революционных действий, февральская революция явилась для них полной неожиданностью. В правительстве сохранялось спокойное настроение вплоть до самого начала революции. Это свидетельствует о том, что полиция, которая должна была обладать самой достоверной информацией о положении дел в стране и в течении многих лет отвечающая за спокойствие Империи, в 1917 году не имела представления о надвигающейся революции.

Правоохранительная политика Николая II в годы Первой мировой войны, в отличие от политики его предшественников Александра II и Александра III, имела не четкую направленность, что отразилось на правовом положении в отношении различных правоохранительных органов. Отсутствовала системность в нормотворческой деятельности. Современники отмечали «произошло смешение в законодательстве понятий административной и вообще исполнительной власти понятием власти полицейской» [3, с.115]. Происходила постоянная смена средств и методов организации правоохранительной системы. Профилактика террористической деятельности чередовалась с репрессиями против революционеров (деятельность военно-полевых судов) [4, с.26]. , что привело к появлению несбалансированной организации правоохранительной системы. В такой организации отдельные правоохранительные институты и ведомства выполняли свою функцию недостаточно эффективно. Названное обстоятельство стало важным фактором революционных событий, из-за которых была разрушена империя и уничтожена её правоохранительная система.

В результате событий 1905-1906 годов и изменения в устройстве государства правительство убедилось в необходимости проведения реформ всех правоохранительных органов. Служба в правоохранительных органах Российской империи в 1914-1917 годах не имела четкой законодательной регламентации и единого образца. Так, например, полиция делилась в зависимости от направлений на несколько видов (политическую и общую, внутреннюю и наружную, пешую и конную, уездную и городскую и др.). Реорганизация законодательства и укрепление правоохранительных органов требовалось и в результате проведения аграрной реформы, в результате которой произошёл распад крестьянской общины и ослабление внутреннего социального контроля.

Одной из назревших проблем правоохранительной системы в данный период было повышение квалификации её сотрудников. В условиях социальной напряженности непрофессиональные действия служащих правоохранительных органов становились причиной массовых эксцессов и приводили к снижению их

авторитета. Поэтому много раз поднимался вопрос о необходимости специального образования служащих правоохранительных органов. Многие из них поступали на службу из армии, а также из других ведомств и плохо себе представляли себе специфику службы в органах правоохранительной системы.

Постоянно меняющаяся политическая и социально-экономическая обстановка в Российской империи требовала от правительства страны реформирования всей правоохранительной системы, приспособления её к новым условиям и заставляла правительство находить пути усиления правоохранительных органов.

Укрепление правоохранительной системы правительство страны видело в централизации всех правоохранительных органов, а также в усилении их роли в борьбе с революционными действиями.

К началу XX века правоохранительная служба в Российской империи характеризовалась множеством регламентирующих нормативных актов, в основном ведомственных и во многом устаревших ещё к концу XIX века. Одной из главных проблем являлась необходимость осуществления кодификации правоохранительного законодательства.

Начиная с 1906 года в Российской империи почти постоянно работали комиссии по переустройству правоохранительных органов. После вступления Российской империи в первую мировую войну стала осуществляться перестройка государственного аппарата, в первую очередь его военных, правоохранительных и хозяйственных направлений. 29 июля 1914 года император утвердил «Положение о полевом управлении войска в военное время». Согласно этому Положению определялся статус Ставки верховного главнокомандующего, который был ответствен только перед царём. В июле 1914 года Совет министров получил чрезвычайные полномочия. Большая часть дел им решались от имени императора. Практически все чрезвычайные указы военного времени прошли через Совет министров.

Проекты нормативных актов, в большинстве случаев, сводились к объединению правоохранительных органов под единым руководством. Царское правительство до конца не осознавало, чем грозит отсрочка реформ правоохранительной системы. Стимулирование проведения таких проектов и предложений в большинстве случаев так ничем и не завершились. Практически до февраля 1917 года структура и функции правоохранительных органов оставались неизменными.

В период Первой мировой войны власть была вынуждена признать слабость правоохранительных органов. Так 23 октября 1916 года император утверждает «Положение об усилении полиции в 50-ти губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». Данное Положение предусматривало увеличение полиции в количественном плане и улучшение их материального положения. Этим же актом устанавливались соответствующие образовательные цензы в целях улучшения качественного состава для занятия полицейских должностей и появился порядок приема на службу женщин.

Данное Положение своего рода являлось первым шагом по реализации проекта по преобразованию правоохранительных органов.

Однако, как показали дальнейшие события, время для проведения реформ полицейских органов было упущено и «задача реформирования практически завершилась провалом».

Правоохранительная система Российской империи в начале XX в. постепенно развивалась, совершенствовалась и имела положительные тенденции, которые сложились ещё в XIX в. Некоторые органы по уровню организации не уступали своим коллегам из западных государств. Тем не менее требовалось проведение реформирования структуры, методов деятельности, функций и правовой регламентации. В сложных социально-политических условиях подобное реформирование оказалось невозможным. В итоге Первая мировая война усилила напряжение в обществе ещё больше.

Во время Февральской революции 1917 года, только полиция осталась верной самодержавию, в то время как армия перешла на сторону восставших. За это полиция понесла немалый урон: «частью перебита, частью смещена... полицейские участки разгромлены, картотеки уничтожены...» [5, с. 16].

В местностях, в которых было объявлено военное положение произошло расширение компетенции генерал-губернаторов и военных властей. Положение о полевом управлении и особые Правила о местностях, объявленных на военном положении, определяли их полномочия. В период Первой мировой войны в местностях, на которых было объявлено на военное положение, правовую основу для увеличения репрессивной компетенции высшей и местной администрации и военных властей являлось чрезвычайное законодательство конца XIX века [6, с. 297]. После введения военного положения в руках главнокомандующего сосредоточивалось управление губерниями. Он имел более значительную компетенцию, чем органы управления в условиях усиленной и чрезвычайной охраны.

Военное положение в объявленных местностях давало генерал-губернатору больший объём прав – административных, полицейских и судебных. У него появлялись полномочия издавать обязательные постановления по вопросам, касающимся охраны общественного порядка и нарушения государственной безопасности, устанавливать ответственность в виде тюремного заключения сроком на три месяца или денежного штрафа до 3 тысяч рублей за нарушение данных постановлений. У генерал-губернатора было право запрещать различные народные, общественные и частные собрания; а также издавать распоряжения о закрытии различных торговых и промышленных заведений в период действия военного положения; давать разрешения на чрезвычайные собрания и приостанавливать очередные собрания сословных и городских учреждений, периодических изданий; закрывать учебные заведения; осуществлять высылку отдельных лиц во внутренние губернии; отстранять от должности чиновников.

Введение военного положения в стране также означало и установление широких прав военного ведомства. Компетенция военных властей по различным вопросам расширялась в годы войны благодаря изданным правовым актам, также и в области судопроизводства. В районах военных действий и местностях объявленных на военном положении учреждались военно-полевые суды.

В политике императора по усилению централизации правоохранительных органов требовались кардинальные реформы, которые должны были изменить структуру и функции полицейской системы. Одной из насущных проблем было отсутствие кодификации полицейского законодательства, которое в условиях мировой войны стало неэффективным. Несмотря на имевшиеся проекты по переустройству и реорганизации полицейских органов, Николаю II не хватило решимости принять какой-либо из них. Все виды полиции (общей и политической) занимались борьбой с антигосударственными выступлениями. В результате чего «задача реформирования завершилась провалом, время для реформ было упущено» [7, с. 18].

Как мы видим, деятельность правоохранительной системы Российской империи имела не мало славных страниц. В то же время трагическая неудача правоохранительных органов состоит в том, что они не пользуются ни доверием общества, ни поддержкой высшей государственной власти. Однако в данных условиях подобный подход является губительным. Новой России требуется твёрдая правоохранительная система, свободная от недостатков как первой мировой войны, так и дореволюционных, но в тоже время, воплотившая в себе их лучшие традиции. Будем надеяться, что действующие и начавшиеся реформы добьются этой цели.

Список литературы:

1. Цикаришвили О. Г. Правоохранительная система: понятие и структура // Межвузовский сборник научных трудов ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права» Вып. 6, Саратов, 2007 С. 128
2. Романов К. С. Департамент полиции МВД России накануне и в годы первой мировой войны (1913-1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 40
3. Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское право России. Проблемы теории. СПб, 1998. С. 115
4. Жильцов Н. А. Правоохранительная система самодержавной России в период с февраля 1861-го по февраль 1917 г.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 26
5. Нижник Н. С. Становление и развитие полиции России. Методические материалы для проведения бесед с сотрудниками органов внутренних дел. СПб, 2011. С. 16-22
6. Сафонов А. А. История отечественного государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 297-310.
7. Кузнецов А. Д., Несмеянов А.Н. Проекты реформирования полиции Российской империи в предреволюционный период// История государства и права. М, 2000. №3. С. 18

ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

РАСТОРЖЕНИЕ СЛУЖЕБНОГО КОНТРАКТА ПО СОГЛАШЕНИЮ СТОРОН

Глухов Александр Викторович
Кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный
университет правосудия
г. Москва

TERMINATION OF A LABOR CONTRACT BY AGREEMENT OF THE PARTIES

Glukhov Alexander

candidate of jurisprudence, assistant professor
Russian State University of justice
Moscow

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются спорные теоретические и практические вопросы оформления соглашения о расторжении служебного контракта на государственной гражданской службе. Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не установлена форма соглашения. Эта неопределенность ведет к различному толкованию статьи 34 Федерального закона. Вносится предложение об установлении обязательной письменной формы соглашения.

ABSTRACT

Discusses disputable theoretical and practical issues of signing of agreements on termination of contract in the civil service. The Federal law "On state civil service of the Russian Federation" does not stipulate the form of the agreement. This uncertainty leads to different interpretation of article 34 of the Federal law. There is a motion on the establishment of obligatory written form of the agreement.

Ключевые слова: *гражданский служащий; расторжение служебного контракта; соглашение сторон; письменная форма.*

Keywords: *civil servant; the termination of a labor contract; the agreement of the parties; writing.*

В силу части седьмой ст. 11 Трудового кодекса РФ, на государственных гражданских служащих действии трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации о государственной службе. [1]

Не вдаваясь в теоретические споры о юридической природе служебного контракта, исходим из того, что гражданская служба находится в сфере действия трудового права, а гражданские служащие являются особой категорией наемных работников.

Одним из общих оснований прекращения служебного контракта на государственной гражданской службе в соответствии с пунктом 1 части первой ст. 33 Федерального закона от 27.07.2004 N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» является соглашение сторон служебного контракта. [2] Служебный контракт, заключенный как на определенный, так и на неопределенный срок, может быть расторгнут в любое время, если его стороны – государственный гражданский служащий и представитель нанимателя – придут к соглашению об этом.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 17.03.04 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» разъясняет следующее. При рассмотрении споров, связанных с прекращением трудового договора по соглашению сторон, судам следует учитывать, что при

достижении договоренности между работником и работодателем трудовой договор, заключенный на неопределенный срок, а также срочный трудовой договор, может быть расторгнут в любое время в срок, определенный сторонами. Аннулирование договоренности относительно срока и оснований прекращения трудового договора возможно лишь при взаимном согласии работодателя и работника. [3]

Законодатель не предусматривает никаких процедур, которые должны быть исполнены сторонами при расторжении служебного контракта по соглашению сторон (ни сроков, ни предупреждения сторон, ни выплаты выходного пособия и пр.).

Пункт 1 части первой ст. 33 и ст. 34 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не содержат требований к форме такого соглашения и к перечню условий, подлежащих согласованию, ни об обязательном оформлении соглашения о расторжении служебного контракта отдельным документом. Из п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 следует, что по смыслу ст. 34 Федерального закона для расторжения служебного контракта достаточно достижения договоренности между гражданским служащим и представителем нанимателя.

В практике применения ст. 34 возникает вопрос: правомерно ли увольнение по соглашению сторон (пункт 1 части первой ст. 33 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»), если есть заявление гражданского служащего об увольнении с государственной гражданской

службы по соглашению сторон, но соглашение не оформлено в виде отдельного документа?

Служебный контракт может быть расторгнут по соглашению сторон, однако форма соглашения Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не установлена. Представляется, что заявление гражданского служащего об увольнении по соглашению сторон подтверждает взаимное волеизъявление сторон на расторжение служебного контракта.

Так в Санкт-Петербургский городской суд от работницы поступило заявление об увольнении по соглашению сторон с конкретной даты. На основании приказа работница уволена с этой даты. Отдельным документом соглашение оформлено не было. Работница требовала признать приказ об увольнении незаконным, изменить формулировку основания и дату увольнения. Однако суд не установил нарушений порядка увольнения. Соглашение сторон о расторжении трудового договора было достигнуто. Работница написала заявление заранее, имела возможность обдумать свое решение. [5]

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не содержит указания на то, в какой форме соглашение должно быть заключено. Следовательно, соглашение о расторжении служебного контракта не обязательно должно иметь форму отдельного документа. Таким образом, соглашением можно считать совместные действия гражданского служащего и представителя нанимателя, направленные на расторжение служебного контракта такие как, написание гражданским служащим заявления, подписание его представителем нанимателя и оформление приказа об увольнении.

Достижение договоренности о расторжении служебного контракта в соответствии со ст. 34 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предполагает согласование всех условий увольнения, выдвинутых сторонами, включая выплату гражданскому служащему денежной компенсации.

В тоже время в судебной практике встречается спорное толкование ст. 34 Закона, согласно которого для расторжения служебного контракта необходимо достижение договоренности только о сроке прекращения служебных отношений, т.к. обязанность представителя нанимателя по выплате служащему денежной компенсации в связи с увольнением по соглашению сторон не предусмотрена Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации». [6]

Согласно пункту 1 части первой ст. 33 Федерального закона основанием прекращения служебного контракта является соглашение сторон (статья 34 настоящего Федерального закона). В соответствии со ст. 34 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» служебный контракт может быть в любое время расторгнут по соглашению сторон служебного контракта.

В соответствии с частью восьмой ст. 24 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», устанавливающей

обязательную письменную форму служебного контракта, договоренность о расторжении служебного контракта должна быть оформлена в письменном виде. Если не согласованы все условия увольнения, выдвинутые сторонами, в том числе и о выплате денежной компенсации, то соглашение о расторжении служебного контракта нельзя считать достигнутым.

Из правового смысла приведенных выше норм закона следует, что при достижении договоренности между государственным служащим и представителем нанимателя служебный контракт, заключенный на неопределенный срок, или срочный служебный контракт может быть расторгнут в любое время в срок, определенный сторонами. При этом такая договоренность в соответствии со ст. 24 Федерального закона должна быть оформлена в письменном виде и порождает для обеих сторон служебного контракта юридически значимые последствия.

Представляется, что письменная форма соглашения соблюдается как при составлении отдельного документа, так и при подаче письменного заявления гражданского служащего об увольнении по соглашению сторон.

Кроме того, для прекращения служебного контракта по соглашению сторон недостаточно волеизъявления одной стороны - представителя нанимателя или гражданского служащего, а необходимо взаимное волеизъявление обеих сторон.

В письменном соглашении сторон фиксируется не только основание и дата расторжения служебного контракта, но также может быть зафиксирована достигнутая сторонами договоренность об удовлетворении материального интереса гражданского служащего, т.е. о выплате ему денежной компенсации при увольнении.

Тем более невозможно признать правомерным увольнение по соглашению сторон, если нет заявления гражданского служащего и соглашение не оформлено отдельным документом. Волеизъявление сторон на расторжение служебного контракта по соглашению сторон должно быть подтверждено письменными доказательствами. Если таких доказательств нет, отсутствует заявление гражданского служащего об увольнении по соглашению сторон, договоренность представителя нанимателя и гражданского служащего о расторжении служебного контракта нельзя считать достигнутой.

Так Определением Верховного Суда РФ от 14.05.2010 N 45-В10-7 увольнение работницы по соглашению сторон было признано незаконным и она была восстановлен на работе. Верховный Суд указал, что вывод нижестоящих судов о том, что прекращение трудовых отношений состоялось по соглашению сторон, поскольку после увольнения работница фактически согласилась с прекращением трудового договора, нельзя признать правильным. Трудовой договор может быть расторгнут по соглашению сторон только после достижения договоренности между работником и работодателем. [4]

Исходя из приведенных теоретических и практических аргументов, можно утверждать, что необходимо согласованное письменное волеизъявление

обеих сторон служебного контракта (соглашение сторон), направленное на его прекращение.

Если соглашение о расторжении служебного контракта составляется в виде отдельного документа, то в силу части восьмой ст. 24 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» оно должно быть составлено в двух экземплярах и подписано обеими сторонами служебного контракта. Поскольку инициатива расторжения служебного контракта по пункту 1 части первой ст. 33 может исходить от любой стороны, также возможно достижение соглашения путем подачи гражданским служащим заявления об увольнении, с указанием основания (соглашение сторон) и даты увольнения. Соглашение считается достигнутым в письменной форме только после проставления на нем визы представителя нанимателя о согласии. Представитель нанимателя в свою очередь также вправе направить служащему письменное предложение о расторжении служебного контракта по соглашению сторон, с указанием даты предполагаемого увольнения. В этом случае проставление гражданским служащим собственноручной подписи о согласии также считается достижением соглашения в письменной форме.

Поэтому предлагаю изменить статью 34 «Расторжение служебного контракта по соглашению сторон» Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О

государственной гражданской службе Российской Федерации», и изложить ее в следующей редакции: «Служебный контракт может быть расторгнут в любое время по письменному соглашению сторон служебного контракта с одновременным освобождением гражданского служащего от замещаемой должности гражданской службы и увольнением с гражданской службы».

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2002. - № 1. - Ст. 3.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. - № 31. - Ст. 3215.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2004. - № 12.
4. Определение Верховного Суда РФ от 14.05.2010 N 45-В10-7
5. Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 25.05.2011 N 33-7694
6. Апелляционное определение Тверского областного суда от 29.02.2012 по делу N 33-559

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СОВЕРШАЕМЫХ УБИЙСТВ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

Адилов Айбек Насырович

начальник ф-та ПН и НПК

Академии МВД Кыргызской Республики

докт. юрид. наук, ст. науч. сотрудник, полковник милиции

г. Бишкек

Досумов Серимжан Тулеович

соискатель Академии МВД

Кыргызской Республики,

полномочный представитель

МВД Республики Казахстан в

МВД Кыргызской Республики, генерал-майор полиции

г. Бишкек

Аннотация: Статья посвящена проблемам уголовной ответственности за убийства, совершаемые с особой жестокостью по законодательству Республики Казахстан и Кыргызской Республики

Ключевые слова: убийство с особой жестокостью; уголовное законодательство Республики Казахстан; уголовное законодательство Кыргызской Республики.

CRIMINAL LEGAL PROBLEMS, COMMITTED HOMICIDE WITH CRUELTY

Abstract: The article is devoted to the problems of criminal responsibility for the murder, committed with special cruelty under the laws of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic.

Keywords: murder with special cruelty; Criminal Law of the Republic of Kazakhstan; the criminal law of the Kyrgyz Republic.

Охрана личности, ее прав и свобод объявлена приоритетным направлением уголовно-правовой политики Кыргызской Республики. В Конституции Кыргызской Республики права и свободы человека признаются высшими социальными ценностями, они определяют смысл, содержание и применение законов, возлагают обязанности на законодательную, исполнительную власти, местное самоуправление и охраняются правосудием и государством.

Данные конституционные положения нашли свое отражение в Уголовном кодексе Кыргызской Республики, принятом 18 сентября 1997 года. Однако статистические данные о состоянии преступности за последние несколько лет свидетельствуют о том, что удельный вес преступлений против личности неуклонно растет. Особенно заметен всплеск насильственных преступлений против личности. Причины столь бурного роста насильственных преступлений в последнее время очень многообразны. Их следует искать в нестабильной экономической ситуации. В нерешенности многих социальных вопросов. Можно найти эти причины и в политической сфере. Нравственное опустошение общества также оказывает свое влияние на ситуацию с преступностью. В обществе набирает силу тенденция неуважения к праву, закону, попранию прав личности, процветает безнравственность, теряются моральные ценности и установки.

В связи с этим, выбор, рассмотрение и исследование состава преступления «убийство, совершенное с

особой жестокостью» осуществлены нами не случайно. Данная проблема очень актуальна в силу того, что насильственные преступления против личности в наше сложное и очень тревожное время получили широкое распространение. Причин тому много - одни из них, как, например, довольно низкий уровень правовой культуры (опустившейся до уровня нравственно-правового нигилизма и невежества) не только отдельных слоев населения, но и нередко тех, кто ими правит, носят объективный характер, а ряд остальных причин создавшегося положения (такие, как алкоголизм или психические заболевания), бесспорно, носит чисто субъективный характер.

Все чаще прослеживается ничем не объяснимое насаждение в средствах массовой информации культуры насилия и ничем не ограниченная агрессивная разнузданность, активно функционирующая на уровне межличностных взаимоотношений. В соответствии с этим, в условиях резкого подъема преступности, ужесточения совершаемых преступлений, неумолимо увеличивается и количество убийств, совершаемых с особой жестокостью. В нашей жизни насилие, агрессивность и жестокость занимают среди людей столь же прочное положение, что и любовь, доброта, милосердие, сострадание. Это - неразрывное единство противоположностей отношений между людьми, и вся история человечества убеждает, что стереть одну из сторон невозможно.

Насилие, жестокие и жесточайшие преступления, гонения против личности, уничтожение отдельных групп людей и целых народов всегда имели место, ими усыпана мировая история. XXI век не дает никаких оснований строить иллюзии по поводу того, что насилие может пойти на убыль. Наоборот, первая и вторая мировые войны, фашизм в Германии, тоталитаризм в СССР, локальные войны, террористические акты, в том числе в самых развитых странах, межнациональные конфликты и другие большие и малые столкновения, равно как и высокий уровень общеуголовной насильственной преступности в большинстве стран скорее свидетельствуют об обратном. Чудовищные злодеяния имеют место во время межнациональных и политических столкновений. Конфликтующие стороны как будто стараются превзойти друг друга в бесчеловечности, жестокости, цинизме, подлости, не считаются ни с какими правовыми и моральными запретами, но их бесчеловечные проявления насилия способны вызвать лишь ответное насилие.

Под воздействием всех этих причин среди насильственных преступлений, в том числе и убийств, неумолимо увеличивается и количество преступлений, совершаемых с особой жестокостью. Нередко жертвами таких преступлений становятся люди из криминального мира, бывшие и неугодные политики, люди из наименее защищенных слоев населения, в частности, старики, женщины и дети, а также и люди.

Агрессивность и насилие столь широко распространены в нашем обществе, что, чем глубже наши знания о них, их причинах, тем успешнее мы сможем бороться с ними и тем больше сможем ценить доброту, сострадание и помощь, а также больше сможем использовать их для противоязвения вражде и ненависти. Это может внести скромную лепту в смягчение общественных нравов, снижение социальной напряженности и конфликтности, установление доброжелательных отношений между людьми. В связи с этим необходимо вести качественную борьбу с данными преступлениями, так как успешная борьба с ними является важнейшей составляющей частью нравственного облика нашего общества.

Значительная распространенность, повышенная общественная опасность, затруднения в квалификации обуславливают необходимость теоретического решения проблем данного состава преступления в уголовном законодательстве Кыргызской Республики и совершенствования практики его применения.

Выше перечисленные обстоятельства свидетельствуют об актуальности и научно-практической значимости изучения убийства совершенного с особой жестокостью, что и предопределило выбор темы диссертационного исследования.

Не смотря на то, что тема убийства изучается довольно давно, на практике при квалификации деяний до сих пор допускаются ошибки, как на предварительном следствии, так и на стадии рассмотрения уголовного дела в суде. О данном составе убийства написано немало научных трудов как российскими, так и зарубежными учеными в области уголовного права, но среди полных и достаточно качественных работ в Кыргызской Республике их единицы. Среди российских

ученых большой вклад в развитие исследуемой области уголовно-правовой науки внесли: Ю.М. Антонян, Д.К. Амирова, С.В. Бородин, П.Ю. Константинов, Э.Ф. Побегайло, А.С. Никифоров, С. Складов, В.Н. Тележникова, Г.И. Чечель и др. Из зарубежных ученых можно отметить следующих: Р. Лифтон, К. Вилсон, П. Питман, Э. Цайгенхаген, Д. Абрамсен.

Отличить «обыкновенную» жестокость от особой жестокости при убийстве не просто. Однако сделать это необходимо, потому что только наличие в деянии виновного особой жестокости образует состав квалифицированного убийства.

В специальной литературе отмечается, что отношение того или иного деяния к «просто» или особо жестокому либо вообще нежестокому зависит не только от оценок субъекта, его социальной принадлежности и общественного положения, моральных принципов и воззрений, интеллигентности, культуры и т. д. Решение этого вопроса зависит от нравственно-психологической атмосферы в обществе и его ценностей, от уровня нравственности и представлений о добре и зле, пределах насилия в той социальной группе, к которой принадлежит то должностное лицо, которое должно дать на него ответ [1, 148].

«Жестокость – это чисто человеческая черта, в природе ее не существует. Волк, убивающий ягненка, не является жестоким, поскольку действует в силу инстинктов, заложенных в нем природой для удовлетворения чувства голода. Однако человек, убивающий другого человека ради достижения каких-то своих низменных целей, проявляет жестокость, поскольку осознает безнравственность своего поступка.

Человек может проявлять свою жестокость по отношению ко всем живым существам. Однако, прежде всего, он проявляет ее по отношению к себе подобным. Это человеческая особенность уже давно отмечена в словах о том, что люди лучше всего умеют хранить камни и металлы, менее растения, еще менее животных и всего меньше человека.

По сути своей жестокость есть человеконенавистничество. Человеколюбивый не будет причинять мучения и страдания другим, а именно причинение мучений и страданий другим людям и составляет главный признак жестокости» [2, 357].

Так, специалист в области изучения преступной жестокости Ю.М. Антонян определяет жестокое поведение как намеренное и осмысленное причинение другому человеку мучений и страданий ради них самих или достижения других целей либо как угрозу такого причинения, а также действия, совершая которые, субъект допускал или должен был предвидеть, что подобные последствия наступят [3, 14].

М. Антонян пришел к выводу, что жестокими считаются только те деяния, мучительный характер которых осознается субъектом и входит в его намерения, другими словами, они должны быть умышленными. Следовательно, природа жестокости обуславливается побуждениями субъекта, страдания жертвы служат средством достижения какой-либо цели или сами по себе являются желаемым результатом поведения [3, 15].

А.Н. Попов утверждает, что особая жестокость в уголовном праве выступает в двух ипостасях – в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, и в качестве квалифицирующего признака некоторых составов преступлений. Понятно, что одно и то же обстоятельство не может быть одновременно и отягчающим наказанием, и отягчающим (квалифицирующим) преступление. Поэтому в тех случаях, когда признак особой жестокости является квалифицирующим, т. е. относится к признакам состава преступления, он не может учитываться судом в качестве отягчающего наказания.

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 18 сентября 1997 года в п. 10 ст. 55 Общей части указано «совершение преступления с особой жестокостью или издевательством [4, 21]», а в п. «и» ч. 1 ст. 54 Общей части УК Республики Казахстан от 16 июля 1997 года предусмотрено, что «отягчающим обстоятельством преступления является совершение его с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего» [5].

В Особенной части Уголовные кодексы Казахстана и Кыргызстана содержат целый ряд статей, предусматривающих повышенную ответственность за преступления против личности, совершенные с особой жестокостью. В частности, к ним относятся:

1. Убийство, совершенное с особой жестокостью:

– п. «д» ч. 2 ст. 96 УК Республики Казахстан (убийство, совершенное с особой жестокостью);

– п. 6 ч. 2 ст. 97 УК Кыргызской Республики (убийство, совершенное с особой жестокостью).

2. Доведение до самоубийства:

– ст. 102 УК Кыргызской Республики (доведение до самоубийства или покушения на него путем угроз, жестоккого обращения или систематического унижения человеческого достоинства);

– ст. 102 УК Республики Казахстан (доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестоккого обращения или систематического унижения человеческого достоинства).

3. Умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью:

– п. «г» ч. 2 ст. 103 и п. «в» ч. 2 ст. 104 УК Республики Казахстан (умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, совершенное с особой жестокостью, а равно в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии);

– п. 2. п. 3 ч. 3 ст. 104 УК Кыргызской Республики (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью совершенное с особой жестокостью);

– п. 3 ч. 2 ст. 105 УК Кыргызской Республики (умышленное причинение менее тяжкого вреда здоровью совершенное с издевательством или мучениями для потерпевшего).

4. Истязание:

– ст. 107 УК Республики Казахстан (истязание);

– ст. 111 УК Кыргызской Республики.

5. Изнасилование:

– п. «б» ч. 2 ст. 120 УК Республик Казахстан (изнасилование, совершенное с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или к другим лицам) и др.

– п. 4 ч. 2 ст. 129 УК Кыргызской Республики (изнасилование, совершенное с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или к другим лицам) и др.

Диссертант обращает внимание на то, что законодатель, наряду с понятием «особая жестокость», во многих статьях УК как Казахстана так Кыргызстана употребляет и иные близкие с ним понятия, такие, как:

– жестокое обращение;

– систематическое унижение человеческого достоинства;

– издевательство;

– мучения;

– истязания;

– садизм;

– причинение физических или психических страданий;

– использование заведомо беспомощного состояния потерпевшего.

В то же время, в п. «д» ч. 2 ст. 96 УК Республики Казахстан и в п. 6 ч. 2 ст. 97 УК Кыргызской Республики используется только одно понятие – особая жестокость. Почему? Как соотносится данное понятие с иными, также применяемыми в законе? Какие из них шире, а какие уже его по содержанию? Какой смысловой оттенок несет в себе употребление каждого из них в статьях Уголовных законов?

Необходимо чтобы данные проблемы получили свое разрешение, ибо в противном случае раскрыть полно и правильно содержание понятия «особая жестокость» будет затруднительно.

Конституция Республики Казахстан и Кыргызской Республики предусматривает, что достоинство личности охраняется государством, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Подобные действия рассматриваются Конституциями стран как нарушение прав человека, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека. Особый интерес в контексте рассматриваемой проблемы имеет определение пытки, даваемое в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. [6,14-53].

Список использованной литературы:

1. *Антонян Ю. М.* Преступная жестокость. – М., 1994. – С. 148.

2. *А.Н. Попов* Убийства при отягчающих обстоятельствах. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – С.357

3. *Антонян Ю. М.* Психология убийства. – М., 1997. – С. 14.

4. *Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 18 сентября 1997 года* // Администрация Президента Кыргызской Республики, – Бишкек, 2009. – С. 21.

5. *Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года* // Информационно-правовая система «Токтом», 2015.

6. *Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов*, – М., 1990 – С. 14-53.

АТМОСФЕРНЫЙ ВОЗДУХ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 251 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ЗАГРЯЗНЕНИЕ АТМОСФЕРЫ»**Бокуц Елена Юрьевна***старший помощник Ленинградского межрайонного
природоохранного прокурора Ленинградской области
прокуратура Ленинградской области
г. Санкт-Петербург***THE ATMOSPHERIC AIR AS AN OBJECT OF THE CRIME***provided by article 251 of the Criminal code
of the Russian Federation «Air Pollution»***Bokuts Elena Yuryevna***Senior Assistant of the Leningrad Interregional
Environmental Prosecutor of Leningrad Region
the Prosecutor's office of Leningrad region
St. Petersburg***АННОТАЦИЯ***Автор статьи рассматривает проблемы определения атмосферного воздуха как компонента окружающей среды и предмета экологического преступления.***ABSTRACT***The author of the article considers the problem of determining the atmospheric air as the environmental component and subject of environmental crime.***Ключевые слова:** *атмосферный воздух; загрязнение воздуха; уголовная ответственность; компонент окружающей среды; предмет преступления.***Keywords:** *atmosphere air; air pollution; criminal liability; environmental component; object of crime.*

Статьей 42 Конституции Российской Федерации предусмотрено право каждого человека на благоприятную окружающую среду.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» окружающая среда – это совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов.

Той же статьей вышеназванного Федерального закона к компонентам природной среды отнесены земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле.

Атмосферный воздух как один из ее компонентов является существенной составляющей окружающей среды, его природная чистота – одно из важнейших условий ее безопасности.

Основная полезная функция атмосферы заключается в том, что она служит незаменимым источником кислорода, необходимого для существования всего живого на Земле.

Кроме того, атмосфера обладает рядом других полезных свойств для человека и иных видов живых существ. Являясь проводником энергии Солнца, она служит естественным барьером для разрушительного воздействия космоса: ее озоновый слой защищает человеческий организм и другие живые организмы на планете от губительных ультрафиолетовых и рентгеновских излучений.

Атмосфера также нейтрализует большую часть космических частиц и тел, за исключением крупных метеоритов, несгорающих полностью в ее верхних слоях, не позволяя оседать им на поверхности планеты.

Ресурсы атмосферы занимают большое место и в экономической деятельности человека. Атмосфера интенсивно эксплуатируется как транспортная коммуникация. Воздух является неотъемлемым компонентом производственных процессов, получения тепловой энергии, иной хозяйственной деятельности человека.

При этом атмосфера выступает как среда для выброса и рассеивания множества видов загрязняющих веществ, образующихся в результате работы различных производств.

Все названные функции атмосферного воздуха, выполняемые им по отношению к растительному и животному миру, человеку и обществу, являются важнейшей предпосылкой для обеспечения государством его рационального использования и охраны.

Эти же обстоятельства определяют и необходимость правового регулирования общественных отношений по поводу использования атмосферного воздуха и его охраны от загрязнения и других вредных воздействий средствами экологического, гражданского, административного, уголовного и других отраслей права.

В целях его правовой охраны атмосферный воздух законодательно закреплен как предмет ряда правонарушений, в том числе и экологических преступлений, предусмотренных главой 26 Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности загрязнения атмосферы (ст. 251 УК РФ).

Совершение преступления с объективной стороны, как правило, сопряжено с воздействием виновного на материальные предметы внешнего мира.

Речь о предмете преступления может идти в тех случаях, когда причинение вреда объекту преступления необходимо связано с причинением ущерба входящему в сферу этого объекта предмету материального мира. В случае экологических преступлений такими

предметами выступают компоненты окружающей среды.

Предмет преступления играет важную роль как в законодательной, так и в правоприменительной практике при описании составов и квалификации преступлений. Поэтому наряду с объектом преступления, необходимо устанавливать и его предмет.

«В советской науке уголовного права, – пишет М.П. Бикмурзин, – наибольшее распространение получила концепция предмета преступления, согласно которой он определялся как вещь материального мира, воздействуя на которую виновный посягает на охраняемый уголовным законом объект, и был закреплен в системе элементов состава преступления в качестве факультативного признака, характеризующего объект преступления» [1, с. 9–10].

Эта позиция оказалась воспринятой и в современной уголовно-правовой доктрине. Так, в многотомном Курсе уголовного права, подготовленном авторским коллективом Московского государственного университета, под предметом преступления в теории уголовного права предлагается понимать вещи, по поводу которых или в связи с которыми совершается преступление [2, с. 210–212].

Вместе с тем вопрос о предмете преступления по-прежнему относится к числу дискуссионных в теории уголовного права и до настоящего времени в это понятие вкладывается различное содержание.

Например, высказываются мнения, что предмет преступления не входит в число признаков, характеризующих объект преступления, а относится к факультативным признакам объективной стороны состава преступления [3, с. 10].

Для определения атмосферного воздуха как предмета загрязнения атмосферы предварительно рассмотрим само понятие предмета преступления.

Проблема определения предмета экологического преступления напрямую связана с вопросом понимания того, что является объектом экологического преступления. Коль скоро предмет и объект преступления соотносятся как часть и целое, невозможно определить часть целого, не охватив вниманием целое. Справедливо пишет Э.Н. Жевлаков, что «в экологических преступлениях предмет посягательства всегда следует рассматривать в связи с объектом и наряду с ним. Изолированный анализ предмета не позволяет уяснить то отношение, которому наносится ущерб, порождает ошибки, путаницу в квалификации преступлений» [4, с. 57].

Высокая степень общественной опасности экологических преступлений обусловлена тем, что объектом их посягательства являются стабильность окружающей среды и природно-ресурсный потенциал, а также гарантированное ст. 42 Конституции Российской Федерации право каждого на благоприятную окружающую среду.

Данная оценка важности объектов преступных посягательств, за которые главой 26 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность, в том числе и объекта загрязнения атмосферы, дана Верховным Судом РФ в Постановлении его Пленума от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за

нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [5, с. 2].

Объект преступления – это то, на что посягает преступление, т.е. то, на что оно направлено, что она нарушает и чему причиняет или может причинить вред.

Проблема объекта преступления является одной из дискуссионных в теории уголовного права. В науке уголовного права существуют четыре основных подхода, которые к объекту преступления относят: 1) общественные отношения; 2) общественные отношения и правовую норму; 3) общественные отношения и производственные силы общества, т.е. люди, орудия и средства производства; 4) предмет преступления.

При этом при определении объекта преступления в соответствии с господствующей концепцией исходным положением является признание в качестве такового общественных отношений [6, с. 119].

Исходя из теории «объект преступления – общественные отношения» постараемся определить предмет преступного загрязнения атмосферы.

Факультативным признаком объекта преступления является предмет преступления.

Как уже отмечалось ранее, предмет преступления – это материальный субстрат, предмет материального мира, в связи с которым или по поводу которого совершается преступление, на который непосредственно воздействует преступник, совершая преступление.

Когда таким предметом является человек, то он именуется потерпевшим.

Предмет преступления как факультативный признак объекта преступления является обязательным не во всех составах преступлений, а лишь в тех, в которые он включен в соответствии с диспозицией статьи Особенной части УК РФ.

Предмет преступления и потерпевший от преступления характеризуются определенными признаками, указанными в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ или устанавливаемыми в результате сопоставления данной статьи с другими статьями Особенной части УК РФ.

Предмет преступления отличается от объекта преступления тем, что предмет – материальный субстрат, а объект – чисто социальная категория, не включающая в себя ничего материального. Один и тот же предмет может относиться к сфере разных объектов преступлений.

При определении предмета экологических преступлений возникает много спорных проблем. Часть из них порождена объективными причинами (разнообразие предметов преступных посягательств, их сложное соотношение между собой), часть – субъективными (трудности в ряде случаев из-за невозможности разграничить предмет и средство (орудие) совершения преступления, отсутствие в природоохранном законодательстве не только легитимных определений того или иного охраняемого правом компонента окружающей среды, но даже законодательного акта, регулирующего данную сферу).

В частности, высказывалось мнение, что предметом экологических преступлений следует считать как элементы (компоненты) окружающей среды, так и

продукты человеческой деятельности, оказывающие воздействие на состояние окружающей среды и ее элементов, например опасные радиоактивные, химические, биологические вещества и отходы [7, с. 79].

Однако указанные вещества и т.п. предметы материального мира являются орудиями или средствами совершения экологических преступлений, используя которые человек воздействует на компоненты окружающей среды, и не выступают в качестве самостоятельного предмета экологического преступления. Предметом же экологических преступлений являются компоненты окружающей среды, на защиту которых от преступных посягательств направлено установление уголовной ответственности за конкретные деяния.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 251 УК РФ, выступает такой жизненно важный компонент окружающей среды, неотъемлемая часть среды обитания человека, растений и животных, как атмосферный воздух (преамбула Федерального закона от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»).

В уголовно-правовой литературе высказывались мнения, что предметом преступления, предусмотренного ст. 251 УК РФ, является атмосфера [8, с. 703]. К предмету преступного посягательства относят также и атмосферу, и атмосферный воздух, и его природные свойства, вместе взятые [9, с. 169].

Наличие таких мнений связано, прежде всего, с тем, что действующем природоохранном законодательством четко не разграничены такие понятия, как «атмосфера» и «атмосферный воздух».

Между тем, ученые – исследователи такого направления в науке, как физика атмосферы, разграничивают данные понятия.

Согласно Государственному стандарту ГОСТ 25645.103-84 «Условия физические космического пространства. Термины и определения», разработанному в целях унификации применяемых в науке и технике терминов и определений наиболее общих понятий в области физических условий космического пространства, атмосфера планеты – это газовая среда вокруг планеты, гравитационно связанная с ней.

Атмосфера Земли представляет собой газовую оболочку толщиной примерно 2000 – 3000 км от ее поверхности, которая подразделяется на несколько слоев: тропосфера (8 – 10 (18) км от поверхности в зависимости от широт), стратосфера (11 (19) – 50 км), мезосфера (50 – 80 (90) км), термосфера (80 (90) – 800 км), экзосфера (800 – 2000 (3000) км).

Нижний, основной слой атмосферы – тропосфера – содержит более 80 % всей массы атмосферного воздуха и около 90 % всего имеющегося в атмосфере водяного пара. Суммарная масса воздуха – $(5,1-5,3) \times 10^{18}$ кг. Из них масса сухого воздуха составляет $5,1352 \pm 0,0003 \times 10^{18}$ кг, общая масса водяных паров в среднем равна $1,27 \times 10^{16}$ кг [10, с. 105].

Кроме атмосферного воздуха в атмосфере имеются также озон, углеводороды, соляная кислота, ртуть и другие вещества, испаряющиеся из земной коры в незначительном количестве. В тропосфере постоянно находится большое количество взвешенных твердых и жидких частиц (аэрозоль) естественного

происхождения (например, пепел в результате извержения вулканов).

Рассеянное в атмосфере вещество, не содержащее в ее постоянном составе, является примесью (загрязнителем) (Межгосударственный стандарт ГОСТ 17.2.1.04-77 «Охрана природы. Атмосфера. Источники и метеорологические факторы загрязнения, промышленные выбросы. Термины и определения»).

Таким образом, понятия «атмосфера» и «атмосферный воздух» в их естественно научном толковании соотносятся как целое и часть.

В связи с чем некоторыми авторами даже высказывалось предложение, что ст. 251 УК РФ следует озаглавить «Загрязнение атмосферного воздуха» [11, с. 19].

Действительно, исходя из буквального толкования диспозиции ст. 251 УК РФ, необходимо сделать вывод о том, что предметом посягательства является именно атмосферный воздух, так как атмосфера в диспозиции уголовного закона не упоминается.

Однако предложенное название статьи хотя и устраняет некоторые несоответствия с Федеральным законом «Об охране атмосферного воздуха», но не в полной мере охватывает все указанные в уголовном законе вредные для атмосферного воздуха последствия (в частности иное изменение природных свойств воздуха). Так как действующим российским природоохранном законодательством загрязнение понимается в узком смысле исключительно как поступление в атмосферный воздух вредных (загрязняющих) веществ (см. ст. 1 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха»).

Кроме того, причинение вреда атмосферному воздуху не исключает причинения вреда атмосфере в целом.

Вместе с тем, совершенно очевидно, что необходимо уточнение и приведение в соответствие друг с другом используемых в современных естественных науках, уголовном и природоохранном законодательстве терминов, что позволит упростить толкование и применение норм, устанавливающих уголовную ответственность за загрязнение атмосферы.

Литература:

1. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006. С. 9–10.
2. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 1999. С. 210–212.
3. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2005. С. 10.
4. Жевлаков Э.Н. Уголовно-правовая охрана природной среды в Российской Федерации. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. С. 57.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2012, № 12. С. 2.

6. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. В.В. Луценева. – М.: Издательство Юрайт, 2010. С. 119.

7. Шарипкулова А.Ф. Предмет экологического преступления: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Тюмень: Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2009. С. 79.

8. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика. / Под общ. ред. Председателя Верховного Суда РФ, докт. юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.М. Лебедева; отв. ред. канд. юрид. наук,

проф., заслуженный юрист РФ А.В. Галахова. – М.: Издательский Дом «Городец», 2009. С. 703.

9. Тангиев Б.Б. Научный эколого-криминалистический комплекс (НЭКК) по обеспечению экологической безопасности и противодействию экопреступности / Предисловие докт. экон. наук, проф. В.К. Донченко. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2010. С. 169.

10. Гусакова Н.В. Химия окружающей среды. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 105.

11. Исмаилова П.У. Противодействие загрязнению атмосферы (региональный аспект). – М.: СГА, 2009. С. 19.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Буранов Георгий Константинович

Кандидат юридических наук, доцент

Ульяновский государственный университет

г. Ульяновск

SPECIAL MEASURES TO PREVENT CRIMINALITY SERVICEMEN

Buranov Georgy

Candidate of Science, assistant professor of

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме преступности в российской армии. На основе изучения современного положения дел, точек зрения специалистов рассматриваются различные аспекты совершенствования системы противодействия криминальным проявлениям в вооруженных силах. В статье отмечены пять основных блоков специальных мер воздействия, необходимых для улучшения ситуации.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of criminality in the Russian army. Based on the study of current status, perspectives of specialists discusses various aspects of improving the system of counteraction to criminal manifestation in the armed forces. The article highlighted the five main blocks of special interventions required to improve the situation.

Ключевые слова: *преступность в армии; преступления военнослужащих; специальные меры предупреждения.*

Keywords: *crime in the army; troops of the crime; special measures to prevent.*

Предупреждение преступности военнослужащих имеет существенное значение в современных условиях. Ее отрицательный эффект сказывается не только в общих последствиях преступности в целом, но и имеет собственное «эксклюзивное» выражение – снижение обороноспособности страны и боеспособности российской армии. В свете нестабильности обстановки в мире, усиления негативного восприятия России на международной арене, обострившейся борьбы за обладание запасами природных ресурсов и многих других факторов обладание действенной военной силой является важнейшим аргументом. Обеспечительную основу в этом направлении составляют и специальные меры нейтрализации преступности военнослужащих, коррекции их поведения. Речь идет о широком комплексе мероприятий, реализуемых непосредственно в армейской среде. По своему содержанию и специфике действия их можно сгруппировать в несколько блоков:

1. Надлежащая реализация военных задач и воинского предназначения. Воинский коллектив должен находиться в состоянии перманентной загруженности военной подготовкой, обучением, совершенствованием военного мастерства. Постоянная «воинская занятость» исключает или, как минимум, реально

и существенно ограничивает возможность любой иной, в том числе криминальной активности. В процессе постоянной устремленности подразделения к достижению поставленных командованием целей происходит сплочение воинского коллектива, вырабатывается чувство «локтя» и т.д., которые несовместимы с корыстными посягательствами и внутренними насильственными конфликтами. К спектру мер в данной сфере относятся: непрерывное обучение обращению с вооружением и выработка умений его применения; систематическое проведение военных учений различного уровня; оснащение армии современной техникой и оружием; изучение тактических приемов ведения боя и иных навыков военных действий и т.д.

2. Совершенствование организационно-управленческих основ функционирования армии. Наиболее актуальными и действенными из этого блока мер считаются:

- реальное введение, распространение и обеспечение института альтернативной гражданской службы параллельно с воинской. При существовании *de jure* и отсутствии *de facto* альтернативная гражданская служба создает определенные проблемы: при возрастании социальной апатии и безразличия наша армия рекрути-

рует молодежь, которая по своим убеждениям не готова к службе в ней и, самое главное – противится такой службе, формирует вокруг себя контингент отрицательно настроенных к вооруженным силам лиц;

- увеличение призывного возраста. Предлагается вариант в 21 год, поскольку к этому моменту психика молодых людей становится более устоявшейся, обретается жизненный опыт, зрелые взгляды на жизнь, возможны необходимые для современной армии знания, специальности, полученные при обучении в вузах и колледжах;

- развитие армии на профессиональной основе. Имеется в виду не наемная армия, что первым приходит на ум большинству отечественного населения, а армия подготовленная и обученная и не только на контрактной основе. Результат достижим при изменении принципов призыва. Рационально ввести испытания (экзамены) с целью определения максимального соответствия призывника по своим психофизиологическим параметрам, а также знаниям, навыкам и умениям тому или иному роду войск, и даже строго определенному его подразделению, части. Требуется функциональная специализация воинских частей для проведения дифференциации воинской службы по социально-медицинским показателям (к примеру, их разделение на боевые, учебно-вспомогательные, интендантские и т.д.);

- недопущение к военной службе лиц, ранее судимых за любые насильственные, корыстно-насильственные или тяжкие и особо тяжкие преступления.

3. Надлежащая кадровая и воспитательно-идеологическая работа в вооруженных силах. Перспективными в данной сфере следует признать:

- с целью повышения привлекательности военной службы формирование адекватной современным российским условиям и гарантированной материально-финансовой и социально-бытовой основы для лиц, проходящих службу на контрактной основе, с системой стимулирующих выплат, надбавок и т.п. за отличное выполнение воинских обязанностей и поставленных задач;

- систематическое повышение квалификации лиц, непосредственно контактирующих с воинским коллективом, прежде всего, лиц младшего офицерского состава, прапорщиков, сержантского корпуса. Целесообразно проводить их переподготовку не только в части совершенствования боевых навыков и умений, но и преподавать им основы военной криминологии. Ввиду недостатка криминологических знаний, что отмечают сами офицеры, следует поддержать и рекомендацию о введении в военных вузах специализированной учебной дисциплины «Военная криминология» [7, с. 43];

- ужесточение профессионального отбора абитуриентов при поступлении в военно-учебные заведения. Имеется в виду предъявление повышенных требований как к физической подготовке кандидатов, так и к их интеллектуальному развитию, моральному облику (включая анализ ценностных ориентаций, целей поступления в вуз и т.п.) и психологическому состоянию [10, с. 35];

- учреждение и дальнейшее совершенствование в армии института профессиональных психологов,

обучения военной психологии и конфликтологии командиров подразделений, создание корпуса офицеров-воспитателей (ротного и батальонного звена), отвечающих за нравственно-духовное и идеологическое состояние военнослужащих по призыву, а также непосредственно взаимодействующих с военкоматами по вопросам повышения качества призыва в вооруженные силы и надлежащего отбора призывников;

- учреждение и дальнейшее совершенствование в армии института личного поручительства. По смыслу меры, за каждым призывником на военную службу закрепляются поручители из числа лиц, пользующихся авторитетом и уважением в обществе (например, учителя и другие педагоги, старейшины, священнослужители, государственные и общественные деятели, ветераны и герои войн, и др.). Они ручаются за призывника, гарантируют его надлежащую военную службу, без совершения правонарушений (преступлений – в первую очередь) и несут личную моральную ответственность за его поведение в период призыва. Для содействия в разрешении возникших конфликтов поручители могут посещать соответствующие воинские части. По мнению Р.В. Закомолдина, личное поручительство включает в себе факторы морально-личностного воздействия поручителя на рекомендованного им призывника. Осознание подопечным зависимости авторитета поручителя от качества прохождения им военной службы обуславливает дополнительный стимул к добросовестному поведению в период призыва [3, с. 52];

- одна из наиболее сложных в реализации мер – возрождение военной культуры, идеологии патриотизма и «рыцарского» поведения. Ее нельзя воспринимать с улыбкой, как пафосную или декларативную. Сознание военнослужащих в силу постановки их на грань выживания, насмешек со стороны окружения, разрушения идеологического фундамента, отсутствия военной подготовки, алкоголизации и наркотизации армии и многих других негативных обстоятельств, имевших место в 1990-2000 годы, трансформировалось не в лучшую сторону, можно сказать – деградировало. Ушли исконно важные вещи – понимание военнослужащими своего долга, ответственности перед обществом, цели деятельности. Укоренилось корыстолюбие, нечистоплотный карьеризм. Без восстановления присущих по природе, генетически российской армии идеи защиты Отечества, идеи воинской чести и т.п. переломить пагубные тенденции в психологии поведения военнослужащих невозможно.

Как справедливо отмечает В.В. Антонченко, пример эффективной воспитательной работы можно увидеть в недалеком прошлом. При всех недостатках советской идеологии воспитательная (в то время – политико-воспитательная) работа в Красной Армии не могла быть оценена как ущербная, находилась на вполне высоком уровне. Этому способствовали высокий статус офицеров-воспитателей (в ранге заместителей командиров по политической части), штатные расписания воинских частей, довольно высокое по меркам того времени материальное и техническое оснащение, действительная забота руководителей всех степеней о состоянии морального духа личного состава [2, 142]. Так, незыблемым правилом был показ кинофильмов

личному составу: от двух раз в неделю курсантам военных училищ до трех раз в неделю солдатам. Кинофильмы поставлялись, подбирались по тематике (в том числе уголовно-правовой), своевременно (еженедельно) обновлялись централизованно через кинобазы Министерства обороны [1, с. 107];

- формирование положительной эмоциональной атмосферы в армии, основанной на культурно-массовых, культурно-развлекательных и спортивных мероприятиях, создание и улучшение системы психологической разгрузки и помощи;

- частичная легализация сложившихся в военных коллективах неформальных структур, генерирующих «дедовщину», «групповщину», ложно понятое «землячество» и другие отрицательные явления. Преодолеть их полностью по объективным причинам не реально. Поэтому, во-первых, целесообразно смягчить причиняемые ими «дефекты» воинской среды. В частности, повсеместно организовать с их привлечением мероприятия по посвящению новобранца в солдаты, по проходам демобилизованных военнослужащих из части, по празднованию Дня защитника Отечества и других традиционных солдатских праздников, и т.п. Во-вторых, переориентировать остаточную часть «дедовщины» с криминального профиля на воспитательно-дисциплинарный.

М.С. Корнев рекомендует в качестве наиболее вероятного выхода из ситуации управлять процессами самоорганизации в среде призывников. Должны поддерживаться иерархия и социальные нормы-регуляторы, которые предусмотрены или соответствуют воинским уставам. В дополнение – способствовать скорейшему формированию неформальной субкультуры и иерархии в среде военнослужащих-срочников, а также передаче данных традиций от призыва к призыву [4, с. 65];

- подготовка и проведение курсов лекций, семинаров, тренингов, организация пропаганды допустимых и эффективных способов и приемов разрешения, сглаживания, нейтрализации межнациональных, этнических и иных конфликтов.

В целом речь ведется о привитии военнослужащим потребности вести здоровый образ жизни, что способствует нейтрализации мотивов и причин аддитивного и суицидального поведения, снижает риск вовлечения в делинквентное, криминогенное поведение; о повышении культуры законопослушания в противовес агрессивным криминогенным субкультурам; об обеспечении духовно-нравственных начал в повседневной и профессиональной жизни военных [12, с. 25].

4. Укрепление дисциплины в армии и совершенствование системы военно-правового контроля. Любая армия без надлежащей дисциплины небоеспособна. С другой стороны, дисциплина препятствует криминальным проявлениям среди военнослужащих. В данном блоке мер наиболее рациональными представляются:

- надлежащие организация и оформление, а также совершенствование, развитие деятельности независимой военной полиции, системы оперативно-розыскных мероприятий в воинских подразделениях;

- устранение зависимости военно-надзорных органов (военных прокуратур) от командования Вооруженных Сил РФ, активизация антикриминального потенциала прокурорского надзора [11, с. 5];

- учреждение различных структур (советов, комиссий, комитетов и т.п.) с привлечением общественности по контролю соблюдения прав военнослужащих и профилактике правонарушений и преступлений в воинских частях;

- исключение дискреционных полномочий командного состава в сфере привлечения военнослужащих к ответственности;

- изменение параметров оценки командиров: устранение из оценочной системы критерия наличия/отсутствия правонарушений во вверенных подразделениях;

- введение и неукоснительное следование принципу индивидуальной, личной ответственности военнослужащего за свое поведение, а не его командира;

- изменение отношения должностных лиц в армии к коррупционным действиям и хищениям военного имущества, закрепление и утверждение правила немедленного увольнения военнослужащих, замеченных в злоупотреблениях такого рода;

- обеспечение жесткого уставного контроля за деятельностью и поведением военнослужащих, в том числе внедрение современных технических средств контроля за военнослужащими;

- введение судов чести офицеров и принятие Кодекса чести офицера. Их функционирование будет способствовать созданию в офицерских коллективах обстановки высокой исполнительности, доверия, взаимного уважения, взыскательности, осуждения высокомерия, недисциплинированности, обмана, грубости [5, с. 25].

5. Самостоятельный блок мер противодействия преступности военнослужащих образуют предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения. К наиболее актуальным сегодня следует отнести:

- четкое определение правового статуса военнослужащего как в целом, так и применительно к виду его службы и особенностям привлечения к ней (по контракту, по призыву);

- коренная модернизация системы применяемых дисциплинарных взысканий (увольнение по неработоспособности, исправительные работы, аресты и запреты различных видов и т.д.) с четкой дифференциацией ответственности в зависимости от тяжести и последствий содеянного и характеристик личности виновного;

- организация специализированных воинских судов, судейский корпус которых рекрутировать за счет военнослужащих, имеющих существенную практику службы и знающих ее не понаслышке. Передача созданным судебным инстанциям осуществления правосудия по уголовным делам о воинских преступлениях;

- реализация пакета правотворческих инициатив по развитию военного законодательства (принятие федеральных законов о военном бюджете, о военно-

юридическом аудите и других). Отдельная специальная мера – совершенствование норм Дисциплинарного устава. Документ не согласуется с реалиями современной жизни и армии. Целесообразно включить в него нормы, в частности, устанавливающие дополнительные меры ответственности, основания увольнения при нарушении этических норм военнослужащими, при корыстных посягательствах, не подпадающих под признаки преступления, при коррупционных проявлениях;

- принятие изменений в Уголовный кодекс РФ, которые регламентировали бы ответственность военнослужащих за преступления, совершенные в военное время или в боевой обстановке, а также адекватное ужесточение мер наказания за совершение ими иных тяжких и особо тяжких преступлений [9, с. 16]. Значительный процент военнослужащих, офицеров, ранее совершавших криминальные посягательства, повторяют их вновь, в первую очередь, в период испытательных сроков. Как результат – снижение доверия к офицерскому корпусу, падение морального состояния подчиненных, разложение воинской дисциплины в воинских частях и подразделениях [6, с. 16]. И, хотя Федеральным законом от 28 ноября 2009 г. N 286-ФЗ введено новое основание для обязательного увольнения с военной службы военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, - вступление в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы условно за преступление, совершенное умышленно (подп. "е.1" п. 1 ст. 51 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе"), требуется дальнейшее совершенствование правовых мер воздействия;

- введение комплексного прогнозирования состояния и динамики преступности в российских войсках и воинских формированиях, результаты которого будут, прежде всего, положены в основу планирования системных мер противодействия и криминолого-профилактической работы. К тому же, они могут использоваться для качественного и целенаправленного планирования и осуществления военно-воспитательной работы среди военнослужащих и соответственно улучшения воинской дисциплины и правопорядка в армии и на флоте [8, с. 5].

Заслуживает внимания положительный зарубежный опыт предупреждения преступлений. В данной связи В.А. Шестак считает правильным имплементировать в модифицируемую отечественную криминологическую концепцию предупреждения преступности военнослужащих ряд теоретических аспектов опыта борьбы с правонарушениями военнослужащих в вооруженных силах других государств: комплексное понятие делинквентности; превентивное разрешение криминогенных ситуаций в армейской среде; воспитание ненасильственных установок и навыков у военнослужащих; идеологическое и материальное стимулирование оздоровления семейного образа жизни военнослужащих; комплексное правовое информирование о приемах и методах предупреждения отдельных преступлений военнослужащих и их профилактике; реко-

мендации средствам массовой информации по купированию пропаганды криминогенных факторов в войсках; осуществление военно-научных криминологических исследований; подготовка и воплощение федеральных целевых программ предупреждения преступности военнослужащих [13, с. 37].

Список литературы:

1. Антонченко В.В. Меры предупреждения воинской преступности // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 104-111.
2. Антонченко В.В. Проблемы совершенствования общесоциального предупреждения воинской преступности // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. № 4. С. 139-143.
3. Закомолдин Р.В. Личное поручительство за призывников как средство предупреждения преступлений военнослужащих // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 51-56.
4. Корнев М.С. Насильственная преступность в войсках: причины и перспективные направления противодействия // Сибирский юридический вестник. 2014. № 1. С. 65.
5. Коровин В.М., Пустовалов С.И., Свиридов В.А. Офицерская честь: моральные принципы и правовые нормы // Право в Вооруженных силах. 2004. № 1. С. 25.
6. Мананников Д.Ю. Условное осуждение военнослужащих. М.: За права военнослужащих, 2014. Вып. 136. 160 с.
7. Нехай Р.Ш. Основные направления укрепления воинской дисциплины и формирования здоровой атмосферы в воинских коллективах // Военная мысль. 2004. № 3. С. 43.
8. Оноколов Ю.П. Улучшению правопорядка в войсках поможет комплексное юридическое прогнозирование преступности военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2012. N 3. С. 2 - 5.
9. Харабет К.В. Офицерская преступность как негативное криминологическое явление: состояние, причины, тенденции // Право в Вооруженных силах. 2002. Июль-август. С. 16.
10. Шаповалов В.А. Причины преступности в Вооруженных Силах Российской Федерации и ее предупреждение // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. № 3-4. С. 35.
11. Шестак В.А. К вопросу о критериях оценки эффективности антикриминогенной деятельности органов военной прокуратуры // Военно-юридический журнал. 2014. N 5. С. 3 - 8.
12. Шестак В.А. Современные дефекты правового сознания военнослужащих: влияние на поведение в воинском коллективе и способы нейтрализации // Юридическая психология. 2014. N 2. С. 23 - 25.
13. Шестак В.А. О современных проблемах, общественных потребностях и новых подходах к развитию системы предупреждения преступности военнослужащих // Российский следователь. 2013. N 4. С. 34 - 37.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПУТЁМ УПРОЩЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Егорова Анастасия Игоревна

*Студентка юридического факультета
Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского
г. Симферополь*

OPTIMIZATION OF CRIMINAL PROCEDURE IN THE RUSSIAN FEDERATION THROUGH SIMPLIFICATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Egorova Anastasiya Igorevna

Student of Law Department

Taurian Academy CFU them. Vernadsky

Simferopol

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены насущные проблемы вопроса оптимизации российского уголовного процесса. Автор анализирует не только теоретические основы Уголовно-процессуального кодекса, исторические корни оптимизации, континентальную природу российского уголовного судопроизводства, но и соответствующий зарубежный опыт таких стран, как Австрия и Германия. Сформулированы пределы допустимого упрощения уголовного процесса, обоснована потребность в ограничении особого порядка рассмотрения уголовных дел. Автор приходит к выводу о том, что приведенные в данной работе изменения и критерии, предложенные способы оптимизации уголовного процесса дадут шанс того, что к исследуемому институту будут относиться как к полноценному суду.

ABSTRACT

The article deals with the issue of optimization of the pressing problems of the Russian criminal process. The author analyzes not only the theoretical basis of the Criminal Procedure Code, the historical roots of the optimization, the continental nature of the Russian criminal justice system, but also the relevant international experience in countries such as Austria and Germany. Formulated its limit simplify the criminal process, justify the need to limit the special procedure in criminal cases. The author concludes that given the changes in the criteria and proposed ways to optimize the criminal process will give the chance to the test that the institution will be treated as a full court.

Ключевые слова: *оптимизация, уголовный процесс, уголовно-процессуальная форма, упрощение уголовного судопроизводства, правосудие, особый порядок, сравнительно-правовой анализ.*

Keywords: *optimization, criminal procedure, criminal-procedural form, simplification of criminal proceedings, justice, a special procedure, comparative legal analysis.*

Сегодня в Российской Федерации наблюдается тенденция использования особого порядка рассмотрения уголовных дел в суде. Данная процедура закреплена в разделе X, главах 40, 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и представляет собой относительно новый подход к оптимизации уголовного процесса. Причём законодатель указывает на единственный правильный путь – оптимизация путём упрощения.

Согласно данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за первое полугодие 2015 года из общего числа осужденных лиц – 359 766, 256 592 человека осуждены при применении особого порядка рассмотрения уголовного дела (гл. 40 и гл. 40.1 УПК РФ), что составляет 71, 32% от общего их количества. И согласно ежегодным отчетам о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции, эта цифра неуклонно растет с каждым годом [1].

Это обстоятельство побудило автора данной работы взглянуть на данную проблему с новой стороны, взяв за основу не только теоретические основы УПК РФ, исторические корни оптимизации, но и соответствующий зарубежный опыт.

Помимо указанного, появление института сокращенного дознания – глава 32.1 УПК РФ, введенная ФЗ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» – в совокупности позволяет говорить о проблематике, связанной с современной оптимизацией отечественного уголовного законодательства. Именно поэтому исследуемая мною область является актуальнейшей из проблем современного российского права и остро стоит перед практикой уголовного судопроизводства.

Само же уголовно-процессуальное законодательство на протяжении всей своей истории имеет динамичное развитие; в современных условиях это должно проявляться в обеспечении защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод, что и закреплено нормой статьи 6 УПК РФ [2]. Именно в этом смысле уголовный процесс характеризуется с качественной стороны, когда существует возможность реализовать собственное социальное предназначение, опираясь, в том числе, на основные принципы УПК РФ.

В последние десятилетия в уголовно-процессуальном праве четко прослеживается тенденция к упрощению процессуальной формы и обеспечению тем самым существенной экономии в тех случаях, когда защита не оспаривает установленные органами уголовного преследования фактические обстоятельства дела и их правовую оценку [3, с.5]. Поэтому, является необходимым рассмотреть существующие проблемы такого института, обозначить перспективы его деятельности.

Проблема 1. Отклонение современного российского уголовного судопроизводства от структурных и системных закономерностей его континентальной природы.

Говоря об оптимизации современного уголовного процесса в Российской Федерации путём упрощения на основании зарубежного опыта, необходимо учитывать множество факторов. Во-первых, континентальному по своей сущности УПК РФ навязана англосаксонская модель. Эту проблему и важность её значения поднимали в своих научных трудах такие правоведы, как В. А. Азаров, Д. А. Мезинов и другие [4, с.108, 113].

Необходимо понять, что между англо-американским и континентальными типами уголовного процесса существуют принципиальные отличия. Так, важнейшими из них является принцип состязательности, «безучастная» деятельность судьи и иное. Во-вторых, что немаловажно, англо-американская модель не учитывает историческую приверженность уголовного процесса России, что подвергает сомнению всю систему обеспечения его сбалансированности. Кроме того, существующий уголовный процесс в США приводит к резкому росту тюремного населения. Об этом свидетельствует список всемирного тюремного заключения, согласно которому США занимают первое место в мире по этому показателю: в США количество заключенных на 100000 человек населения составляет 716, в России – 475. В других странах этот показатель ниже: в Германии - 79 на 100000, в Австрии - 98, Норвегии – 72, Финляндии – 58 [5]. Это один из немногочисленных фактов, который поднимает проблему невозможности оптимизации уголовного процесса, который сейчас существует в США.

Оптимизация именно российского уголовного процесса должна быть направлена на улучшение эффективности системы уголовной юстиции с учётом континентальных основ нашего отечественного уголовного процесса, его укрепления. Чтобы добиться успешной реализации такой оптимизации, необходимо: переформулировать задачи уголовного процесса, выставить приоритеты личных, общественных, национальных интересов; укрепить систему принципов путём их расширения; повысить активность судьи и ограничить деятельность по рассмотрению дел в особом порядке уголовного судопроизводства.

Проблема 2. Пределы допустимого упрощения российского уголовного процесса.

Отстаивание национальных российских интересов уголовного законодательства и, в то же время, сравнение уголовного процесса, существующего в некоторых зарубежных странах может происходить только при условии сравнения их на видовом уровне, а

именно речь идет о видовой аналогии между континентальными уголовными процессами (германским, австрийским) и российским. Любопытно будет сначала проанализировать перспективы изменений российского судопроизводства с учётом австрийского опыта, т.к. Австрия и Россия – федерации; у обеих запланированы масштабные реформы уголовно-процессуального законодательства; большинство учёных-правоведов Австрии, экспертов в области права довольны промежуточными итогами проводимых реформ. Австрийский опыт сводится к четырем кардинальным изменениям: расширение возможности прекращения уголовного преследования, изменение роли прокурора на досудебной стадии, правовой статус потерпевшего, вопрос ходатайств. Этот опыт должен быть замечен и проанализирован отечественным законодателем, во избежание напрасных затрат, времени и ошибок при реформировании уголовного судопроизводства России.

Что касается Германии, то её уголовный процесс состоит из двух частей:

1. Рассмотрение дела по существу (состоит из трёх стадий):

1) Проверка достаточности подозрений для предъявления лицу государственного обвинения прокурора;

2) Предварительное рассмотрение дела судом;

3) Судебное разбирательство.

Последние две стадии могут существовать в упрощенной форме, т.к. по каждому возбужденному уголовному делу в Германии всегда проводится полноценное предварительное расследование. Это делает возможным исключить риск судебной ошибки.

2. Исполнительно производство.

Основываясь на опыте упрощенного уголовного процесса в Австрии и Германии, делается возможным определить пределы допустимого упрощения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Допустимость особого порядка путём упрощения:

3. По делам о преступлениях, предполагающих наказание, которое не превышает 5 лет лишения свободы;

4. При наличии хотя бы одной полноценной стадии познавательной деятельности, желательно только после полноценного предварительного расследования.

Проблема 3. Значительный рост количества дел, рассмотренных в особом порядке судебного разбирательства.

Говоря о качественной характеристике современного уголовного процесса в России, необходимо уделить внимание и количественной. Проблема неоднозначная. С одной стороны, значительный рост рассмотрения количества уголовных дел говорит о том, что институт особого порядка в целом имеет положительное отношение у профессиональных участников уголовного производства, с другой стороны – значительный рост количества рассмотренных дел может свидетельствовать об утрате судом функции правосудия. Такой упрощенный процесс, регламентированный разделом X УПК РФ, является следствием увеличения количества дел, поступающих в производство дознава-

телей, следователей, судей, а вместе с этим - расширения сферы применения уголовно-процессуальной формы.

На данный момент, закрепленный в УПК РФ особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве инициировал появление новой формы правосудия по уголовным делам, в котором суд фактически выполняет контрольную функцию за законностью. Суд не осуществляет правосудие, а является, как верно отмечает правовед В. Н. Григорьев, «регистратором» соглашения.

В этом связи с этим, желательным и вполне уместным выглядит предложение отказаться от применения особого порядка судебного разбирательства по делам, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, заменив его на общий порядок. Существующие законопроекты ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ», к сожалению, это не учитывают.

Проблема 4. Риск судебной ошибки в досудебном и судебном производстве.

Сравнив существующие уголовно-процессуальные институты в зарубежных странах, выявив некоторые недостатки особого порядка российского уголовного производства, можно выделить один ключевой момент, в ходе которого возникает проблема – это признание подозреваемым (обвиняемым) своей вины и отсутствие претензий к собранным против него доказательствам, т.е. фактическое соглашение лица. В этом случае судебное следствие отсутствует, как таковое, доказательства не проверяются в суде на допустимость, достоверность, обоснованность обвинительного приговора. Следовательно, возрастает риск судебной ошибки, что в дальнейшем ведет к снижению качества работы дознавателей, следователей, адвокатов, прокуроров, судей. Такое положение грозит их профессиональной деформацией.

Касаемо адвокатов, то у них, вследствие введения института особого порядка рассмотрения дел в уголовном судопроизводстве, стоит проблема профессиональной этики в вопросах 1) когда подзащитный адвоката полностью согласен с предъявляемым обвинением, а у самого представителя подзащитного име-

ется обоснованное сомнение и даже уверенность в невиновности своего доверителя; 2) когда обвиняемый неудовлетворен или крайне недоволен работой адвоката из-за неполученного результата, который обещал его представитель при вхождении в особый порядок.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что введение особого порядка в УПК РФ обусловило достаточно проблем в современном российском уголовном производстве, однако и эти проблемы должны быть беспристрастно решены. В данной работе приведены изменения и критерии оптимизации уголовного процесса путём упрощения, основанные на исторической приверженности уголовного судопроизводства, а также на некотором зарубежном опыте таких стран, как Австрия и Германия. Шанс того, что к исследуемому институту будут относиться как к полноценному суду, безусловно есть. Именно поэтому, учитывая перспективу его развития, отечественный законодатель должен внести в УПК РФ изменения, соответствующие континентальной природе российского уголовного процесса

Список литературы:

5. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3213> / Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2015 года.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (ред. от 30.12.2015) - М.: Проспект. – 2015.
7. Дикарев, И.С. Предисловие / И.С. Дикарев // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. статей. – Москва, 2013. – С. 5-6.
8. Шагинян, А.С. Уголовный процесс: оптимизация или неоправданное упрощение? Обзор круглого стола от 24.09.2015 / А.С. Шагинян, К.В. Скоблик // Актуальные проблемы российского права: сб. статей. – Москва, 2015. – С. 107-114
9. Список всемирного тюремного заключения // Walmsley Roy. (2013, November). World Prison Population List (tenth edition) from http://www.prisonstudies.org/sites/default/files/resources/downloads/wppl_10.pdf

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕРКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Шабунина Оксана Владимировна
судья Волгоградского областного суда,
аспирант кафедры уголовного процесса
и криминалистики

Волгоградский государственный университет
г. Волгоград,

SOME ASPECTS OF INSPECTION AND EXAMINATION OF EVIDENCES IN THE COURT OF APPEAL

Shabunina Oksana,

Volgograd Regional Court Judge

post-graduate student of department of criminal procedure and criminalistics

Volgograd State University,

Volgograd

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы пределов прав суда апелляционной инстанции при проверке и исследовании доказательств на примере института производства судебной экспертизы. Обосновывается возможность судом апелляционной инстанции в некоторых случаях восполнить пробелы, допущенные на стадиях предварительного расследования и судебного следствия в суде первой инстанции. Делается вывод о широких возможностях суда апелляционной инстанции с учетом ревизионного характера апелляционной проверки.

ABSTRACT

The article tackles the issues of limits of the rights of the Court of Appeal at the stage of inspection and examination of evidences as exemplified by an institution of the procedure of forensic expert investigation. A possibility of filling a gap introduced at the stage of pre-trial investigation and court investigation in the Court of the First instance by the Court of Appeal in some cases is given ground. A conclusion about manifold possibilities of the Court of Appeal is made considering audit nature of the appeal inspection.

Ключевые слова: *проверка и исследование доказательств; суд апелляционной инстанции; судебное разбирательство; назначение судебной экспертизы.*

Keywords: *inspection and examination of evidence; the Court of Appeal; lawsuit; a forensic expert investigation commission.*

Вопросы доказывания при производстве по уголовному делу в суде апелляционной инстанции занимают важнейшее место и остаются дискуссионными, хотя с момента введения апелляционного производства (глава 45.1 УПК РФ) прошло уже три года.

В ч.6 ст. 389.13 УПК РФ закреплён порядок рассмотрения ходатайств сторон об исследовании доказательств со ссылкой на положения ч.1 и 2 ст. 271 УПК РФ – новых и тех, которые уже исследовались судом первой инстанции. В ч.7 этой же статьи упоминается о полномочии суда апелляционной инстанции с согласия сторон рассмотреть жалобу, представление без проверки доказательств, исследованных судом первой инстанции.

Что понимает законодатель под проверкой и исследованием доказательств, попробуем определить на примере института производства судебной экспертизы.

Понятие проверки доказательств раскрыто в ст. 87 УПК РФ и подразумевает под собой сопоставление доказательств субъектом доказывания, в том числе, и судом, с другими имеющимися в деле доказательствами, установление их источников, получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Исключая возможность использования в законе одного и того же понятия для обозначения различных процессуальных действий, следует резюмировать, что в ст. 389.13 УПК РФ речь

идет о проверке доказательств в смысле, придаваемом указанному понятию ст. 87 УПК РФ.

С проверкой доказательств тесно связано и понятие исследования доказательств, что подтверждается положениями ст. 389.13 УПК РФ, в которой данные понятия во взаимосвязи упоминаются неоднократно.

Статья 240 УПК РФ указывает на необходимость исследования доказательств посредством заслушивания показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключений экспертов, оглашения протоколов и производства иных судебных действий. Достаточно полное определение понятию «исследование доказательств» даёт Белкин Р.С., подразумевая под исследованием доказательств познание следователем, судом их содержания, проверку достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказательства, установление согласуемости данного доказательства со всеми остальными доказательствами по делу [1, с. 48].

По мнению некоторых авторов, в соответствии с ч.7 ст. 389.13 УПК РФ проверка доказательств не предполагает их обязательного исследования судом апелляционной инстанции. С согласия сторон, оспаривающих лишь оценку доказательств, можно не проверять доказательства и по тем уголовным делам, по которым сторонами оспариваются фактические обстоя-

тельства дела. В таком случае ответ на доводы апелляционных жалобы, представления, касающихся оценки доказательств, возможен судом апелляционной инстанции, исходя из оценки в совещательной комнате уже исследованных судом первой инстанции доказательств, признанных допустимыми, достаточными и относимыми к предмету доказывания [2, с. 58].

С данной позицией можно согласиться, если стороны не оспаривают доказательства по делу. Вместе с тем, думается, что данное обстоятельство не освобождает обязанность суда апелляционной инстанции к непосредственному исследованию и познанию доказательств в случае, когда стороны указывают на их недопустимость, внутреннюю противоречивость или противоречия между доказательствами, положенными в основу оспариваемого судебного решения.

В настоящее время нередки случаи назначения экспертиз в суде апелляционной инстанции, в том числе, исходя из системного толкования положений ст. 389.13 УПК РФ, экспертиза может быть назначена и по инициативе суда апелляционной инстанции.

В случае, когда имеются сомнения во вменяемости осужденного, а его психическое состояние не установлено ни в ходе предварительного расследования, ни при рассмотрении дела судом первой инстанции, суд апелляционной инстанции, с учетом требований ст. 196 УПК РФ должен назначить судебно-психиатрическую экспертизу осужденному.

Так, по приговору районного суда Г. был признан виновным в совершении ряда умышленных, в том числе, особо тяжких преступлений.

В ходе предварительного расследования была проведена амбулаторная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, в выводах которой указывалось, что комиссия предполагает наличие у Г. психического расстройства в форме органического расстройства личности и поведения, однако в условиях амбулаторной психолого-психиатрической экспертизы решить диагностические вопросы не представляется возможным, а поэтому целесообразно проведение стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Вместе с тем, следователь, указав на противоречия между выводами психиатров и психолога, назначил повторную амбулаторную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, при проведении которой комиссия экспертов пришла к выводу о том, что Г. каким-либо хроническим психическим расстройством не страдал и не страдает, а потому мог и может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

При рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции установлено, что амбулаторная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза не содержит выводов по поставленным следователем вопросам, следовательно, в данном заключении отсутствуют какие-либо противоречия, и в силу ч. 2 ст. 207 УПК РФ у следователя не имелось оснований для назначения повторной амбулаторной экспертизы.

Поскольку повторная судебная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза назначена и проведена без достаточных к тому процессуальных ос-

нований, заключение первичной экспертизы в материалах дела фактически отсутствовало, суд апелляционной инстанции посчитал необходимым назначить по делу амбулаторную комплексную комиссионную судебную психолого-психиатрическую экспертизу, из заключения которой следовал вывод об отсутствии у Г. психических расстройств и иных болезненных состояний психики, как в момент совершения инкриминируемых преступлений, так и во время проведения экспертизы [3].

Из приведенного примера следует, что апелляционная инстанция восполнила пробел и ошибку, допущенные на стадии предварительного следствия и оставленные без внимания судом первой инстанции, однако приговор суда не был отменен, вступил в законную силу, поскольку нарушение процессуального закона было устранено на стадии апелляционного производства.

Вместе с тем, не любое нарушение процессуального закона, связанное с назначением и производством экспертизы, может быть устранено судом апелляционной инстанции.

Так, Р. был осужден по приговору суда по п. «з» ч.2 ст.112 УК РФ за причинение ножевого ранения потерпевшему Б. в бедро, повлекшее, в соответствии с предъявленным Р. обвинением, средней тяжести вред здоровью по признаку длительности его расстройства сроком более 21 дня. Потерпевший впоследствии скончался. По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть потерпевшего наступила в результате основного заболевания и повреждения: кардиомиопатии смешанного генеза и острой травмы в виде колото-резаного ранения правого бедра, которые в совокупности привели к развитию угрожающего для жизни состояния (острая сердечная недостаточность); отдельно колото-резанное ранение правого бедра квалифицировалось бы как средней тяжести вред здоровью.

Органы предварительного расследования не установили причинно-следственной связи между действиями Р. и смертью потерпевшего Б. С данными обстоятельствами согласился и суд первой инстанции. Однако в соответствии с предъявленным Р. обвинением, последний причинил потерпевшему ножевое ранение правого бедра с повреждением бедренной артерии.

В соответствии п.6.1.26 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. №194н, к вреду здоровью, опасному для жизни человека, создающему непосредственно угрозу для жизни (т.е. к тяжкому вреду здоровью) относится, в том числе, повреждение бедренной артерии и (или) сопровождающих ее магистральных вен.

Кроме того, в выводах судебно-медицинской экспертизы №1929 от 22 декабря 2014 г. одно и то же телесное повреждение, имеющееся у потерпевшего, квалифицированное как причинившее средней тяжести вред здоровью, именовалось по-разному: как «колото-резаное ранение правого бедра с повреждением бедренной артерии», что в соответствии с вышеназван-

ными Медицинскими критериями относится к тяжкому вреду здоровью; как «слепое ранение правого бедра с повреждением глубокой вены бедра», как «колото-резаное ранение правого бедра с повреждением приотков бедренной вены».

Имеющиеся противоречия в выводах эксперта относительно степени тяжести вреда здоровью потерпевшего Б. ни на стадии предварительного следствия, ни судом устранены не были, хотя на это указывала потерпевшая, ходатайствуя перед судом первой инстанции о возвращении дела прокурору. Вместе с тем, правильное определение степени тяжести вреда здоровью, причиненного потерпевшему, имело существенное значение для правильного разрешения дела и квалификации действий Р.

Учитывая положения ст.252 УПК РФ, исключющие в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого и препятствующие самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона, когда им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления, суд апелляционной инстанции, исследовав заключение судебно-медицинского эксперта, принял решение об отмене приговора и возвращении дела прокурору на основании п. 6 ч.1 ст.237 УПК РФ [4].

Из приведенных примеров видно, что предусмотренный главой 45.1 УПК РФ ревизионный характер апелляционной проверки, в том числе, возможность при определенных обстоятельствах отмены судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного (оправданного), отводят суду достаточно активную роль при проверке и исследовании доказа-

тельств. Хотя данные положения закона и подвергаются критике, с указанием недопустимости возложения на суд решения вопроса об обоснованности исследования доказательств, поскольку это является правом апеллянта <5>, но в ситуации, когда ни одна из сторон не проявляет инициативы в исследовании доказательств, суд апелляционной инстанции, не будучи ограниченным формальной проверкой правильности применения нижестоящим судом норм материального и процессуального права, может проверить имеющиеся доказательства и исследовать новые с тем, чтобы установить, насколько выводы нижестоящего суда обоснованы и подтверждаются исследованными доказательствами, в какой мере эти выводы соответствуют установленным фактам.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С.48.
2. Аверкин А., Кудрявцева А., Смирнов В. Проверка и исследование доказательств в суде апелляционной инстанции // Уголовное право. 2012. № 6. С. 58.
3. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 6 мая 2014 года (22-578/2014) [Электронный ресурс] // Волгоградский областной суд. — URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/> (дата обращения: 19.11.2015).
4. Приговор Кировского районного суда г. Волгограда от 17 августа 2015 года (1-159/2015) [Электронный ресурс] // Волгоградский областной суд. — URL: <http://kir.vol.sudrf.ru/> (дата обращения: 17.11.2015).
5. Васяев А.А. Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде апелляционной инстанции // Адвокат. 2011. № 6. С. 33.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕСТА ХОВЕЙ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ США

Троекуров Павел Сергеевич

*аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права
Саратовской государственной юридической академии
г. Саратов*

APPLICATION OF TEST HOWEY IN LEGAL REGULATION OF THE US

Troekurov Pavel Sergeevich

postgraduate student of financial, banking and customs law

Saratov State Law Academy

Saratov

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу американского института ценных бумаг. Автором исследуется применение теста Ховей, чтобы отнести различные инвестиционные правоотношения к понятию security. С учетом состояния российского рынка ценных бумаг и используя опыт США, автор дает рекомендации по совершенствованию правового регулирования российского фондового рынка.

ABSTRACT

The article deals with the analysis of the American institute of securities. The author explores the use of the test Howey to include various investment relationships to the concept of security. Given the state of the Russian securities market, and using the experience of the United States, the author gives recommendations for improving the legal regulation of the Russian stock market.

Ключевые слова: *ценные бумаги; инвестиционный контракт; тест Ховей; инвесторы.*

Key words: *securities; investment contract; test Howey; investors.*

В настоящее время в России реализуется нормативистская теория, использующая принцип «закон превышает всего». Однако не всегда законодательство соответствует изменяющейся экономике, а закон иногда даже может тормозить развитие экономических отношений.

В США своевременное и правильное решение по каждому судебному делу принимает суд, а в основе решений лежит принцип «право справедливости выше общего права». В России же необходимо длительное принятие дополнений или изменений к закону. До тех пор пока в России экономика будет зависеть от правовой нормы, а не наоборот, страна обречена руководствоваться законодательством, постоянно требующим изменений и дополнений, содержащим большое количество ошибок, затрачивая время и силы не на плодотворное законотворчество, а на преодоление различного рода барьеров, которые препятствуют развитию рыночных отношений.

Механизм регулирования рынка ценных бумаг в Российской Федерации заимствовал опыт правового регулирования рынка ценных бумаг США. Так, в двух странах очень похожи законодательные требования, направленные на обязательную государственную регистрацию выпусков ценных бумаг, участников этого рынка и т.д. Однако говорить о соответствии в правовом регулировании рынка ценных бумаг было бы неверно. В первую очередь различия касаются понятий ценные бумаги в России и *securities* в США, а также отношений, которые регулируются законами о рынке ценных бумаг [1, с. 83].

Обычно на английский язык ценные бумаги принято переводить как *securities* и использовать аналогичный обратный перевод [2]. Это представляется самым приемлемым переводом, хотя он и не самый

точным, т.к. ценные бумаги в российском праве не совпадают как по объему, так и отличны в правовом содержании. Различные виды ценных бумаг, которые установлены законодательством России, могут быть охарактеризованы как *securities* на основании понятия *securities*, которое сложилось в США. Следовательно, термин *securities* при переводе на английский язык может применяться только к некоторым видам ценных бумаг, которые известны в России.

Правовое регулирование *securities* в США осуществляется и на федеральном уровне, и на уровне отдельных штатов. Однако в американском праве нет четко сформулированного понятия ценной бумаги, а есть только перечисление их видов, которое не выделяет существенных признаков, присущих отдельным видам *securities*, как объектам регулирования законом.

Securities в законодательстве США имеют значительно более широкое толкование, чем определение просто ценной бумаги, – как документа, который зафиксирован в определенной форме и обладает обязательным набором реквизитов. Это связано с тем, что к моменту принятия закона о *securities* в США в 1933 г. все основные их виды уже существовали на практике, и, принимая закон Securities Act of 1933, Сенат посчитал возможным ограничиться только их перечислением. Поэтому такое широкое определение *securities* часто вызывает значительные проблемы в правоприменительной и, особенно, в судебной практике.

Определение *securities* содержит Securities Act of 1933 (§ 2(1)), учитывая изменения, внесенные в 1982 г. Конгрессом США. Такие же изменения были внесены в Securities Exchange Act of 1934 (параграф 3(a)(10)), в Investment Company Act of 1940 (параграф 2(36)) и в Investment Advisers Act of 1940 (параграф 202(a)(18)).

Итак, понятие securities в § 2(1) Securities Act of 1933 трактуется: «Если из контекста не следует иного, термин security обозначает любое долговое обязательство, акцию, собственную акцию компании, которая хранится в финансовом отделе этой компании, облигацию, необеспеченное долговое обязательство, свидетельство о наличии долга, сертификат о наличии интереса или участия в любом соглашении о разделе прибыли, сертификат об обеспечении securities, который находится у доверительного собственника, выдаваемое до регистрации компании свидетельство или подписной сертификат, акцию, разрешенную к продаже, инвестиционный контракт, сертификат участия в голо-сующем трасте, свидетельство о депонировании security, долевой и неделимый интерес в праве на нефть, газ или в праве на другие материальные ресурсы, любую сделку «пут», «колл», «стрэддл», опцион или привилегию в отношении любой security, депозитного сертификата или индекса security (включая любой поименованный выше интерес или основывающийся на его стоимости), или любую сделку «пут», «колл», «стрэддл», опцион или привилегию, заключенную на национальных фондовых биржах в отношении иностранной валюты, или вообще любой интерес или инструмент, общеизвестный как security, или любое свидетельство интереса или участия, временное и промежуточное свидетельство, квитанцию, гарантию или варрант или право подписаться или приобрести любой из выше перечисленного» [3].

У.Э. Батлер подчеркивает: «В США нет понятия ценной бумаги – просто существует список того, что подлежит регулированию Комиссией по ценным бумагам и биржам (U.S. Securities and Exchange Commission, SEC). Новые виды производных ценных бумаг появляются на рынке довольно часто» [4, с. 56]. Следовательно, в понятие security входит фактически любой фондовый инструмент.

В основе понятия securities по американскому законодательству лежит подробный анализ содержания конкретной правовой связи между эмитентом и держателем securities. Следовательно, под понятие securities подпадает не только определенная ценная бумага в ее классическом понимании (облигация, акция), но и любое другое правоотношение двух и более лиц, которое может создать инвестиционный интерес для одного из них в предприятии другого, что делает несколько условными понятия «эмитент» и «держатель». Более того, как считает Верховный суд США, Конгресс США при принятии *Securities Act of 1933* преднамеренно не старался дать точное определение понятию security, тем самым предоставляя возможность SEC и судам США относить к этому понятию различные финансовые сделки [5, с. 47].

Первостепенное значение определению securities в правоприменительной деятельности придается в решениях, принимаемых Верховным судом США. Обычно такие решения называют тестами и в них содержатся основные признаки, которые характерны разным видам securities. Целью принятия *Securities Act of 1933* было уменьшение риска возможных потерь для инвесторов, защита интересов и прав инвесторов-владельцев securities от действий недобросовест-

ных эмитентов. Из анализа цели, преследуемой государством при принятии *Securities Act of 1933*, и вытекает судебное толкование securities, которое полагает, что важно анализировать смысл закона, а не ограничиваться только прочтением его текста. Основной задачей судебных органов США является определить инвесторов, которым необходима повышенная правовая защита *Securities Act of 1933* [6, p. 23-25].

Это потребовало от правоприменителей разработать определенные критерии для того, чтобы отнести различные инвестиционные правоотношения к понятию security. Вскоре в судебной практике были разработаны такие критерии. В деле *SEC v. W.J. Howey Co.*, которое в 1946 г. было рассмотрено Верховным судом США, и были сформулированы такие критерии. Метод, примененный при рассмотрении этого дела Верховным судом США, на долгие годы стал ориентиром для судебной системы и получил название «тест *Howey*» [7].

В деле *SEC v. W.J. Howey Co.* потенциальным покупателям было предложено купить участки плантации цитрусовых, контракты на их выращивание с последующей продажей и переводом чистой прибыли тем, кто приобрел участки. Ответчиками выступали компании W.J. Howey Co. и *Howey-in-the-Hills Service Inc.*, которые на основании законодательства штата Флориды были корпорациями. Они имели в собственности значительные по площади плантации цитрусовых, которые были под общим контролем и управлением. Каждому вероятному покупателю было предложено заключить не только договор о продаже участка земли, но также и договор на его обработку сроком 10 лет без права расторжения его досрочно. *Howey-in-the-Hills Service Inc.* предоставлял «право исключительного и полного» владения участками.

За возмещение стоимости материалов и затраченного труда плюс определенное вознаграждение компания получала права по выращиванию, сбору и продаже урожая. Продавать урожай без ее согласия собственники земли не имели права. Следовательно, они не обладали правом на полученные цитрусовых. Перед собственниками участков земли компания отчитывалась только за полученные доходы. Ответчики вели бизнес от своего имени и собирали всю продукцию. За период с 31 мая 1940 г. по 31 мая 1943 г. было продано около 85% площадей, и они были охвачены договорами на обслуживание, которые также были заключены именно с этой компанией [8].

По инициативе SEC было начато судебное разбирательство. SEC к компаниям W.J. Howey Company и *Howey-in-the-Hills Service, Inc.* был предъявлен иск о наложении запрета на компании использовать между штатами почту и средства торговли при предложении и продаже securities, которые не прошли регистрацию и не были от нее освобождены, что нарушало параграф 5(a) *Securities Act of 1933*. Требования SEC были обоснованы тем, что договоры о продаже участка земли и на их обслуживание, которые были предложены ответчиками, должны рассматриваться вместе как инвестиционный контракт, т.е. являлись securities на основании параграфа 2(1) *Securities Act of 1933*.

Принявший решение Верховного Суда судья Мерфи написал: «под «инвестиционным контрактом»

для целей *Securities Act of 1933* следует понимать контракт, коммерческую операцию или схему, посредством которых лицо вкладывает свои деньги в общее предприятие, руководствуясь ожиданием доходов исключительно от усилий его организатора или третьего лица; при этом не имеет существенного значения, выражаются ли доли участия в предприятии формальными сертификатами или номинальными интересами в материальных активах, используемых в предприятии» [9].

Тест, который был сформулирован на основании этого определения для установления наличия инвестиционного контракта, состоит в том, является ли схема инвестирования денег в общее предприятие, если доходы получены исключительно от усилий других лиц. На основании сформулированного теста и применив его к заключенным договорам, судья пришел к выводу, что в таком понимании они представляют инвестиционный контракт.

Далее в решении было указано, что компании-участники предоставляли возможность инвестировать деньги, а также принимать участие в разделе полученной прибыли большого предприятия цитрусовых, которое принадлежало и управлялось ответчиком. Компании предлагали такую возможность лицам, которые проживали в отдаленных регионах, а также не обладали опытом и оборудованием, необходимым для возделывания сада, сбора полученного урожая и продажи цитрусовых. Лица, заключившие контракты, не имели никакого желания купить землю или обрабатывать ее самостоятельно. Их привлекли только перспективами получения прибыли от своих вложений.

Индивидуальное возделывание участков земли, которые были предложены и проданы, из-за их небольшого размера экономически было бы практически неосуществимо. Только когда земельные участки обрабатывались как части большой площади, они становились цитрусовым садом и приобретали полезность. Общее предприятие, которое управлялось ответчиками, обладающими оборудованием и персоналом, было необходимо для получения инвесторами отдачи от вложенных ими средств. Поэтому судья пришел к заключению, что в рассматриваемом деле были в наличии все необходимые элементы коммерческого предприятия, которое было направлено на извлечение доходов. Инвесторы вкладывали капитал и принимали участие в разделе прибыли, а компании управляли и осуществляли контроль над предприятием. Следовательно, договоренности, в которых присутствуют интересы инвесторов, являются инвестиционными контрактами независимо от используемой юридической терминологии.

Интерпретация понятия «инвестиционный контракт», данная Верховным судом США в деле *SEC v. W.J. Howey, Co.*, позволяет прийти к выводу, что в содержание понятия *security* высшая судебная инстанция внесла изменения. На основе решений по делу *SEC v. W.J. Howey, Co.* были разработаны тесты.

Тест *Howey* стал основанием для развития понятия *securities* в дальнейшем при исследовании других инструментов (не только инвестиционных контрактов), которые регулируются *Securities Act of 1933*. Тест *Howey* применяют, когда однозначно инструмент не

может быть определен на основе специальных тестов (таких как акция) и требуется более широкое определение. Наличие в правоотношении четырех составляющих позволяет прийти к выводу, что оно является *security*:

1) *Инвестирование денег* – передача инвестором денег в пользование (собственность) другого лица (эмитента) с целью получить доход (прибыль).

2) *Общее предприятие* – любое дело в бизнесе, где в той или иной степени участвуют несколько человек (организаций). Основой для вложения средств были общие для всех инвесторов условия, а приобретенный контракт на *securities* не является результатом персональной договоренности между инвестором и организатором выпуска (эмитентом). Например, в деле *Marine Bank v. Weaver* [10] банковский депозитный сертификат суд не признал *security*, т.к. он был приобретен на основании персональной договоренности приобретшего сертификат и эмитента. В контракте содержались условия, которые были оговорены сторонами именно для этого инвестора.

3) *Получение прибыли* (дохода) от объекта вложения средств является целью инвестора. Специалисты полагают, что прибылью (доходом) могут быть как деньги, так и объекты иного рода [11, р. 134]. Но это утверждение не всегда подтверждается в американском суде. Например, в решении по делу *United Housing Foundation, Inc. v. Forman* Верховный суд США пришел к заключению, что вложенные средства в совместный проект строительства жилого дома не являются *securities*. В своем решении суд отметил, что результатом вложения средств должно было стать получение в собственность квартир, т.е. этот договор являлся контрактом в жилищной сфере, а не инвестиционным контрактом. Такой контракт не был признан *securities* на основании того аргумента, что в нем между эмитентом и инвесторами был запрет отчуждать квартиры после постройки дома, т.е. инвесторам не предоставлялась возможность на получение прибыли от продажи квартир [12].

4) Усилия исключительно самого учредителя предприятия или третьих лиц дает возможность отличить *securities* от других видов инвестиций.

На основании данного теста любое инвестиционное правоотношение в судебной практике США, независимо от его формы, признается *securities* для целей *Securities Act of 1933*. Так, договор на продажу и обслуживание земельного участка, сделки с компаниями, работающими как сетевой маркетинг, контракт плавающей ренты также были отнесены к *security*.

В литературе отмечается, что тест *Howey* не может быть универсальным [13, с. 55], а его критерии в дальнейшем необходимо детализировать. В уточнении понятия *securities* нуждается не только часть понятия об инвестиционных контрактах, но и уже устоявшиеся инструменты.

Однако если суд признал инструменты *securities*, но их эмиссия не была зарегистрирована по *Securities Act of 1933* и *Securities Exchange Act of 1934*, то автоматически эмитенты несут ответственность перед всеми инвесторами за размещение ценных бумаг, которые не прошли регистрацию. Чаще всего с требованиями о признании инструмента *securities*, которое

не прошло обязательную регистрацию в SEC, чаще всего выступают инвесторы для расторжения невыгодной для них сделки по приобретению финансового инструмента.

Право США основывается на инвестиционном характере *securities*, обладающих высокой степенью потери вложений, которые были потрачены на их приобретение, при этом не столь важна форма, которая фиксирует соответствующее право [14, с. 230-231].

История развития в США института *securities* доказывает, что в ответ на запросы коммерческой практики американский законодатель находил и определял основные черты комментируемого инструмента на протяжении длительного периода времени, но до настоящего времени так и не смог определиться по некоторым вопросам. Российскому законодателю, возможно, пока не следует торопиться. Совершенствование российского законодательства о рынке ценных бумаг было бы достигнуто значительно быстрее в том случае, если бы было основано на более тщательном изучении и обобщении опыта США.

Итак, в системе права США отсутствует родовое понятие *securities* подобно определению ценных бумаг в российском праве. Это связано с тем, что в США существует англо-саксонская правовая система, в которой каждый инвестиционный инструмент приобретает индивидуальное правовое регулирование. Подобное регулирование *securities* позволяет эффективнее обеспечивать меняющуюся экономику инвестициями. Действительно, многочисленные споры о природе ценных бумаг в России и способах их регулирования связаны с постоянными попытками подогнать под категорию «ценные бумаги» противоречивые инструменты, что тормозит развитие рыночной экономики.

Необходимо отметить и то, что если практики-финансисты и ученые-экономисты достаточно свободно используют различные понятия финансовых инструментов, то у юристов введение и использование новых категорий рынка ценных бумаг и их внедрение в гражданское законодательство вызывает споры относительно их гражданско-правовой сущности. Особенно это касается производных финансовых инструментов (деривативов) и ценных бумаг.

В связи с этим необходимо более внимательно исследовать проблему инвестиционной деятельности в России, особое значение придав созданию механизма защиты прав инвесторов независимо от наименования и рода сделки, в основе которой лежит передача средств в пользование (собственность) другим лицам с целью получения прибыли. Не только для теории, но и для практики необходимо разработать широкое определение не только ценных бумаг, но и инвестиционных ценных бумаг, которое будет охватывать все возможные правоотношения (виды инструментов), которые требуют государственной регистрации их выпусков. Если этого не произойдет, то недобросовестные эмитенты с целью привлечь инвесторов будут постоянно

придумывать новые наименования инструментов и их использовать. Судебные органы будут вынуждены исследовать правовую основу новых инструментов вместо того, чтобы либо аннулировать осуществленные без соответствующей регистрации сделки, либо вообще прекратить деятельность таких эмитентов. Для защиты интересов инвесторов в России и активизации их инвестиционной деятельности необходима разработка не только такого определения, но и соответствующего законодательства

Список литературы:

1. Майфат А.В. Ценные бумаги (сравнительный анализ понятий в правовых системах России и США) // Государство и право. 1997. № 1. С. 83-91.
2. Кашкин С.Ю., Мамулян А.С. Англо-русский полный юридический словарь. М.: Рэббит. 1993. С. 331; перевод Гражданского кодекса РФ в журнале «Review of Central and East European Law», 1995. V. 21. № 3, 4. P. 323.
3. Полный текст закона на английском языке представлен на сайте SEC. *Securities Act of 1933* [As Amended Through P.L. 112-106, Approved April 5, 2012] URL: <http://www.sec.gov/about/laws/sa33.pdf>.
4. Батлер У. Э. Некоторые юридические соображения по поводу финансового кризиса в США // Бизнес, менеджмент и право. 2009. № 2 (19). С. 56.
5. Пенцов Д. А. Понятие «security» и правовое регулирование фондового рынка США. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 302 с.
6. Hazen T. *The Law of Securities Regulation*. United States, West Group Publishing 1990. 919 p.
7. SEC v. W.J. Howey Co. 328 U.S. P. 293, 298-299, 66 S. Ct. 1100, 1102-03, 90 L. Ed. 1244 (1946). URL: <http://www.sec.gov/about/laws/>
8. SEC v. W.J. Howey Co. 328 U.S. P. 295, 66 S. Ct. 1100, 1102-03, 90 L. Ed. 1244 (1946). URL: <http://www.sec.gov/about/laws/>
9. SEC v. W.J. Howey Co. 328 U.S. P. 298-299. 66 S. Ct. 1100, 1102-03, 90 L. Ed. 1244 (1946). URL: <http://www.sec.gov/about/laws/>
10. *Marine Bank v. Weaver*, 455 U.S. 551, 559 (1982). URL: <http://www.sec.gov/about/laws/>
11. Larry D. Soderquist *Securities Regulation*. Third Edition. Published 1994 by Foundation Press in Westbury, N.Y. 786 p.
12. *United Housing Foundation, Inc. v. Forman*, 421 U.S. 837. 95 S. Ct. 2051, 44 L. Ed. 2d 621 (1975). URL: <http://www.sec.gov/about/laws/>
13. У. Э. Батлер., М. Е. Гаши-Батлер. Корпорации и ценные бумаги по праву России и США. М.: Зерцало. 1997. 128 с.
14. Агарков М.М. подчеркивал важность инвестиционного элемента при определении сущности ценных бумаг в России и в странах континентальной системы. См.: Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М.: БЕК, 1994. 350 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР УТВЕРЖДЕНИЯ РАСХОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шевелько Дмитрий Александрович

Аспирант Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации.

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE LEGISLATIVE PROCEDURES FOR APPROVAL OF THE GENERAL COMMITMENTS CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Shevelko Dmitry

Post-graduate student of the State Research institute of system analysis of the Account Chamber of the Russian Federation.

В докладе рассматриваются вопросы бюджетных полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации при проведении законодательных процедур утверждения расходных обязательств субъектов Российской Федерации. По результатам проведенного анализа сформулированы выводы о достаточности правовой базы утверждения расходных обязательств.

The article addresses the issues of budget powers of public authorities of subjects of the Russian Federation in legislative procedures approval of the general commitments constituent entities of the Russian Federation. According to the result of the analysis the conclusions about the adequacy of the legal framework for the approval of the general commitments.

Ключевые слова: *расходные обязательства, утверждение, законодательные процедуры, субъекты Российской Федерации, бюджетные полномочия, расходы бюджета.*

Keywords: *general commitments, approval, the legislative process, constituent entities of the Russian Federation, budgetary authority, budgetary expenditure.*

Формирование расходных обязательств анализируемых субъектов Российской Федерации осуществляется путем их планирования и отображения в реестре расходных обязательств субъектов Российской Федерации.

Данные реестра расходных обязательств анализируемых субъектов Российской Федерации являются основой для формирования проекта бюджета субъекта Российской Федерации.

Расходные обязательства анализируемых субъектов Российской Федерации исходя из их понятия, определенного Бюджетным кодексом Российской Федерации (далее – БК РФ), будут являться «действительными» и подлежащими исполнению при условии их наличия в бюджете субъекта Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период.

Принятию расходных обязательств анализируемых субъектов Российской Федерации предшествуют, предусмотренные их законодательством, процедуры их утверждения.

Законодательные процедуры рассмотрения и утверждения расходных обязательств субъектов Российской Федерации (далее – законодательные процедуры) можно определить как процесс рассмотрения и утверждения проекта закона о бюджете субъекта Российской Федерации по расходам законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации путем рассмотрения показателей расходов бюджета, их соответствия документам стратегического планирования субъекта Российской Федерации.

Законодательные процедуры по своему содержанию аналогичны стадиям бюджетного процесса анализируемых субъектов Российской Федерации.

Законодательной основой для процедур рассмотрения и утверждения их расходных обязательств в анализируемых субъектах Российской Федерации являются: БК РФ, законы субъектов Российской Федера-

ции, регламентирующие бюджетный процесс, регламенты законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации и другие нормативные правовые акты субъекта Российской Федерации.

При этом определение бюджетного процесса в законодательстве большинства анализируемых субъектов Российской Федерации отсутствует. В связи с чем, ряд ученых считает это недостатком законодательства анализируемых субъектов Российской Федерации [9]. В части анализируемых субъектов Российской Федерации (11,5%): города федерального значения Севастополь и Санкт-Петербург, Мурманская область, имеется определение бюджетного процесса.

В законодательных процедурах участвуют соответствующие органы государственной власти, которые имеют конкретные бюджетные полномочия.

Законы анализируемых субъектов Российской Федерации предусматривают в основном участие следующих органов государственной власти в законодательных процедурах:

- 1) глава субъекта Российской Федерации;
- 2) законодательный (представительный) орган власти субъекта Российской Федерации;
- 3) высший орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации;
- 4) финансовый орган субъекта Российской Федерации;
- 5) высший орган внешнего государственного финансового аудита (контроля).

В отношении закрепления бюджетных полномочий в отношении расходных обязательств вышеуказанных органов государственной власти в законах анализируемых субъектов Российской Федерации существует две модели их закрепления:

- 1) Модель, при которой в законе перечислены укрепленные полномочия органов государственной

власти либо субъекта Российской Федерации в целом без их разделения на отдельные органы;

2) Модель, при которой за каждым органом государственной власти закреплены конкретные полномочия.

Вторая модель преобладает в анализируемых субъектах Российской Федерации.

Типичными бюджетными полномочиями законодательных (представительных) органов власти в отношении расходных обязательств анализируемых субъектов Российской Федерации являются следующие:

- принятие закона субъекта Российской Федерации о порядке рассмотрения и утверждения проектов бюджета, отчета об его исполнении;
- рассмотрение и утверждение закона о бюджете субъекта Российской Федерации;
- установление расходных обязательств субъектов Российской Федерации [5, ст.4];
- принятие законов субъекта Российской Федерации, связанные с образованием расходных обязательств субъекта Российской Федерации;
- определение порядка установления и исполнения расходных обязательств муниципальных образований, подлежащих исполнению за счет субвенции из областного бюджета.

Среди нетипичных полномочий бюджетными полномочиями законодательных (представительных) органов власти в отношении расходных обязательств анализируемых субъектов Российской Федерации можно выделить следующие:

- проведение публичных слушаний по проекту бюджета и годовому отчету об исполнении бюджета [1, п.4 ч.2 ст. 2]: Иркутская область, город федерального значения Севастополь и другие;
- рассмотрение проектов государственных программ субъектов Российской Федерации [2, пп.28 п.1 ст.5]: Приморский край, Мурманская область, город федерального значения Санкт-Петербург и другие;
- осуществление государственного финансового контроля: город федерального значения Санкт-Петербург [3, п.5 ч.1 ст. 4].

Главы анализируемых субъектов Российской Федерации, как правило, имеют следующие полномочия, касающиеся рассмотрения и принятия расходных обязательств:

- обращение к законодательному (представительному) органу государственной власти субъектов Российской Федерации с бюджетным посланием, в котором определяются основные направления исполнения расходных обязательств: все анализируемые субъекты Российской Федерации;
- внесение в законодательный (представительный) орган государственной власти субъектов Российской Федерации проект закона о бюджете на очередной финансовый год и на плановый период: большинство анализируемых субъектов Российской Федерации.

Самыми обширными бюджетными полномочиями по формированию расходных обязательств обладают высшие органы исполнительной власти и финансовые органы анализируемых субъектов Российской Федерации.

Высшие органы исполнительной власти в соответствии с законами анализируемых субъектов Российской Федерации обладают следующей группой полномочий в отношении законодательных процедур:

1) полномочия, напрямую связанные с расходными обязательствами субъекта Российской Федерации:

- установление расходных обязательств;
- определение порядка ведения реестра расходных обязательств субъекта Российской Федерации;

2) полномочия, связанные с разработкой и утверждением документов стратегического планирования субъекта Российской Федерации:

- установления порядка разработки документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации;
- утверждение прогноза социально-экономического развития, бюджетного прогноза на долгосрочный период;

3) полномочия по утверждению порядка разработки и реализации государственных программ, а также утверждению государственных программ субъектов Российской Федерации;

4) полномочия по утверждению порядка осуществления внутреннего финансового государственного финансового аудита (контроля), в рамках которого проверяется соблюдение бюджетных процедур планирования и принятия расходных обязательств [6, ст.6].

В большинстве анализируемых субъектов Российской Федерации высшие органы исполнительной власти имеют полномочия по утверждению порядка осуществления государственных закупок, на основании которого заключаются государственные контракты, приводящие к образованию расходных обязательств субъектов Российской Федерации.

В Ставропольском крае, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Омской, Орловской и Тверской области высший орган исполнительной власти обладает полномочиями по внесению проекта закона о бюджете на очередной финансовый год и плановый период [3, ст.10].

Как видно из вышесказанного, в части анализируемых субъектов Российской Федерации полномочия по утверждению расходных обязательств закреплены за законодательным (представительным) органом государственной власти (40%), а в части за высшим исполнительным органом государственной власти (60%).

На наш взгляд, более эффективной правовой дефиницией является закрепление полномочий по утверждению расходных обязательств за высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации на основании следующего.

Во-первых, высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации ответствен за разработку проекта закона о бюджете в лице его финансового органа. При этом финансовый орган формирует реестр расходных обязательств, который является основой для формирования расходов бюджета в его проекте.

Во-вторых, внесенный проект закона о бюджете содержит расходы, сформированные на основании рас-

ходных обязательств, которые в свою очередь основываются на документах стратегического планирования. Соответственно при обсуждении проекта закона о бюджете происходит анализ и дискуссия о целесообразности тех или иных расходных обязательств.

В-третьих, высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации как орган, ответственный за исполнение бюджета, может вносить оперативные изменения, которые в том числе связаны с изменением расходных обязательств (их образованием, приостановлением и так далее).

В-четвертых, все основные полномочия, связанные с определением порядка ведения и ведением реестра расходных обязательств, в анализируемых субъектах Российской Федерации закреплены за высшим исполнительным органом государственной власти или подчиненным ему финансовым органом.

Законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации при утверждении проекта закона о бюджете фактически утверждают и расходные обязательства, вытекающие из утвержденных расходов бюджета.

Таким образом, закрепление полномочия по утверждению расходных обязательств за высшим органом исполнительной власти субъектов Российской Федерации является целесообразным продолжением к группе уже имеющихся полномочий в отношении и расходных обязательств.

Однако окончательное утверждение расходных обязательств анализируемых субъектов Российской Федерации происходит только после утверждения проекта закона о бюджете законодательным (представительным) органом власти и подписания проекта закона о бюджете главой субъекта Российской Федерации.

Финансовые органы анализируемых субъектов Российской Федерации обладают следующими основополагающими бюджетными полномочиями, сгруппированные в группы:

1) полномочия по разработке проекта бюджета и консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации;

2) полномочия по осуществлению методологического руководства в области составления проекта бюджета и его исполнения;

3) полномочия по формированию и ведению реестра расходных обязательств субъекта Российской Федерации;

4) полномочия по установлению порядка представления реестров расходных обязательств муниципальных образований для формирования свода реестров расходных обязательств муниципальных образований;

5) полномочия по ведению учета принятых получателями бюджетных средств субъекта Российской Федерации бюджетных обязательств и их оплаты;

б) иные полномочия, косвенно связанные с формированием расходных обязательств, в частности: санкционирование оплаты денежных обязательств получателей бюджетных средств; установление порядка составления и ведения сводной бюджетной росписи, а также бюджетных росписей главных распорядителей (распорядителей) бюджетных средств [7].

Все вышеперечисленные органы государственной власти субъектов Российской Федерации обладают также в соответствии с законами субъектов Российской Федерации иными полномочиями, установленными БК и принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, регулирующими бюджетные правоотношения.

Высшие органы внешнего государственного финансового аудита (контроля) анализируемых субъектов Российской Федерации обладают бюджетными полномочиями по подготовке заключения на проект закона о бюджете. В рамках реализации данного полномочия ими оценивается обоснованность формирования расходных обязательств и их результативность. На основании чего формируется вывод о необходимости их включения в проект закона о бюджете.

Сложившаяся система органов государственной власти субъектов Российской Федерации, участвующих в законодательных процедурах носит оптимальный характер и позволяет качественно и эффективно принимать и утверждать расходные обязательства субъектов Российской Федерации в составе разработанного проекта закона о бюджете на очередной финансовый год и плановый период.

Система правового регулирования в анализируемых субъектах Российской Федерации бюджетных полномочий органов государственной власти в отношении законодательных процедур основывается на нормах БК РФ, Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [8] и других федеральных законах.

Региональные законы анализируемых субъектов Российской Федерации устанавливают общие рамки законодательных процедур. Конкретизация же законодательных процедур: установление конкретных форм, методологии, документов осуществляется нормативными правовыми актами главы, высшим органом исполнительной власти и финансовым органом субъекта Российской Федерации.

Литература:

10. О бюджетном процессе Иркутской области: закон Иркутской области от 23.07.2008 № 55-оз: принят Постановлением Законодательного Собрания Иркутской области от 25.06.2008 N 44/15-ЗС: по сост. на 1 января 2016 г. // "Областная", № 86, 04.08.2008.

11. О бюджетном процессе в Мурманской области: закон Мурманской области от 11.12.2007 N 919-01-ЗМО: принят Мурманской областной Думой 29.11.2007: по сост. на 1 января 2016 г. // "Мурманский Вестник", № 238, 14.12.2007, с. 4-6.

12. О бюджетном процессе в Орловской области: закон Орловской области от 26.12.2014 № 1724-ОЗ: принят ООСНД 22.12.2014: по сост. на 1 января 2016 г. // "Орловская правда", № 169, 30.12.2014.

13. О бюджетном процессе в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 20.07.2007 № 371-77: принят ЗС СПб 04.07.2007: по сост. на 1 января 2016 г. // "Санкт-Петербургские ведомости", № 138, 30.07.2007.

14. О бюджетном процессе в городе Севастополе: закон города Севастополя от 14.08.2014 № 59-ЗС: принят Законодательным Собранием г. Севастополя 31.07.2014: по сост. на 1 января 2016 г. // "Севастопольские известия" от 20 августа 2014 г. № 80-81 (1702).

15. О бюджетном процессе в Ставропольском крае: закон Ставропольского края от 19.11.2007 № 59-кз: принят Государственной Думой Ставропольского края 01.11.2007: по сост. на 1 января 2016 г. // "Ставропольская правда", № 271-272, 21.11.2007.

16. О Министерстве финансов Иркутской области: постановление Правительства Иркутской области от 23 декабря 2008 года № 120-пп: по сост. на 1 января

2016 г. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 сентября 1999 г.: по сост. на 1 сентября 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – ст. 5005.

18. Романько А.Н. Унификация как способ юридической конструкции бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 657-658.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ДИАГНОСТИКА ПРОКРАСТИНАЦИИ У СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Петров Владислав Евгеньевич

Кандидат психологических наук, доцент
Федеральное казенное учреждение
«Научно-исследовательский центр
проблем безопасности дорожного
движения МВД России», ведущий научный сотрудник, г. Москва

Кокурин Алексей Владимирович

Кандидат психологических наук, доцент
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА),

доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, г. Москва

Кокурина Инга Валерьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет кооперации
доцент кафедры административного
и таможенного права, г. Мытищи

DIAGNOSIS PROCRASTINATION LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Petrov Vladislav Evgenyevich,

leading researcher of the Federal state institution Research Center of road safety Russian Interior Ministry, Ph.D.,
associate professor

Kokurin Alexey

Ph.D., associate professor. Associate Professor, Department of Criminology and Penal Law, Moscow State Law
University O.E. Kutafin (MSLA), Moscow

Kokurina Inga

V., PhD, associate professor. Associate Professor of administrative and customs law of the Russian University of
Cooperation, Mytishchi

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена прокрастинации у сотрудников органов внутренних дел. Предложена авторская методика диагностики степени выраженности прокрастинации у сотрудников Госавтоинспекции. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности психологов при изучении личностных особенностей сотрудников. Прогностическое прогнозирование направлено на психологическую оценку предрасположенности человека к соблюдению исполнительской дисциплины. В конечном счёте, диагностика позволит, прежде всего, строго соблюдать требования приказов, распоряжений, решений, указаний, принятых на вышестоящем уровне управления, что будет способствовать совершенствованию работы с кадрами, повышению качества профессиональной деятельности полиции.

Annotations. The article is devoted to the study of the phenomenon of procrastination among employees of internal Affairs bodies. The author's technique of diagnostics of the severity of procrastination among employees of the state traffic Inspectorate. The results of the study can be used in the activities of psychologists in the study of personal characteristics of employees. Predictive forecasting is aimed at evaluating the psychological predisposition of a person to the observance of performing discipline. Ultimately, diagnosis will allow, first of all, to strictly comply with the requirements of orders, orders, decisions, directions taken at the higher management level that will contribute to the improvement of work with personnel, to improve the quality of professional policing.

Ключевые слова: прокрастинация; исполнительская дисциплина; психологическая диагностика; Госавтоинспекция.

Article keywords: procrastination; performance discipline; psychological diagnostics; state inspection.

Проблема совершенствования деятельности правоохранительных органов по праву является одной из центральных в современном российском обществе. Можно говорить о повышении качества и интенсификация труда, о соблюдении исполнительской дисциплины, об индивидуальной и коллективной ответственности, о мотивирование персонала, об учёте личностных особенностей сотрудников [7]. Актуальность проблематики для органов внутренних дел во многом обусловлена ожиданиями граждан в позитивных изменениях в сфере правоохранения, ростом объема профессиональных задач, оптимизацией организационно-

штатной структуры. В этой связи исследование феномена исполнительской дисциплины приобретает особое значение.

В практике нарушения исполнительской дисциплины в органах внутренних дел, к сожалению, встречаются не только объективные факторы (большая рабочая нагрузка, финансово-материальные ограничения и др.), но субъективно значимые аспекты, в первую очередь, лень и склонность к постоянному откладыванию поручений. Наиболее ёмко проблема исполнения сформулирована в таком феномене как «прокрастинация».

Прокрастинация (перевод с англ. procrastination – промедление; от лат. procrastinatus, «про-» вместо или впереди и «crastinus» (завтрашний)) – это склонность сотрудника к постоянному откладыванию значимых для него дел, поручений, служебных задач. Данное свойство личности имеет некоторое сходство с таким явлением как «лень». Однако если рассматривать лень как отсутствие или недостаток трудолюбия с целью высвобождения (экономии) времени (энергии, сил), то прокрастинация – это систематическая (хроническая) задержка выполнения жизненно важных задач. С психологической точки зрения, и в первом, и во втором случае человек осознает необходимость выполнения определённых дел (поручений, функциональных задач), но лень связана с тем, что сотрудник не переживает относительно своего бездействия и не пытается прилагать волевых усилий даже для начала выполнения той или иной задачи, а прокрастинация указывает на эмоционально-волевою готовность (своеобразную вероятностную предрасположенность) к исполнительской деятельности по только позже.

Феномен прокрастинации наполнен психологическим содержанием, т.к. обращен к личности сотрудника, его мотивации и деятельностным характеристикам, отражает аспекты отношения подчиненного (исполнителя) как к порученному, так и к руководителю. Прокрастинацию можно рассматривать как: 1) вариант разрешения индивидом противоречий жизнедеятельности за счёт избегания приложения усилий в труде; 2) психологическое сопротивление неинтересной работе; 3) индивидуалистическое отношение к службе (работе). По сути, прокрастинация является неэффективной тратой времени, поскольку человек не отдыхает (псевдо-отдыхает), а подменяет выполнение важных (первостепенных) дел второстепенными. Сотрудник прекрасно понимает, что конкретная задача требует исполнения, но, несмотря на это, игнорирует ее и отвлекается на какие-нибудь незначительные служебные задачи, бытовые мелочи и пустяковые занятия. При некоторых обстоятельствах сотрудник может полностью отказаться от выполнения необходимого,

например, вследствие неактуальности, смены приоритетов, адаптации к организации работы и т.п. Чтобы не разрушать собственную личность, он оправдывает себя, свою низкую исполнительскую дисциплину нехваткой времени, загруженностью иными делами, воздействием внешних (неконтролируемых) факторов. Существенным ограничением прокрастинации выступает то обстоятельство, что подмена исполнения, проявляющаяся постоянно и длительное время, вызывает рост нервно-психического напряжения, неудовлетворенности трудом, изменяет самооценку сотрудника как специалиста, меняет мотивацию.

Распространённость прокрастинации среди сотрудников ОВД исследовалась в ходе опроса 112 руководителей. В целом можно констатировать, что проблема исполнения не стоит в органах внутренних дел столь остро как среди работников гражданских организаций [8]. Так, на вопрос «Как часто встречаются в вашем подразделении нарушения исполнительской дисциплины со стороны сотрудников?» были получены следующие ответы: часто – 1,8 % (2 чел.), достаточно часто – 12,5 % (14 чел.), затрудняюсь с ответом – 4,5 % (5 чел.), достаточно редко – 75,8 % (85 чел.), не встречается – 5,4 % (6 чел.). Раскрывают этиологию нарушения исполнительской дисциплины ответы на такой вопрос как «Если существуют отдельные факты нарушения исполнительской дисциплины, то они возникают по причине (в форме): а) лени сотрудника; б) склонности сотрудника к постоянному откладыванию поручений». По мнению респондентов, лень лежала в основе 43,8 % (мнение 49 чел.) нарушения исполнительской дисциплины, а прокрастинация – 31,3 % (35 чел.). Несмотря на относительно невысокие числовые показатели опроса руководителей, проблема прокрастинации является актуальной для деятельности сотрудников ОВД.

Особое внимание было уделено изучению причин существования прокрастинации. В ходе анкетного опроса 197 сотрудников, которые были отмечены руководителями как прокрастинаторы и признали за собой наличие данной проблемы, уточнены детерминанты девиации исполнения (табл. 1).

Таблица 1. Основные причины возникновения прокрастинации у сотрудников ОВД

Причина	Процент выбора
недостатки в организации работы (службы)	66,5 (131 чел.)
социальные установки и стереотипы	48,7 (96 чел.)
сниженная мотивация к профессиональной деятельности	33,0 (65 чел.)
личностная неорганизованность	30,5 (60 чел.)
неблагоприятный социально-психологический климат в коллективе	28,9 (57 чел.)
неинтересная служба (работа)	20,8 (41 чел.)
недостаточность подготовки сотрудников	12,7 (25 чел.)
стремление к совершенству (перфекционизм)	12,2 (24 чел.)
повышенная тревожность, неуверенность в себе	5,6 (11 чел.)

В среднем сотрудники апеллировали к 2,6 причинам (из девяти) нарушения ими исполнительской дисциплины. Доминирующими явились экстернальный локус-контроля: недостатки в организации работы (66,5 %), социальные установки и стереотипы (48,7 %).

Основные причины прокрастинации среди сотрудников ОВД были сведены в следующие три группы:

I. Организационно-психологические аспекты (детерминируются внешними по отношению к сотруд-

нику факторами, определяемыми условиями, организацией труда и управлением профессиональной деятельностью):

а) недостатки в организации работы (службы), а именно: дисбаланс нагрузки или несправедливое (неравномерное) распределение служебных обязанностей, необеспеченность ресурсами для выполнения необходимых задач, противоречивость должностных предписаний и т.п. Подобная ситуация обуславливает наличие у сотрудника своеобразной «стратегии сопротивления» на происходящее – при осознании необходимости исполнения должностных обязанностей индивид невольно (в форме протеста) постоянно откладывает реализацию отдельных задач, подменяет их, по его мнению, более значимыми. Например, в отделе проходят службу два сотрудника – один отличается добросовестностью и исполнительностью, второй находится в привилегированном положении. Вследствие низкой исполнительской дисциплины второго сотрудника, его служебные обязанности систематически перекадываются на первого. В некоторый момент времени подобная ситуация вызывает внутренний протест, рост психического напряжения у первого сотрудника, возникают прокрастинационные явления;

б) сниженная мотивация к профессиональной деятельности. Во многих случаях сотрудник не понимает, что необходимо делать и, что гораздо важнее, для чего он будет исполнять то или иное поручение. В настоящее время, к сожалению, мотивирование персонала в органах внутренних дел сводится к императиву, принуждению, угрозам [4]. У сотрудника возникает ощущение службы как потогонной системы, бесцельности и отсутствия перспектив в работе, отсутствуют смыслообразующие начала деятельности и личностно значимые стимулы к добросовестному труду. Разумеется, он не будет стремиться выполнить то или иное поручение в срок;

в) недостаточность специальной подготовки. Хотя вопросам профессионального обучения в системе МВД России уделяется первостепенное внимание, в некоторых случаях у личного состава отсутствуют в достаточном объеме необходимые знания, умения и навыки [1]. Поэтому сотрудникам проблематично полноценно выполнять свои служебные обязанности, появляется тенденция избегания и перенос актуальных поручений на «потом» в надежде, что они как-то будут исполнены;

г) неинтересная служба (работа). В некоторых случаях, поступая на службу с одной мотивацией, взглядами и профессиональной ориентацией, впоследствии сотрудник теряет к ней интерес, разочаровывается в процессе и результатах труда, работает без удовольствия или даже с отвращением. Можно говорить о психологической несовместимости «сотрудника» и «службы». При таких обстоятельствах индивид будет стараться отложить дело «на потом», надеясь, что позже у него проявится интерес к исполнению конкретного поручения, желание и силы.

II. Социально-психологические аспекты (определяются социально-психологическими процессами и явлениями, которые влияют на трудовой процесс):

а) социальные установки и стереотипы. Как известно, индивиду сложно противостоять группе и ее

влиянию. Тем более, если это относится к работе, в которой требуется интенсивное межличностное взаимодействие. Среди личного состава ОВД не являются исключением установки типа «задание должно отлежаться», «не торопись исполнять поручение – возможно, его скоро отменят», «работа не волк – в лес не убежит» и т.п. Под влиянием подобных стереотипов, не желая выделиться, противопоставить себя служебному коллективу, сотрудники начинают демонстрировать прокрастинационное поведение;

б) неблагоприятный социально-психологический климат в служебном коллективе. Исследованиями доказано [2, 3, 6], что результативность деятельности сотрудника во многом зависит от групповых процессов и явлений (например, настроения, сплоченности, напряженности, конфликтности и др.). Состояние социально-психологического климата – это основное условие, способствующее или осложняющее, а порой даже препятствующее исполнению служебных обязанностей. Подвергаясь психологическому давлению, испытывая неприязнь коллеги, переживая из-за межличностного конфликта с руководителем, у сотрудника «опускаются руки», возникает желание не столько не исполнить поручение, сколько исполнить некачественно и с нарушением сроков. Это не что иное, как прокрастинация.

III. Индивидуально-психологические аспекты (связаны с личностными особенностями сотрудников, которые объективно снижают исполнительскую дисциплину):

а) личностная неорганизованность. Возникает, когда сотрудник не обладает навыками тайм-менеджмента [5], не может мобилизоваться и не умеет планировать свою жизнедеятельность, хронически не успевает выполнять достаточно большой объем должностных функций. Он постоянно откладывает исполнение поручений на «последнюю минуту», искренне полагая, что успеет;

б) повышенная тревожность, неуверенность в себе. В процессе выполнения поручения сотрудник переживает о том, правильно ли он действует, сомневается в себе и испытывает негативные эмоции от службы. Это во многом препятствует желанию начать исполнять поручение немедленно. Сотруднику необходимо настроиться, совладать с собой. Поскольку регулировать своё психоэмоциональное состояние ему сложно, гораздо проще отложить выполнение задания на некоторое время;

в) стремление к совершенству (перфекционизм). В некоторых случаях сотрудники, ориентированные на добросовестное исполнение служебных обязанностей, профессионально деформируются в части стремления к безукоризненной работе, недопущения критики и замечаний. Стремясь к идеалу, перфекционисты психологически изматывают себя настолько, что необоснованные и мелочные придирки к самому себе сдерживают выполнение поручения в срок, обуславливают его перенос «по мере приближения к совершенству».

Проведенное нами исследование позволяет:

1. Намечить пути психологической профилактики и преодоления прокрастинации у сотрудников ОВД. Однако, несмотря на актуальность данного

научно-практического направления, создание подобных программ требует значительных ресурсов и выступает перспективной задачей для ведомственных научно-исследовательских организаций.

2. Обосновать диагностический инструментарий, ориентированный на оценку степени выраженности прокрастинации. В настоящее время ФКУ НИЦ БДД МВД России разрабатывается и проводится пилотажное исследование методики диагностики степени выраженности прокрастинации у сотрудников Госавтоинспекции.

Результаты исследования могут быть использованы в деятельности психологов при оказании помощи сотрудникам ОВД. В конечном счёте, преодоление прокрастинации позволит, прежде всего, строго соблюдать требования приказов, распоряжений, решений, указаний, что будет способствовать совершенствованию работы с кадрами, повышению качества профессиональной деятельности полиции.

Список литературы:

1. Марьин М.И., Мальцева Т.В., Петров В.Е., Сафронов А.Д. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности: учебно-методическое пособие. – Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2014. – 195 с.

2. Марьин М.И., Петров В.Е., Адаев А.И., Егоров К.А. Организация социально-психологической работы в органах внутренних дел: методическое пособие. – М.: ЦОКР МВД России, 2006. – 240 с.

3. Петров В.Е. Управление социально-психологическим климатом учебного коллектива // Личность, творчество и современность : Сб. науч. трудов; Вып. 6 / Сибирский юридический институт МВД России. – Красноярск, 2003. – С. 36-41.

4. Петров В.Е., Абасов М.М. Сравнительный психологический анализ методов работы по поддержанию служебной дисциплины среди сотрудников органов внутренних дел // Полицейская деятельность. – М., 2015. – № 3 (25). – С. 171-181.

5. Петров В.Е., Коваленко Е.В. Психология тайм-менеджмента в деятельности руководителей органов внутренних дел: учебно-методическое пособие. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2012. – 75 с.

6. Петров В.Е., Просвирин А.В. Сплочение служебных коллективов органов внутренних дел Российской Федерации: психологический тренинг: учебно-методическое пособие. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2012. – 73 с.

7. Петров В.Е., Ходнаева А.В. Исполнительская деятельность сотрудников органов внутренних дел как психологический феномен // Вестник ВИПК МВД России. – Домодедово, 2012. – № 1 (21). – С. 60-63.

8. Тарасевич Г. Прокрастинация: болезнь века // Русский репортер: журнал. – М., 2014. № 14 (342). – С. 20-29.

Международный фонд правовых исследований
«Аспекты права»

Ежемесячный научный журнал
№ 1(19) / 2016

Редактор — д.ю.н. Милютин Эдуард Сергеевич
Ученый секретарь — д.ю.н. Пигалова Елена Викторовна

Бушков Дмитрий Романович
Костюк Александр Валерьевич
Мартынов Константин Андреевич
Минчук Денис Геннадьевич
Миролимонов Мирсаид Мирзохид угли
Терехина Ирина Юрьевна
Тотрашвили Давид Ивериевич
Тукфатуллина Мадина Фаритовна
Тян Вероника Сергеевна
Хакимов Артем Сергеевич
Черкасова Мария Викторовна

Ответственный редактор
д.ю.н. Милютин Эдуард Сергеевич

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: почтовый индекс 115432, Россия, г. Москва, улица Трофимова, 26, 13

Адрес электронной почты: info@aspect-law.ru
Адрес веб-сайта: <http://aspect-law.ru/>

Учредитель и издатель Международный фонд правовых исследований «Аспекты права»

Тираж 1000 экз.
Отпечатано в типографии 115432, Россия, г. Москва, улица Трофимова, 26, 13